

Книга рецептов Ника и Хигрума

Владимир Безмянин

Предисловие

Данное повествование является литературно-культурологическим экспериментом со всеми вытекающими из этого факта последствиями. В книге нашли отражение идеи, имеющие значение для автора и не дающие ему покоя в определённый период времени. Эти идеи приняли форму, которая казалась оптимальной в момент написания текста, форму не вполне обычную, не укладывающуюся в привычные рамки, требующую некоторых мысленных усилий от читателя. Говоря проще, книга получилась не для средних умов. Тем не менее, свою аудиторию книга найдёт и принесёт, на мой взгляд, несомненную пользу тем, кто в состоянии открыть свой ум и своё восприятие для Необычайного и Необъяснимого.

Предварительная справка: Вигилия (от лат. *vigilia* – ночное бдение) – это слово Э. Т. А. Гофман применил в повести «Золотой горшок» («*Der goldne Topf*») для обозначения отдельных частей текста, заменив им традиционный термин «глава». Считается, что этот приём является указанием на то, что повесть писалась ночью.

Некоторые события и персонажи этой книги придуманы.
Имена всех действующих лиц изменены.

Вигилия 1

– О Тень Бесплотная, Полуночный Пришелец! – произнес я; импульс, заставивший меня сказать эту фразу, был настолько же внезапным, насколько и непреодолимым. – Зачем явился ты безмолвно, словно тать? Не подобает так входить в жилище. Пусть даже дом – корабль, волной несомый.

К моему удивлению, эти слова возымели действие – туманное облако, медленно пересекавшее каюту, остановилось и начало сгущаться. Через какое-то время этот завораживающе эффектный процесс завершился, и предо мной предстал человек вполне обыкновенной внешности.

– Вы что-то сказали? Я не разобрал слов, но адресованы они были мне, очевидно, – сказал он негромким, но внятным голосом. – Не повторите ли фразу?

Слегка ошарашенный необычностью происходящего, я несколько секунд молчал, приходя в себя. Наконец, дар речи вернулся, и мне удалось кое-как выразить свою мысль о том, что неплохо, дескать, здороваться, когдаходишь в занятую кем-нибудь комнату, даже если она – каюта на морском корабле, и время – середина ночи.

– Нет проблем! – ответил мой таинственный собеседник, жизнерадостно улыбаясь, и отвесил лёгкий поклон. – Разрешите поприветствовать вас, уважаемый хозяин, и пожелать вам благоденствия и доброго здоровья!

– Спасибо, и вам того же, – сказал я, даже не пытаясь сравниться с собеседником в искусстве владения изящными манерами. – Не научите ли этому трюку с материализацией? Выглядит здорово.

– Могу ли я обучить вас? – в задумчивости повторил гость, внимательно меня разглядывая. – Это зависит от того, способны ли вы учиться и готовы ли к этому знанию. Например, нельзя научить человека стихосложению, если он не владеет навыками речи или письма. Понимаете? Предварительный период обучения может занять много времени.

– Да. Я и не настаиваю. Просто любопытствую.

– Чтобы выяснить ваши возможности, мне надо разузнать о вас больше, а это требует общения. Если вы не возражаете, то приступить можно прямо сейчас. Впрочем, мы и так уже начали этот процесс, не правда ли? – продолжал незнакомец, беззвучно посмеиваясь. – Моё имя – Хигрум; просто Хигрум, без всяких дополнительных приставок – таких, как “господин”, “доктор”, “полковник”, или, например, “патер”.

– В таком случае, и вы зовите меня просто Ник, – ответил я, и пожал протянутую руку – она была совсем не призрачная, тёплая и сухая.

– Расскажите о том, как вам тут нравится, Ник, – произнося это, Хигрум добродушно улыбнулся и оглянулся вокруг, изучая обстановку. Я пригласил его присесть, но он отказался, заявив, что предпочитает прохаживаться, “ибо жизнь – это движение, а движение – это жизнь”.

– Здесь, в общем, неплохо, а временами просто чудесно, – задумчиво произнёс я, решив поддержать предложенное гостем направление беседы. – “Сан-Элизарио”, на борту которого мы находимся, – великолепный лайнер, прекрасно оснащённый для длительных путешествий; здоровье не доставляет поводов для беспокойства, оно у меня идеальное; я люблю море, и небо, и Солнце, и могу созерцать их долгие часы, мысленно сливаясь с природой и получая массу положительных впечатлений. Мне никогда не бывает скучно. Только одно здесь вызывает у меня непонимание и недоумение.

– И что же это? – подыграл мне Хигрум, мгновенно уловив театральность паузы.

– Люди, – коротко ответил я, внимательно наблюдая за реакцией нежданного собеседника.

– Вот как? – вновь спросил он, безмерно заинтересованный. – И чем же вам не угодили ваши спутники?

– “Не угодили” – это не то выражение, которое я бы применил в данном случае. Я далёк от желания предъявлять претензии к окружающим. Поэтому и хочу уточнить – не раздражение, а именно недоумение возникает у меня при контактах с пассажирами и членами экипажа лайнера; особенно странно ведут себя пассажиры. Странность эта заключается в том, что их поведение редко бывает разумным. Любой разговор с ними может привести к непредсказуемым реакциям и неожиданным последствиям – негативным, как правило. Скажем, закуривает кто-нибудь из них на палубе сигарету. Из самых лучших побуждений я говорю ему, что курение – смертельно опасное действие, и лучше от него отказаться. Но вместо благодарности за предупреждение курильщик наполняется ненавистью и раздражается ругательствами.

И подобная неадекватность реакций может проявиться в любой момент, при любых обстоятельствах, причём у всех окружающих без исключения. Поэтому при каждом контакте с людьми приходится быть крайне осторожным и с предельной тщательностью продумывать свои слова и действия, чтобы избежать каких-либо вспышек негатива. Это похоже на встречу с опасным животным – любая ошибка может привести к неприятностям...

– Вам не нравится непредсказуемость окружающих? – спросил Хигрум с любопытством. –

Люди имеют право на свободное выражение своих чувств.

– Это так. Но ведь негативные эмоции – страшно вредны для здоровья, разве вы не знаете? Мне не по душе быть причиной подобных саморазрушительных выходов.

– Вас так заботит здоровье окружающих?

– От здоровья и душевного состояния окружающих напрямую зависит и моё. Я улавливаю эмоции близких, я чувствую их так, словно они – мои собственные переживания. Весьма неприятно – ощущать тёмные страсти своих сограждан: страх, гнев, тоску, и т.п. Хотя сама по себе способность эта весьма многообещающая; в науке её называют эмпатией. Вам, вероятно, это известно.

– Хотите рассказать о ней? – поинтересовался Хигрум.

– Может быть позже; ведь мы ещё не окончили разговор о странностях окружающих людей, не так ли?

– О да! – вновь усмехнулся Хигрум. Такого улыбчивого собеседника мне встречать ещё не доводилось. – А вы не опасаетесь, что и я столь же безумен, как и остальные?

– Когда я знаколюсь с кем-то, то использую принцип презумпции невиновности, или, лучше сказать, презумпции разумности. Пока человек не выказывает признаков сумасшествия, я отношусь к нему, как к разумному существу. Вы пока реагируете адекватно, и мне легко – не надо взвешивать каждое слово, просчитывая возможные последствия.

– Спасибо за откровенность, – ещё раз отвесил поклон Хигрум; сквозившая в этом жесте ирония была беззлобной и не казалась порождением уязвлённого самолюбия. Смешливость собеседника, казалось, происходила от легкого и юмористического восприятия происходящего. – Надеюсь и впредь соответствовать вашим представлениям о вменяемости. Но не слишком ли вы строги к окружающим? Не завышены ли чрезмерно ваши критерии разумности?

– Этот вопрос не раз приходил мне в голову. Попробую изложить своё мнение на этот счёт, – сказал я и задумался. – Каждый из нас по умолчанию считает себя разумным, но реально таковым является лишь время от времени. Осмысленность действий должна проявляться последовательно, а не в виде редких прорывов. Когда большая часть поступков становится продуманными и осознанными, тогда и можно говорить о разумности жизни. Однако такое последовательно разумное поведение мне не встречалось. Я бы даже сказал, что самоназвание нашего вида – homo sapiens, или человек разумный – скорее, пожелание, чем констатация.

– Bravo! – беззвучно поаплодировал Хигрум, после чего добавил вкрадчиво. – А аргументы?

– Если исходить из того, что стремление к самоуничтожению – это признак безумия, то разумных людей на этой планете найти крайне сложно. Ведь те или иные элементы саморазрушения присутствуют в поведении большинства наших современников. Мы все прекрасно информированы о том, что вредные привязанности приближают смерть, но кто готов от них отказаться? Эти саморазрушительные действия – не что иное, как массовое самоубийство, прикрытое привлекательными масками. Речь идёт не только о курении, пьянстве и других видах наркомании; вредные пищевые привычки и склонность к осуждению, страху и сожалениям тоже относятся к суицидному поведению, да и других безумств можно найти немало. По мнению психиатров, такие люди не относятся к душевнобольным, но с моей точки зрения разумными этих латентных самоубийц назвать никак нельзя.

Обычный самоубийца кончает с собой одномоментно, а латентный – растягивает самоубиение

на какое-то время, вот и вся разница. Что характерно, у некоторых из этих бедняг мыслительные способности весьма неплохо развиты, например, у представителей мира науки и культуры. Но разум их всецело подчинён разного рода неразумным желанием. К примеру, Менделеев пытался оправдать свою склонность к курению тем, что табачный дым убивает вредные микроорганизмы; то, что его собственное тело тоже подвергается отравлению, ему замечать не хотелось. Это довольно-таки распространено – задействовать свой интеллект для поисков разумных оправданий безумным действиям. Например, некоторые говорят, что алкоголь снимает стресс. Но попробуйте предложить таким хитрецам безвредный способ ликвидации стрессов – а он есть – и ваш собеседник уйдёт от ответа. Потому, что так называемое “снятие стресса” – это всего лишь маскировка истинной причины привязанности к алкоголю. Эта истинная причина заключается в том, что пьяницам нравится быть пьяными. Они знают о своём безумии, но пытаются представить его как нечто разумное. Что это значит? – я сделал паузу и взглянул на Хигрума. Тот развёл руками, как бы говоря – “не знаю и жду продолжения”.

– А это значит, что способности разумно мыслить у людей имеются, но используются они не по назначению и нерегулярно. Поясню – разум у человека есть, но поведением человека управляет не он, а другая структура, обосновавшаяся в нашем мыслительном аппарате.

– Так, так, так...– оживился Хигрум. – Вы говорите о “чужеродном устройстве”, которое помещено в сознание человека его коварными недругами?

– Об искусственном происхождении этой структуры мне ничего не известно, – признался я. – На данном уровне своих знаний я предполагаю, что она – естественная формация, доставшаяся в наследство человеку от его предшественников. В любом случае, важно не столько её происхождение, сколько осознание реальности её существования, изучение её характерных особенностей и способов взаимодействия с нею.

– У этой структуры есть название?

– Я использую традиционное обозначение – эго. Не фрейдовский термин, а то эго, о котором говорили мастера самосовершенствования прошлого. Правда, в наше время можно обозначить эту структуру с помощью терминов из мира науки. Назвать её, например, базальным комплексом психосоматических реакций, или как-то ещё, в том же духе.

Это, конечно, несколько облегчает её изучение, даёт некую приятную определённую. Когда читаешь старые тексты, посвящённые самосовершенствованию, то не всегда и не вполне ясно, о чём идёт речь; а вот научно обоснованная дефиниция – это совсем другое дело, согласны?

– Отчасти, – немного подумав, ответил Хигрум. – Та приятная определённая, о которой вы говорите, основана на упрощении, а упрощение – это, в какой-то степени, искажение.

– Совершенно верно, – сказал я, довольный уровнем своего собеседника. – Но путь познания идёт от простого к сложному. Без упрощения этот процесс не сможет начаться.

– А без усложнения – продолжиться, – подхватил мысль мой гость. – Правда, учителя дзен с нами бы не согласились, но ведь среди нас их, кажется, нет? – и с комичной боязливостью Хигрум обвёл взглядом мою не слишком обширную каюту.

– Не беспокойтесь, – успокоил я его, посмеиваясь. – Оставим истину без слов тем, кто её уже достиг; мои стремления несколько скромнее.

– Да, расскажите о своих целях, будьте так любезны, – с энтузиазмом продолжил разговор Хигрум. – Насколько я понял, безумие окружающих вызывает ваше недоумение и отторжение. Не возникает ли желание замкнуться в себе, порвать все связи с этим сумасшедшим миром?

– Я время от времени прибегаю к этому, чтобы восстановить силы и запас энергии, – не стал изворачиваться я. – Иногда одиночество – единственный способ прийти в себя. Но полный разрыв всех социальных связей – не лучшее решение проблемы несовместимости. Я вижу выход в другом.

Когда приходится жить бок о бок с безумцами, то приходится выбирать – либо ты станешь таким же безумным, либо научишься терпению и управлению собственными эмоциями. Второй вариант труднее, но перспективнее. В любом случае, окружающие – это учителя и экзаменаторы, дающие возможность как-то изменить себя; самих изменений избежать нельзя, но можно направить процесс этого изменения в нужном нам направлении, взять его в свои руки и форсировать. Нам необходимо учиться не пассивному смирению, а активному самосотворению, не простому подчинению обстоятельствам, а осознанному сотрудничеству с ними.

Это первый шаг. Второй начинается тогда, когда означенное управление процессом самосотворения достигает определённой степени мастерства и заключается данный шаг в том, чтобы передать это искусство другим, тем, кто нуждается в этом. Думаю, это единственное решение проблемы, возможное в наших условиях.

Так мы приходим к рецепту излечения нашего мира от свойственного ему безумия: овладев навыком жить разумно, можно научить этому других, а те, в свою очередь, научат следующих, и так до тех пор, пока безумие не будет локализовано и ужато до минимальных величин. Не только глупость заразна, разумность тоже может стать эпидемией.

– Неплохо сказано, – заметил Хигрум. – И много у вас подобных рецептов?

– Есть немножко, – ответил я, не понимая, к чему клонит собеседник.

– Почему бы вам их не начать их записывать? Например, наш диалог так и просится на бумагу.

– Я могу это сделать, но мне кажется, что все ценные мысли уже высказаны и обнародованы.

У меня много раз повторялась следующая ситуация: приходит в голову какая-то идея, которая представляется совершенно новой и оригинальной, а через какое-то время я сталкиваюсь с этой же идеей в каком-нибудь тексте – в интернете, или в книге. В результате, сейчас я вслед за Экклезиастом готов повторить – «всё уже было в веках, бывших пред нас».

– Есть и другие высказывания древних, подходящие к вашей ситуации. “Как листья ежегодно сменяются на деревьях, так и слова, прожив свой век, уступают место вновь нарождающимся”, – процитировал Хигрум, и пояснил:

– Квинт Гораций Флакк. Древние мыслители задумывались над теми же вопросами, и находили на них прекрасные ответы. Не бойтесь доверять свои мысли бумаге, даже если эти мысли были высказаны до вас. Вечные истины должны облекаться в новые слова, чтобы оставаться юными и привлекательными. Вспомните и Овидия – “Всё изменяется, ничто не исчезает”.

– Вы умеете убеждать, – улыбнулся я. – Завтра вы найдёте запись нашей беседы на этом столе, если снова заглянете ко мне в гости.

– Не обещаю, что приду завтра, но в ближайшее время навещу обязательно, – я ведь взял обязательство изучить вашу способность к обучению. Должен сказать, обязательства я беру на себя крайне редко. У меня есть правило – взятая задача должна быть выполнена несмотря ни на что. Поэтому мне приходится выбирать их с предельной тщательностью и останавливаться только на самых необходимых, без которых нельзя обойтись. Однако ваш случай – как раз из этого разряда. Я намерен ознакомиться и с другими вашими рецептами; и,

быть может, мои собственные смогут вас заинтересовать.

– Они уже меня интересуют, заочно, – ответил я абсолютно искренне.

– Прекрасно! Предчувствую, что со временем наберётся коллекция, которой хватит на книгу. Этот проект можно назвать “Книга рецептов”.

– «Книга рецептов Ника и Хигрума» – так лучше звучит, – предложил я.

– Да будет так! – со слегка ироничной торжественностью возвестил Хигрум и на несколько секунд застыл в молчании и полной неподвижности, словно давая возможность сказанному отзвучать и впечататься в окружающее пространство. – Кстати, должен предупредить, что я и сам обладаю некоторой способностью к эмпатии. И сейчас я, как говорится, нутром чую, что вы утомлены и нуждаетесь во сне. Поэтому разрешите откланяться и пожелать вам спокойной ночи.

Я, сдерживая зевок, пожелал ему здоровья и скорейшего возвращения; помахав рукой в знак прощания, Хигрум развернулся и прошёл сквозь бортовую обшивку, не тратя время на какие-либо трансформации. Вспомнив, что за стеной, сквозь которую прошёл мой гость, находится не каюта, а бездонная толща холодных, тяжёлых вод мирового океана, я подумал, укладываясь спать: “Всё-таки галлюцинация. В самом деле, весёлый, умный, добродушный и знаток хороших манер – это слишком много для одного человека. По отдельности эти качества иногда присутствуют, вместе – никогда. В реальной жизни таких людей не встретишь. Как сказал поэт –

В книгах гений Соловьевых,

Гейне, Гете и Золя,

А вокруг от Ивановых

Содрогается земля...”

Вигилия 2

Через несколько суток я, вернувшись с ужина, застал Хигрума сидящим за столом в моей каюте и читающим записки, которые я написал, исполняя своё обещание. Он поприветствовал меня поднятием руки и дружеским кивком, но чтения не прервал; я дал ему возможность без помех ознакомиться с текстом, удержавшись от расспросов и пользуясь паузой, чтобы снять пиджак и сменить ботинки на домашние тапочки. Внезапно, обнаружив в тексте нечто забавное, гость разразился смехом – почти беззвучным, но необыкновенно сильным и искренним.

– Могу ли я убедить вас в том, что я – не галлюцинация? – наконец произнёс он, утирая выступившие от смеха слёзы. – Если вы не доверяете своему зрению, слуху и осязанию, то, может быть, поверите собственному бесстрастному разуму?

– В этом нет необходимости, – ответил я. – Нет никакой разницы между тем, существуете ли вы для всех, или только для меня одного. Я внимательно и серьёзно отношусь к словам и действиям людей вне зависимости от того, кто или что они собой представляют. Даже если они – плод моего воображения, проекция моего собственного сознания, этот принцип остаётся в силе.

Следуя ему, я и сделал обещанные записи, хотя сомнения в вашей реальности у меня остаются. Но, должен сказать, раньше галлюцинаций у меня не случалось...

– Ваша верность принципам чудесна! – произнёс Хигрум с одобрением. – Но всё же я не оставляю надежды убедить вас в своей реальности. И ещё хочу спросить – почему ваше первое обращение ко мне было столь торжественным? “О Тень Бесплотная, Полуночный Пришелец...”, и так далее. Насколько я могу судить, обычно вы выражаетесь несколько проще.

– Я постараюсь объяснить, – сказал я, улыбаясь. – Представьте – время далеко за полночь, тишину нарушает лишь приглушённый рокот судовых двигателей и плеск волн, шепчущих свои бесконечные истории; свет луны, смешанный с загадочным мерцанием звёзд, проникает сквозь открытый иллюминатор и лишь слегка разгоняет мрак, позволяя разглядеть очертания предметов; некое полупрозрачное облачко беззвучно возникает в круге неяркого света и, поблескивая крохотными мистическими огоньками, возникающими и гаснущими внутри, шествует из одного угла каюты в другой с той же безмятежной неторопливостью, с какой парусное судно дрейфует по водной глади в полный штиль... Эта таинственная атмосфера точно соответствует духу старинных трагедий с призраками и замками, напыщенными вельможами и дворцовыми интригами; особые обстоятельства требуют особенных выражений – таких, как “Кто ты, без права в этот час ночной Принявший вид, каким блистал, бывало, Похоронённый датский государь, – Я небом заклинаю, отвечай мне!” Проза в подобной атмосфере просто неуместна.

– С этим не поспоришь, – продолжая посмеиваться, согласился мой гость. А когда приступ веселья немного унялся, заметил. – Между прочим, даже герои “Гамлета” не всегда говорят стихами. Ночь поэтична, а день прагматичен и вгоняет в прозу. Кстати, чем запомнился вам день минувший?

– Наш кок сегодня превзошёл самого себя, – начал припоминать я. – Не могу сказать, что послужило этому причиной – смена ветров или других погодных условий, либо благоприятные сочетания между магнитным полем и характером солнечного излучения, а может быть, просто прилив вдохновения, но этот день стал праздником кулинарных шедевров. Казалось бы, обычные и привычные блюда сегодня имели некий особенный вкус, с множеством неожиданных, порой незнакомых, но приятных и интересных оттенков. Это было замечено и некоторыми другими пассажирами – теми, кто способен ценить такие стороны жизни. И я подумал – не в первый раз, впрочем – почему приготовление пищи не считается искусством? Когда говорят об искусстве, мы вспоминаем живопись и литературу, театр и музыку, но кулинарию – никогда. Как вы считаете, отчего это?

– Я не задумывался об этом, – признался Хигрум. – Но если брать ситуацию в целом, то определение того, что является искусством, а что нет – штука весьма условная. Я бы сказал, что она зависит не столько от общественного мнения, сколько от собственного отношения к тому, чем ты занимаешься. Если дело интересует только как источник доходов, тогда оно является ремеслом, если как источник знания – наукой, а если работа пробуждает и задействует творческое начало, она становится искусством. Поэтому в любом из человеческих занятий можно проявлять себя либо как ремесленник-профессионал, либо как учёный-исследователь, либо как художник, или артист. Это верно для любой деятельности – будь то медицина, или педагогика, садоводство, или пилотирование летательных аппаратов.

– Вы абсолютно правы, – согласился я. – Но всё же речь идёт не о личном отношении, а именно об общественном мнении: почему оно сложилось так, а не иначе? Почему живописец и

поэт считаются представителями мира искусства, а повар – нет?

– И каков ваш ответ? – с любопытством отреагировал Хигрум.

– Есть у меня предположение, которое кажется мне заслуживающим внимания, – задумчиво проговорил я. – Рискну высказать его, хотя не уверен, что смогу точно выразить свою мысль.

– Скорее, вы не уверены в том, что моего запаса знаний достаточно для восприятия этой мысли, – усмехнулся Хигрум. Его способность улавливать недосказанное впечатляла. –

Продолжайте, я думаю, что в состоянии понимать и достаточно сложные идеи.

– Когда я начал готовить себе сам, то поначалу занимался этим без особого интереса – так же, как и любой другой рутинной работой, – погрузился в воспоминания я, чтобы дать время толкающимся в моей голове мыслям оформиться и обрести нужными словами. – Однако через какое-то время я обратил внимание, что моё отношение к этому занятию изменилось. Я начал планировать процесс заранее, обдумывать состав и технологию приготовления блюд, экспериментировать и получать от всего этого массу своеобразного удовольствия, которое уже было мне знакомо. Примерно такая же гамма ощущений возникала у меня, когда я занимался стихосложением, сочинением музыки и другими творческими дисциплинами.

Тогда-то я и осознал, что творчество проявляется не только в работе со словом или с красками; дух творчества свободен от рамок, он может возникнуть при выполнении любого действия и присутствует во всём, к чему проводник этого духа может приложить руки.

– Об этом я и говорил, – вставил мой собеседник. – Даже уборка комнаты и мойка посуды может стать искусством. Но, пожалуйста, продолжайте.

– Однако негласная иерархия человеческих занятий всё же возникла не на пустом месте; деление их на искусства, науки и ремёсла имеет какое-то обоснование, и докопаться до него мне было интересно. Подсказкой стали слова одного целителя – “еда заземляет”.

Вам, вероятно, известно, что у восприятия человеком вибраций окружающего мира есть определённый диапазон. Этот диапазон начинается с низких частот, которые воспринимаются нашим осязанием, продолжается вибрациями, воспринимаемыми вкусом, затем следуют вибрации, воспринимаемые обонянием, потом звуковые волны, и, как принято считать, диапазон этот заканчивается высокочастотными колебаниями, воспринимаемыми зрением.

Когда наше внимание сконцентрировано на зрительных и слуховых образах, то мы взаимодействуем с более высокими и более сложными для восприятия вибрациями, чем тогда, когда мы погружены в запахи, вкусовые и осязательные ощущения. Получается, что стать гурманом намного проще, чем знатоком и ценителем живописи, или, допустим, музыки.

Думаю, это и есть подлинная причина неравноценности различных видов творчества в глазах общества. Восприятие лучших произведений искусства возвышает человека, а тактильно-вкусовые ощущения – возвращают к обычному состоянию, “заземляют”. Поэтому они для людей менее значимы.

– Я понял, что вы имеете в виду, – заявил Хигрум, после краткого раздумья. – Возможно, в этом есть рациональное зерно. Меня заинтересовал ваш намёк на то, что зрение – это не последняя область частот, доступных нашему восприятию.

– Но ведь это само собой разумеется, – заметил я почти небрежно. – Эмпатия, известная и вам, и мне – вот вам ещё одна область восприятия. Правда, большинством людей она не осознаётся, но подсознание работает с этой областью информации весьма активно. Например, когда человек испытывает к кому-то или чему-то немотивированное отвращение, или наоборот, симпатию, не имеющую видимой причины, это значит, что сработало его шестое чувство – восприятие эмоциональных энергий. Взаимодействия таких эмоциональных волн-

вибраций – это весьма значительная часть межчеловеческих отношений, а значит, и общественной жизни. Мы можем пользоваться этим видом восприятия сознательно, так же, как пользуемся умением видеть и слышать.

– Попробуем найти связь между нашими чувствами – осязанием, вкусом, обонянием и т.д., и энергетическими центрами – чакрами, – продолжал я излагать свои мысли. – Осязание, допустим, соответствует первой чакре, вкус – второй, и т.д. Но ведь основных энергоцентров в йогической метафизиологии – семь; выходит, что два доступных нам высших чувства ещё человечеству неизвестны, или почти неизвестны, во всяком случае, целенаправленно развиваются и осознанно используются эти чувства весьма редко и очень немногими. Это свидетельствует о том, между прочим, что цивилизация наша ещё очень молода.

– А значит, нет смысла заморачиваться на недостатках окружающих нас обычных граждан, – улыбнулся Хигрум. – Ведь то, что вы называете безумием – лишь следствие незрелости всей нашей культуры.

– Это правда, и я это понимаю, – откликнулся я, не имея возражений против смены темы разговора. – У меня, собственно, обиды на людей нет, как я и говорил раньше. Просто означенное безумие настолько усложняет выполнение моих задач, что они временами кажутся мне недостижимыми. Мне приходится много и напряжённо размышлять о том, как в таких жёстких условиях действовать наилучшим образом, с максимальной отдачей. Однако в результате я зачастую не действую никак, и трудно сказать – правильно это или нет. Я вижу, что влияние обычных людей на психику имеет просто чудовищную силу. Выйти из этого влияния необыкновенно сложно, и я понимаю тех, кто демонизирует “людей толпы”, называет их чёрными магами и т.п. Проблема в том, что испытывая страх или ненависть к “человеку толпы”, ты скатываешься обратно, в эту самую толпу, и становишься таким же, как и все. Это я уже испытал, и мне это сейчас не интересно.

Я думаю, что разумнее всего относиться к обыкновенным людям, как к детям, ведь дети действуют неправильно не со зла, а от незнания, они “не ведают, что творят”. По сути, человек, не управляющий своими эмоциями подобен ребёнку, который пачкает пелёнки в силу своей возрастной неспособности сдерживаться. Разница в том, что ребёнок рано или поздно научится контролировать свои выделительные функции, а вот искусству самообладания учатся далеко не все; в результате мир переполнен великовозрастными младенцами, которые гадят в окружающее пространство без всякого стеснения. Волны негативных эмоций отвратительны не в меньшей степени, чем запах отходов пищеварения. Да вы и сами это знаете.

– Знаю, – подтвердил Хигрум. – Но я сознаю и другое. Есть вещи, которые нельзя изменить быстро, есть и то, что нельзя изменить никогда. Перенастройка общественного сознания происходит страшно медленно, и потому незаметна. Это нужно просто принять.

К примеру, в средневековой Европе мытьё тела не было столь распространённым обычаем, как теперь. И даже представители дворянства, порой, принимали ванну раз десять за всю свою жизнь. Есть истории об аристократах, которых их слуги мыли по собственной инициативе, пользуясь случаем, когда хозяин напивался до бесчувствия – запах, идущий от знатного грязнулы, был настолько невыносимым, что даже прислугу коробило. Представьте, что в эту эпоху угодил бы среднестатистический современный европеец, привыкший принимать душ практически ежедневно. Он чувствовал бы примерно тоже, что и вы теперь. – Хотите сказать, что я – человек будущего? – спросил я иронично.

– Человек будущего скрыт в каждом из нас, как в ребёнке скрыт взрослый, – невозмутимо ответил мой собеседник. – Если в конфликтной ситуации вы улыбаетесь, вместо того, чтобы разозлиться или испугаться, то будущее становится настоящим.

Будущее кумулятивно, оно имеет свойство накапливаться. Его приближает и материализует любое действие, соответствующее высшей гармонии, законам и принципам нового мира. Если таких действий у человека много, его личное пространство становится пространством будущего.

– Приблизилось Царствие Небесное...– процитировал я фразу, возникшую у меня по какой-то неведомой ассоциации.

– Вот именно, – откликнулся Хигрум. – Люди, приближающие будущее, появляются во все времена. Я бы назвал их прогрессорами, поскольку благодаря им и движется эволюция общественного сознания. У нас, впрочем, есть некоторое преимущество перед предшественниками, ведь они неплохо поработали над тем, чтобы будущее стало более проявленным. И эта работа не прерывается ни на миг.

– Я нередко слышу фразу: «ничего не меняется», – сказал я, испытующе поглядывая на гостя. Тот с готовностью пустился в объяснения:

– Люди нашего времени ещё не обучены отслеживать процессы, особенно длительные. Например, наблюдая горы, люди не видят происходящих с ними изменений и объявляют их вечными и неизменными. Это следствие несовпадения частоты жизнедеятельности. У людей она выше, их цикл развития трудно соизмерить с циклом развития гор. Кроме того, человеческие существа в большинстве своем не отличаются наблюдательностью и внимательностью. Последнее проистекает из их неведения; это слово представляется мне более подходящим, чем «безумие». Именно неведение заставляет людей считать, что они живут в мире объектов; избавившись же от неведения, они открывают мир процессов, хотя формально и мир объектов, и мир процессов – это один и тот же мир. Мир объектов статичен и требует статичного мышления, мир процессов динамичен и способен восприниматься только соответствующим ему динамичным и текучим аппаратом наблюдения. Но перенастроить свой мысленный аппарат – дело непростое, поэтому большинство из нас пребывает в иллюзии, которая выражена в упомянутой вами фразе. «Ничего не меняется» – это не просто мнение, это сигнал – «я в неведении».

– Не буду спорить по поводу мировоззренческих нюансов, в этом вы, вероятно, близки к истине, – произнёс я миролюбиво. – Но слово «неведение» звучит слишком красиво. Если честно, даже слово «безумие» представляется мне чересчур возвышенным.

«Глупость» – вот что я думаю, когда сталкиваюсь с процветающим вокруг идиотизмом.

– Вы считаете себя образцом разумности? – усмехнулся Хигрум.

– Вообще нет. У меня тоже бывают неудачи и провалы; но отношусь я к ним иначе, чем другие, – решил прояснить свою позицию я. – Мне не приходит в голову защищать свои промахи, или искать им оправдания, или, допустим, осуждать себя за них. Анализ допущенных ошибок, поиск их причины и её устранение не сопровождается у меня никакими бессмысленными терзаниями.

Больше того, я отлично осведомлён о ничтожестве своих познаний об окружающем мире, и готов вслед за Сократом повторить: «Я знаю, что ничего не знаю». Известно ли вам, кстати, продолжение этой знаменитой фразы?

– «Но другие не знают и этого», – процитировал мой собеседник, восхитив меня своей эрудицией.

– Именно! – сказал я с жаром. – Сила массовой глупости столь велика, что не позволяет увидеть, сколь ограничен наш запас знаний. И что я в состоянии противопоставить этой силе?

– Ничего, – не задумываясь, ответил Хигрум, вновь широко улыбнулся и добродушно пояснил:

– Но вам ничего и не надо противопоставлять. С чужим неведением бороться невозможно, а значит, и не нужно. Со своим неведением – да, необходима битва не на жизнь, а на смерть. Если результаты этой битвы кого-нибудь вдохновят – он начнёт борьбу с собственной глупостью. Но не раньше, чем будет готов.

Эта идея показалась мне интересной, и я запомнил её, чтобы опробовать впоследствии.

– От вас требуется только эффектная демонстрация результатов вашей личной битвы. Это, как мне кажется, единственная доступная в таком положении тактика, – завершил своё высказывание мой необычный гость.

Я молчал, раздумывая над его словами, а он не спеша прошёлся, разминаясь и давая мне возможность поразмыслить.

– Можете считать это моим рецептом нейтрализации человеческого неведения, – сказал Хигрум через какое-то время, демонстрируя готовность возобновить диалог. – И, кстати, предлагаю более осторожно относиться к собственным высказываниям.

Слова могут влиять на действительность. Называя то, что творится вокруг безумием, вы рискуете притянуть в свою жизнь реальных сумасшедших.

Я посмотрел на него с некоторым изумлением.

– Должен вам сказать, что некоторые люди из моего окружения и вправду ... э-э-э... производят впечатление не вполне нормальных – даже по меркам их безумного мира, – нехотя признал я. – Но окончательные выводы делать ещё рано. Думаю, что к нашей следующей встрече я буду готов обсудить с вами это. Возможно, ваш свежий взгляд поможет мне прояснить ситуацию.

– Буду рад помочь! – ответил мой гость и вновь сделал несколько шагов по каюте, осматривая её скромный интерьер. – Я вижу,

вы и во время путешествия готовите себе сами?

– Время от времени, – промолвил я, с удовольствием возвращаясь к своей излюбленной теме.

– Вегетарианец среди трупоедов должен уметь позаботиться о своём питании.

– Трупоедов? – поднял брови Хигрум.

– Мясо – это части трупов, – пояснил я. – За всеми этими аппетитными ярлыками – “мясопродукты”, “источники животного белка”, и т.п. – нужно увидеть суть. Уберите все украшения, и перед вами предстанет мертвечина.

– Вот, значит, как, – улыбнулся мой собеседник в своей обычной манере. – Не обеднеет ли искусство кулинарии, если лишит его одного из основных продуктов?

– Наоборот! – воскликнул я. – Когда я стал вегетарианцем, то открыл для себя множество изумительных продуктов, мало используемых вследствие засилья трупятины. Грибочки, баклажаны, кабачки, папоротник, фасоль и горох, капуста брюссельская и брокколи, а также чечевица и многие разновидности круп и зернопродуктов – всё это, как и многое другое, необыкновенно обогатило мой рацион. Когда разум восторжествует и человечество откажется от трупоедства, то поглощение пищи перестанет быть похоронным ритуалом и станет праздником вкуса.

– Ограничение не обязательно означает обеднение, – продолжил я свою мысль, стараясь выразить её с предельной ясностью. – Обычный человек видит в отказе от чего-либо только

потерю и воспринимает это как повод для негативных переживаний, для него это причина страдания. Но на деле отбрасывание лишнего – это освобождение места. А пустое место рано или поздно заполнится. Любая потеря, таким образом, даёт возможность приобрести что-то новое, более нужное. В этом – смысл аскетизма.

Человек выбрасывает из жизни хлам, чтобы обрести возможность внести в неё нечто новое, имеющее высшую ценность и значимость. Отказываясь от поедания мертвечины, наслаждаешься неистощимым разнообразием растительной пищи и получаешь здоровье. Отказываясь от мата, обогащаешь свой лексикон более изысканными выражениями и повышаешь культуру.

Отказываясь от страха и ненависти, получаешь возможность пережить высшую любовь и познать бесчисленные оттенки радости.

– Поэтому нет смысла бояться и избегать потерь, – подвёл я итог. – Если вы коллекционируете рецепты, то вот один из них: чтобы внести в свою жизнь желанные перемены, нужно избавиться от балласта, оставив только то, без чего нельзя обойтись.

– Рецепт хорош! – резюмировал Хигрум. – Не забудьте записать его. Я непременно вернусь, чтобы прочесть ваше изложение нашей нынешней беседы, и услышать новые рецепты. Сейчас же позвольте с вами проститься. Пусть ваша личная битва с неведением будет успешной! До скорой встречи, Ник.

– До свидания, Хигрум, – сказал я, посмотрел, как гость уходит сквозь стену, и начал готовиться ко сну, прокручивая в голове некоторые фрагменты состоявшегося разговора. Против ожиданий, уснул я, едва коснувшись головой подушки.

Вигилия 3

– Вижу по лицу, что какая-то проблема всецело заняла ваш ум, Ник. – произнёс Хигрум после обмена приветствиями в тот вечер, когда он появился вновь.

– Это правда, – ответил я немного рассеянно. – Пожалуй, об этом стоит рассказать. Не исключено, что вы сможете подбросить мне какую-нибудь дельную мысль.

Мой гость поблагодарил меня за доверие кивком, и я начал рассказ:

– Наш капитан, Отто Зигмунд Краузе, – настоящий немец: пунктуальный аккуратист, ярый поборник дисциплины, чистоплотности и порядка. Он вызывал бы симпатию, если бы не одна особенность... Иногда сквозь его приятные манеры проглядывает некая идея-фикс, которая заставляет меня относиться к нашему почтенному капитану настороженно. Много раз я анализировал наши беседы и в итоге убедился в том, что он всерьёз считает себя психиатром, больше того, – главным врачом и руководителем большой психиатрической лечебницы, именуемой, кстати, “Сан-Элизарио”.

– Вот как? – со смехом воскликнул Хигрум. – Вы убеждены в этом?

– Именно так он и полагает, – заверил я своего ночного гостя. – Как ему удаётся скрывать эту манию от своих работодателей для меня остаётся тайной. Но факт остаётся фактом, – вот уже несколько лет нашим лайнером руководит человек с психическими отклонениями. Пока что это не привело к катастрофическим последствиям, но фортуна переменчива...

– Имеет значение и следующее обстоятельство, – продолжил я свой рассказ. – Капитан – главное действующее лицо на любом корабле, от него зависит слишком многое, чтобы этим можно было пренебречь. И под влиянием Краузе практически все участники нашего путешествия, так или иначе, вступили в эту игру. По крайней мере, те, с кем я вижу и

разговариваю, готовы выполнять её бредовые правила. Согласно им пассажиры являются пациентами, а члены экипажа – обслуживающим, техническим и медицинским персоналом лечебницы. Как вы назовёте это – безумие, глупость, или же неведение?

– Я подожду с выводами, пока не узнаю больше, – отвечал Хигрум, проявляя признаки полной заинтересованности разговором. – Ваша нынешняя задумчивость как-то с этим связана?

– Косвенно, – сказал я, мысленно возвращаясь к событиям дня. – Капитан взял обыкновение примерно раз в месяц вызывать к себе пассажиров для собеседования, и сегодня мне пришлось нанести ему визит. Разговор шёл как обычно, на общие темы – качество обслуживания, самочувствие, претензии и т. п. И вдруг Краузе спросил – что это я пишу? Я ответил, что люди имеют обыкновение время от времени наносить на бумагу буквы с целью сочинения писем, или дневниковых заметок. Но капитан заявил, что никаких посланий от меня в почтовом ящике не обнаружено, а вести дневник нет смысла, поскольку в руководимом им заведении, к счастью, ничего внепланового не происходит. Он хочет ознакомиться с моими записями, чтобы лучше узнать меня; он даже, якобы, обязан сделать это, чтобы исполнить свой профессиональный долг; таков его взгляд на происходящее. И теперь я думаю, как мне поступить в этой ситуации...

– Почему вы не хотите отдать ему записи наших диалогов? – спросил Хигрум с искренним доброжелательством. – Пусть развлечётся.

– Мои разговоры с проходящим сквозь стены гостем вряд ли получают адекватную интерпретацию у человека, страдающего навязчивыми идеями.

Хигрум рассмеялся хоть и тихо, но так заразительно, что моя концентрация на проблеме нарушилась и сменилась совершенно не соответствующей моменту, однако весьма приятной весёлостью. Мысленно повторив свою последнюю фразу, я улыбнулся, следуя примеру собеседника.

– Простите; вам, как я понимаю, сейчас не до шуток, – отсмеявшись, возобновил беседу Хигрум. – Однако, получается, что вы не хотите выглядеть безумным в глазах безумца?

– Совершенно верно, – признал я. – Ведь наш погружённый в иллюзии капитан обладает реальной властью. Открытое противостояние в данных обстоятельствах – не самая разумная линия поведения, но и давать капитану доказательство своей предполагаемой душевной болезни мне тоже не с руки. Что, если он, вследствие этого, решит применить ко мне какое-либо радикальное лечение? Не говоря уже о том, что его мания получит объективное подтверждение и ситуативное обоснование: если я – сумасшедший, тогда он действительно доктор-психиатр при исполнении своих обязанностей.

– Вам придётся пойти на хитрость, – подвёл итог мой гость и посоветовал: – Дайте ему что-нибудь, написанное вами ранее.

– Это хорошая идея, – отозвался я с нарастающим чувством радости. – У меня есть недописанный рассказ, который лежит в моем столе, дожидаясь, когда я возьмусь за его завершение. Вот прекрасный повод, чтобы его доделать. Можно будет давать его капитану частями, как бы по мере продвижения работы.

– Не забудьте и про меня, – улыбаясь, произнёс Хигрум голосом нерешительного просителя. – Я тоже должен его прочесть, раз уж влез в эту историю.

– Эта вещичка, помимо незавершённости, имеет и другие недостатки, – заранее предупредил я, подходя к столу и открывая ящики в поисках рукописи. – Я их вижу, но не знаю, как исправить, не потеряв при этом значимых элементов повествования. Всё сплетено так тесно, что убрав одно, выбросишь и другое, а то и целую цепочку. Впрочем, судите сами.

С этими словами я вручил несколько найденных страниц своему гостю. Он бережно взял их кончиками пальцев, уселся на стул возле открытого по случаю хорошей погоды иллюминатора и начал чтение.

ЗЕЛИПАТАЯ БАРМЕЛЬ

*«Когда душа видит себя как центр,
окружённый своей окружностью,
когда солнце знает, что оно солнце
и что оно окружено вертящимися планетами –
- тогда душа готова для восприятия
мудрости и силы Учителей»
Йог Рамачарака. Раджа-йога.*

Несмотря на молодость, Дмитрий Ус был весьма практичным человеком; настолько практичным, что легко обходился без БОЛЬШОЙ МЕЧТЫ, без этой игрушки фантазёров, грезящих о несуществующем и труднодостижимом, о чём-то, требующем титанических усилий, нечеловеческого упорства или редкой удачливости; о том, например, как хорошо было бы стать президентом страны, или, допустим, победителем конкурса Евровидения... Подобного рода проекты несколько не увлекали Диму, который обходился простыми и вполне осуществимыми устремлениями, а именно: получить звание сержанта в период прохождения срочной службы; окончить школу прапорщиков; добиться образцового порядка во вверенном ему армейском хозяйстве, и так далее. Как-то само собой получалось так, что новые жизненные задачи возникали перед ним непрерывно, поэтому скучать ему не приходилось; кипучая деятельность попросту не оставляла времени задумываться о журавлях в небе. Такая жизнь нравилась Диме, несмотря на то, что служба требовала от него постоянного напряжения сил, ибо был он человеком действия и находил свои ежедневные труды и занятия весьма интересными и со всех точек зрения полезными.

Отчество же его было Степанович.

Вряд ли отличался бы прапорщик Ус от сотен и тысяч себе подобных чем-то особенным, если бы однажды не довелось ему столкнуться с Необычным и Необъяснимым.

У всех эта встреча происходит по-разному, и всё же нечто общее в такого рода происшествиях определённо имеется. Необычное и Необъяснимое подобно любопытной дворовой кошке, которая незваным гостем входит в дом, воспользовавшись приоткрытой сквозняком дверью. С таинственной вкрадчивостью призрака появляется оно среди приевшейся повседневности и смущает (а часто пугает) ум, привыкший к узким рамкам рациональности. Что-то вроде этого случилось и с Димой.

Ему приснился странный сон.

Шла выгрузка пищевого довольствия на хорошо знакомом ему заднем дворе армейской кухни. Пара солдат и повар деловито носили в кладовку мешки и коробки; напоследок из кузова грузовика было вытащено нечто продолговатое и увесистое, небрежно обмотанное полиэтиленовой плёнкой. "Свиная туша" – подумал молодой прапорщик; достоверность картины не оставляла сомнений в реальности происходящего. Туша была брошена на землю возле деревянной колоды для рубки мяса, машина уехала, а повар ненадолго скрылся за дверью. Когда он вернулся, в руке его был широкий разделочный топор, а за спиной его маячил унылый дежурный по кухне со здоровенной алюминиевой кастрюлей.

Полиэтилен был аккуратно развёрнут, и Дмитрий обомлел. В столбняк его повергли два обстоятельства: во-первых, туша оказалась не свиной, а человеческой (точнее говоря, не туша это была, а труп мужчины); во-вторых, тело это было его, Димино.

Родимое пятно на левом боку ясно свидетельствовало об этом, да и черты лица оставались узнаваемыми, несмотря на смертную неподвижность. Оглушённый этими шокирующими подробностями прапорщик Ус некоторое время пребывал в прострации и бездумно смотрел на то, как повар Турсунов с хирургической точностью отделил его конечности и голову от туловища; мысли и эмоции замерли. Однако вскоре возник вопрос: "Как же я вижу всё это, если умер?" Ответ не замедлил появиться: "Это моя бесплотная душа смотрит. И рук-ног я не чувствую совсем..." Тут же закружилось ещё одно сомнение: "Но ведь в армии не едят человечины?" Однако и повар, и его помощник не проявляли никаких признаков озабоченности – по их поведению нельзя было сказать, что происходит нечто экстраординарное, и Дима легко уверил себя в обычности и нормальности происходящего, придумав какое-то объяснение; ведь в сновидениях люди легковёрны, как дети, которые во всём полагаются на окружающих.

Мысль о том, что видимое им может быть сном, у него, разумеется, не возникла.

Необычным было то, что ни страха, ни отвращения при виде этой сцены он не испытывал;

даже сожаления по поводу своей ранней смерти отсутствовали. Наоборот – по мере того, как разворачивались события, какое-то странное экзотическое чувство нарастало в душе прапорщика. Взирая на то, как повар разрубает на части его останки, промывает куски мяса и бросает их в закипающую воду, на то, как варится бульон и готовится солдатский суп, Дима испытывал необъяснимый подъём и тихую радость, словно согревшийся у костра путник в холодную ночь. Он невидимой тенью следовал за Турсуновым, выполнявшим свою привычную работу, и какое-то светлое и трепетное ощущение всё прибывало и увеличивалось, пока не достигло своего апогея в тот момент, когда личный состав части прибыл на обед и приступил к приёму пищи.

Вид десятков людей, сообща поедающих его тело, наполнил прапорщика столь всеобъемлющим и высоким ликованием, что он пробудился и долго ещё лежал без движения, удивлённо прислушиваясь к собственным ощущениям. Было так хорошо, что хотелось плакать.

Через какое-то время эта сладостная волна эмоций схлынула, но в течение всего дня в груди Димы что-то продолжало петь и радостно подрагивать, заставляя его улыбаться без видимой причины – словно некий камертон неслышно вибрировал в нём, не желая утихать. Этот греющий душу трепет, безусловно, был очень приятным, однако, напоминая о странном сновидении, заставлял постоянно задумываться и искать какие-то объяснения причин происходящего, подбирать всевозможные толкования и аналогии. Но с этим возникли проблемы – ничего мало-мальски подходящего на ум не приходило; Дима столкнулся с Необъяснимым, и обыденный рассудок не мог ему помочь. Потратив целый день на бесплодные попытки объяснить происшествие, прапорщик Ус в итоге махнул на него рукой и выбросил из головы, целиком погрузившись в милую его сердцу текучку.

Однако через несколько дней сон повторился с новыми впечатляющими подробностями, и тогда Дима понял, что сбегать в рутину не получится; нечто незваное и неведомое по-хозяйски расположилось в его внутреннем мире, и это уже нельзя было оставить без внимания. Трудность была в том, что молодой прапорщик привык во всё следовать распоряжениям начальства, требованиям устава и правилам общественного поведения. Думать самостоятельно и без оглядки на кого-либо ему, по большому счёту, ранее не приходилось, а советоваться по такому неоднозначному вопросу с кем-либо из сослуживцев по понятным причинам не стоило.

Поутру, в моменты перехода от сна к действительности, Дима представлял, что каким-то образом договорился с поваром, чтобы тот втайне разделал и приготовил его тело. Но после окончательного пробуждения, когда дневное мышление начинало работать в полную силу, эти странные грёзы мгновенно развеивались, не выдерживая и краткого столкновения с неумолимыми законами реальной жизни. Во-первых, умирать было всё-таки страшновато – ведь никто не мог дать гарантированного подтверждения того, что после смерти останется возможность что-то воспринимать и мыслить. Во-вторых, молодой прапорщик не мог представить ни единого способа заставить повара совершить столь беспримерное деяние. Турсунов, как считал Дима, был не способен на поступки, которые, что называется, дурно пахнут"

XXX

– Какой странный сон, – заметил Хигрум, дочитав фрагмент. – Он что-то значит?
– Сны всегда что-то значат, – ответил я. – Попытки их истолковать – естественная человеческая реакция; но как бы ни изощрялся логический ум в поисках смысла сновидения, в образах сна всегда остаётся что-то недосказанное, что-то, что выше слов. Вы считаете, что точное значение сна прапорщика мне известно, поскольку я сам придумал эту историю – но вы ошибаетесь. Моя задача как художника – создание образа, а не объяснение его посредством левополушарного логически-дискретного мышления.

Я, конечно, могу дать какую-нибудь версию расшифровки символов сновидения Димы Уса, но она не единственная из возможных, и даже не обязательно самая верная или самая близкая к истине.

– И всё же мне было бы интересно услышать вашу трактовку, – вежливо настаивал мой собеседник, и я не стал упрячиться:

– Как пожелаете. Я думаю, что на определённом этапе развития своего сознания любой из нас приходит к пониманию своей причастности к крупным сообществам людей – народ, раса, человечество. Причастность, о которой идёт речь, – явление энергетическое. Эта принадлежность может вызывать самые разные, порой противоречивые, эмоции и ассоциации в зависимости от опыта и знаний человека, от его темперамента и прочих индивидуальных свойств. Например, некоторые исследователи считают коллективные сознания групп энергетическими паразитами; хотя, на мой взгляд, чаще имеет место не похищение силы, а обмен энергией, информацией и т.п. То есть, с одной стороны, каждый из нас действительно отдаёт часть своей энергии "групповой душе", с другой же стороны, эта энергия не уходит в пустоту, она возвращается. Эта возвращённая энергия обогащает нас, пока мы не достигнем

определённой стадии эволюции сознания, а когда уровень нашего развития сравнивается с уровнем развития общества, эта групповая энергия поддерживает нас на этом уровне, препятствуя деградации. Поэтому в сновидении прапорщика поедание его тела другими людьми не воспринимается как потеря, а наоборот – приводит к эйфории, ведь питая других, он питается и сам. Этот “канныализм” – символ, который его подсознание выбрало для демонстрации обмена энергиями, происходящим между ним и его сообществом

– Это предположение небезынтересно, – в задумчивости промолвил Хигрум. – И всё же людоедство, даже символическое, неприятно шокирует и вызывает отторжение...

– Шок – это прекрасное средство для разрушения штампов, – заявил я решительно. – А без разрушения штампов развитие человека останавливается, оно жизненно необходимо для обновления. Поэтому временами я осознанно применяю словесный шокинг, называя невегетарианцев трупоедами, а мясо – мертвечиной. Кстати, как вы считаете, чем отличается мясо животных от мяса людей?

– Ну и вопросыки у вас...– сказал мой гость с нарочитой дрожью в голосе. – Спросите у учёных – физиологов и анатомов.

– Хорошо, я отвечу сам. Между мясом животных и мясом людей нет никакой принципиальной разницы. Закатайте рукав своей рубашки и внимательно посмотрите на свою руку.

Попробуйте представить, что находится под кожей, и вы увидите мясо.

Сравните его с мясом, хранящимся в вашем холодильнике. Оно точно такое же, только в холодильнике – мёртвое и разрезанное, а под вашей кожей – живое и соединённое с остальными частями тела. Мы сделаны из того же материала, что и братья наши меньшие. По вкусу мясо человека неотлично от свинины. Новозеландские людоеды называли предназначенных на съедение пленников “длинные свиньи”. Запрет на употребление свинины остался в некоторых культурах со времён борьбы с каннибализмом – в ту эпоху часто происходили подмены одной разновидности мяса другой; подобные сюжеты встречаются, например, в древнегреческих мифах.

– Таким образом, – продолжал я гнуть свою линию, – если не брать в расчёт юридический аспект, то мясоеды ничем – НИЧЕМ! – не отличаются от каннибалов. Представьте, что где-то в глуши втайне выращивают и откармливают людей на мясо, а убив и разделав, продают их плоть на колбасу. Найдёте вы отличия, если вам попадётся такой “пищевой продукт”? Ни-когда! Сlopаете и похвалите – ай, как вкусно!

Против ожиданий, Хигрум рассмеялся – не натянуто, а легко и искренне. Мой шокинг действовал на него не так, как я рассчитывал; мой собеседник явно не собирался испытывать отвращение.

– У вас хорошее самообладание, – констатировал я с одобрением. – Стандартные манипуляции с вами не проходят.

– Я много работал над этим, – не стал спорить мой гость. – Социум предоставляет огромное количество возможностей для тренировки эмоционального самоуправления. Не только вы пытаетесь манипулировать переживаниями своих близких.

– Вообще-то, я предпочитаю играть на позитивных эмоциях, – стал оправдываться я. – Как выразился поэт, “чувства добрые лирой пробуждать”. Но убедительно описать преимущества вегетарианства человеку, который всю жизнь ел тяжёлую, нездоровую пищу вряд ли возможно. Слова тут просто бессильны. Есть пословица – пока живёшь в грязи, её не замечаешь; для мясоеда его болезненное существование – норма. Другого он не знает, да и знать не желает. Поэтому я и прибегаю к шокингу.

– Успешно? – с улыбкой спросил Хигрум.

– Не очень, – был вынужден признать я. – Есть люди, сами по себе предрасположенные к чистоте и здоровью, их и убеждать особо не надо. А с упрямыми консерваторами не срабатывает ни метод кнута, ни метод пряника.

– Тогда зачем тратить силы на пробуждение отвращения? – с отеческой добротой продолжил свои вопросы гость. – Негатива на планете и так слишком много. Стоит ли уподобляться эмоциональным вампирам, которые провоцируют тёмные чувства оттого, что не могут жить без грязной животной энергии окружающих? Всё, что вы породили, к вам вернётся – и светлое, и тёмное.

– Мне нужно поразмыслить над этим, – сказал я, хотя в душе уже был согласен с собеседником на все сто.

– Вот вы говорили, что описать преимущества вегетарианства нельзя, – словно в задумчивости повторил мои слова Хигрум. – А может быть, вы недостаточно хорошо пробовали это сделать? Может быть, стоит принять это как вызов?

– Что вы имеете в виду? – спросил я, ещё не понимая, о чём речь.

– Это один из лучших моих рецептов. Вместо того, чтобы признать своё поражение в трудных обстоятельствах, человек подлинно разумный может принять эти обстоятельства как приглашение на экзамен, на некое испытание своих возможностей, или, иначе, как приглашение засучить рукава и хорошо поработать, чтобы добиться успеха несмотря ни на что. Это приглашение обозначается одним кратким словом – вызов. В данном случае, сложность словесного описания тонких ощущений, возникающих при отказе от мясной пищи,

является для вас вызовом. Вы не приняли его, увлекшись примитивным кнутобойным манипулятором. Если бы вы смогли различить в данных обстоятельствах вызов, и приняли бы его, то ваша пропагандистская деятельность могла бы быть успешнее, да и ваше мастерство в искусстве словесности возросло бы.

– Думаю, что уже использую ваш рецепт; но не всегда, а время от времени. Например, когда у меня созрела идея изменить режим питания, я воспринял трудности её воплощения как вызов и научился готовить себе сам, – сообщил я своему собеседнику.

– Да, – сказал он, утвердительно кивая головой. – Но в этом деле, как и в любом другом, имеет значение последовательность.

Метод начинает приносить плоды, когда им пользуются постоянно и во всех сферах жизни.

– Ваша мысль понятна, – проговорил я в размышлении. – Что ж, спасибо за идею, она наверняка мне пригодится. Мне бы хотелось отблагодарить вас каким-нибудь столь же практичным рецептом.

– Вы можете это сделать прямо сейчас, если пожелаете, – откликнулся Хигрум, и я не мешкая приступил к делу:

– Название рецепта звучит так:

Вдохновенная свежесть, или особенности приготовления салатов

Салат – это не просто нарезанные и перемешанные продукты, это – особая область, или, скажем так, направление в искусстве кулинарии. Чтобы приготовить гармоничную композицию в данном жанре необходимо не только знание свойств компонентов, не только владение навыком обработки исходных материалов, но и некая иррациональная способность предугадывать итоговый вкус; впрочем, это относится и к другим рецептурным линиям (и даже к другим искусствам). В стадии замысла салата, на мой взгляд, поначалу необходимо выбрать продукт, дающий вкусовую основу всей композиции, подобно тому, как в живописи выбирают цветовую основу будущей картины. Ибо салат – это сочетание вкусовых, осязательных, обонятельных и даже зрительных свойств, присущих всем входящим в его состав ингредиентам. И в этом сложном сочетании автору (а впоследствии и пользователю) необходимо иметь некую твёрдую опору, на которую ему можно будет опереться в своём творческом поиске.

Из тех базовых продуктов, которые доступны в нынешних обстоятельствах, наиболее подходящими для этих целей мне представляются два: белокочанная капуста и дайкон. Они имеют нечто общее в своей пригодности служить вкусовой основой, и их я использую постоянно, но никогда одновременно. Смешивать основу с основой кажется мне столь же нерациональным, как красить белой краской белый лист, предназначенный для рисования. Итак, либо белокочанная капуста, либо дайкон являются первым из постоянных компонентов салата “Вдохновенная свежесть”.

Верхние зелёные листья с капустного вилка должны быть сняты и отложены (если в вашем распоряжении целый кочан), для употребления в свежем виде эти листья грубоваты, но прекрасно подходят для горячих блюд. Капуста, как и большинство остальных продуктов, должна быть нашинкована максимально мелко. Это необходимо не только для лучшего пережёвывания и переваривания (хотя и это очень важно), но и по другой причине. Если компоненты салата нарезаны слишком крупно, то образованные ими вкусовые сочетания получаются недостаточно яркими и выразительными, поскольку каждый из них звучит как бы сам по себе, отдельно от остальных. А чем мельче нарезка продуктов, тем лучше происходит смешение и, в случае удачи замысла, взаимообогащение вкусов. Это можно сравнить с хоровым и сольным пением; мелконарезанные продукты как бы уходят на задний план и звучат совместно, а крупнонарезанные солируют, то есть, выдают только собственный, им одним присущий комплекс пищевых ощущений. В этом, кстати, заключается одна из специфических черт салата как оригинального жанра; горячим блюдам, например, свойственна принудительная диффузия вкусов и размер составных частей там играет меньшую роль.

Если для основы салата выбран дайкон, то от корневища следует отрезать кусок необходимой величины, а затем пропустить его через тёрку среднего размера.

Сколько вешать в граммах, спросите вы? Жёсткие, раз и навсегда установленные стандарты неприменимы в искусстве. Та приверженность к точному измерению, которая встречается в большинстве рецептов, свидетельствует о том, что их авторы пребывают в состоянии ученичества и опасаются ошибок. Это опасение заставляет их скрупулёзно следовать канонам. Когда человек выходит на уровень мастера, он освобождается от страха неудачи, ибо полагается на развитое практикой чутьё; ему достаточно примерных указаний, остальное дополнит чувство меры и профессиональная интуиция. Скажем, если брать дайкон, то кусок толщиной примерно два-три сантиметра (если отрезать в средней части корневища) вполне достаточно на одну порцию.

Однако нужно отметить, что эта порция – больше, чем обычная. Так сложилось, что салат считается только дополнением к остальным блюдам, но это – пищевой и поведенческий штамп, и его необходимо пересмотреть и преодолеть. Тот салат, рецептура которого предлагается вашему вниманию, не предполагает каких-то добавочных блюд; ни до, ни после него не будет ни первого, ни второго, ни третьего. Он имеет самостоятельную ценность; следовательно, чтобы удовлетворить потребности организма, итоговая масса блюда должна достигать соответствующего количества. Это количество нужно определить самостоятельно. Например, двух средних листьев белокочанной капусты для салата мне вполне достаточно, однако кому-то этого будет слишком мало, а другому – слишком много. Поэтому, предлагая этот рецепт, я рассчитываю на творческую инициативу тех, кто им воспользуется, на готовность к поиску вариантов. Тот же дайкон, к примеру, легко заменяется редисом более привычного сорта, если изготовитель посчитает такую альтернативу более приемлемой или более интересной. Листовую капусту можно заменить кольраби. И продолжить этот список вам ничто не мешает.

Два других постоянных ингредиента этого блюда – консервированный зелёный горошек и чеснок. Пять чайных ложек горошка придадут блюду приятную мягкость, а чеснок – лёгкую остроту, если его количество не будет превышать двух зубчиков среднего размера; их я предлагаю тщательно измельчить ножом (почему-то пользоваться давилкой для чеснока мне не нравится, но другим это не запрещено).

Все остальные компоненты этого салата являются переменными, их использование зависит от наличия тех или иных продуктов, а также от настроения, вдохновения и интуиции кулинара. Нельзя упускать возможность обогатить композицию зеленью – в разумных пропорциях и сочетаниях она придаст салату неповторимые вкусовые оттенки и наполнит его живой энергией. Без зелени блюдо много теряет. Однако стебли растений часто бывают волокнистыми, и, чтобы не перегружать работой челюсти, можно прибегнуть к следующей хитрости – отделите листочки и другие нежные части зелени и используйте для салатов только их, а стебли (и другие грубые части, если таковые обнаружатся) оставьте для горячих блюд.

Чтобы придать салату неповторимость к основному набору продуктов необходимо всякий раз добавлять какой-нибудь новый элемент.

Возьмём, к примеру, огурец. Сам по себе свежий огурец не вызывает у меня особых симпатий, но в качестве композитного материала он просто превосходен. Если протереть его через среднюю тёрку и присовокупить к остальным участникам ансамбля, то в общем хоровом звучании вкусов усилится та самая свежесть, которая заявлена в названии рецепта.

С другой стороны, солёный консервированный огурчик придает композиции ностальгическую кисловатость. Но её можно нейтрализовать сладким растительным элементом; для этого изумительно подходит яблоко, которое добавляется к огурцам в пропорции один к одному (скажем, половина среднего огурца на половину яблока). Кстати, кислая капуста в умеренных количествах в этом блюде отнюдь не запрещена, она тоже прекрасно сочетается со сладким яблочком, которое я опять-таки предлагаю пропускать через тёрку средней величины; но только делать это надо в финальной стадии готовки, чтобы богатый железом фрукт не успел потемнеть на воздухе и не потерял привлекательности. А вот морковь для салата лучше пропустить через мелкую тёрку, чтобы процесс жевания не утомлял.

Сладкий перец и сельдерей добавляют в общий аккорд вкусов некую импозантность, словно иностранные гости на званом вечере.

А спелый помидор придаёт любому салату некую дионисийскую жизнерадостность.

Но не стоит увлекаться и перегружать блюдо чересчур разномастными компонентами – с их увеличением возрастает риск испортить салат неудачным, диссонирующим сочетанием вкусов. Необходимая и немаловажная часть процесса создания композиции – заправка растительным маслом. Некоторая проблема заключается в том, что рафинированные масла по оценкам экспертов вредны для организма, и пользоваться ими неразумно; нерафинированные же имеют специфический вкус, который поначалу может показаться неподходящим. Однако практика показывает, что привыкнуть можно ко всему. Тем не менее, стремление не только к полезности, но и к приятности вкуса, заставляет искать подходящие альтернативы, каковой может быть, например, сметана.

В общем, окончательного варианта нет; эксперименты в этой области продолжаются. В конце концов, можно обойтись и без заправки вообще. Тем более, кавказские долгожители говорят, что от жирного люди стареют.

Создавая салат, можно обойтись даже без соли, как бы дерзко это не звучало.

Сырые овощи обладают прекрасным природным вкусом, не нуждающимся в улучшении приправами. Понемногу уменьшая количество соли в салатах можно приучить себя к новому, естественному вкусу пищи, и находить в нём свою привлекательность и своеобразие.

Салат "Вдохновенная свежесть" нуждается в тщательнейшем перемешивании, с помощью которого и достигается взаимообогащение вкусов разнообразных ингредиентов. Нужно проследить, чтобы в общей массе не осталось фракций каких-либо отдельных продуктов, и все элементы блюда были распространены равномерно.

В заключении нужно упомянуть, что изготовленный таким образом салат нельзя хранить, даже в холодном месте. Его нужно съесть сразу после изготовления; в крайнем случае, в течение часа. Этот волшебный хор разнообразных вкусов способен доставить радость, только пока жив, а умирает он быстро. Поэтому маэстро, подготовивший это чудесное выступление должен позаботиться о том, чтобы и его личные усилия, и силы организованного им коллектива исполнителей не пропали даром.

– Это самый подробный из встречавшихся мне кулинарных рецептов! – весело констатировал Хигрум, когда я закончил свой монолог. – Ваше восприятие пищи и процесса её приготовления пропитано тем же эстетизмом, с каким, например, знаток живописи подходит к изобразительному искусству.

– Этот эстетизм, кстати, в наше время начинает распространяться всё шире, и затрагивает те области, которые раньше считались далёкими от творчества, – заметил я, кивком поблагодарив собеседника за его лестное замечание. – Например, портные теперь стали модельерами, а парикмахеры – визажистами.

– Легко представить, как через некоторое время возникнет искусство высокой кулинарии, – подхватил мою мысль Хигрум. – Если сейчас существуют только национальные кухни, то впоследствии появятся новые школы и направления создания пищевых шедевров, и каждая будет опираться на свою философско-эстетическую платформу.

– Хочется надеяться, что при всём разнообразии их концепций они сойдутся в том, что мясоедство – это дурной тон, – выразил я надежду и мой гость по своему обыкновению беззвучно рассмеялся.

– Это вполне возможно. Что ж, предлагаю вернуться в настоящее и завершить наш диалог, поскольку время уже весьма позднее.

– Вы правы, – сказал я, сонно потягиваясь. – Спасибо, что зашли. Непременно загляните ко мне ещё.

– Вы можете быть уверены в этом, – заверил меня Хигрум. – До новой встречи, Ник.

– До встречи, Хигрум, – попрощался я и с интересом понаблюдал, как гость просачивается сквозь металлическую стену.

Интересно всё же, имею я дело с реальным человеком, или с иллюзией?

Вигилия 4

"Ринат Турсунов представлял собой нечто уникальное. Всем поварам известна закономерность – чем больше объём приготовляемой пищи, тем меньше шансов сделать её вкусной.

Вследствие этого огромное количество приготовленной для рядового состава еды попадает в отходы. Съедают всё, что предложено, только молодые бойцы, у которых идёт адаптация к новым условиям, в силу чего они постоянно голодны и готовы набить желудок, чем угодно. Прослужив полгода и обжившись, солдаты ищут и находят альтернативные источники питания, потребляя в столовых лишь небольшую часть того, что им положено по довольствию – а именно, белый хлеб, масло, эрзац-кофе со сгущёнкой, отварное мясо, и т.п. Так обстояли дела и в той войсковой части, где служил прапорщик Ус. Однако после того как Турсунов сменил своего предшественника, положение дел радикально изменилось. Пища стала изумительно вкусной; съедалось практически всё, что выставлялось на длинные столы. Только грубый чёрный хлеб, на вкусовые качества которого Турсунов никак не мог повлиять, оставался свиньям. Те худели, и поголовье их пришлось сильно сократить. Это было единственным отрицательным последствием деятельности Рината, слава которого росла и крепла. Даже гордые дембеля не брезговали навернуть его борща и каши, и – страшно сказать! – даже офицеры, бывало, навевывались в солдатскую столовую якобы удостовериться – хорошо ли кормят личный состав; однако проба проходила так основательно, с таким явным аппетитом, что в тарелке не оставалось ничего, кроме костей. Феномен Турсунова не мог остаться незамеченным в кругах профессионалов, и однажды посмотреть на работу кулинарных дел мастера пришла Лидочка Чарныш, повар офицерской столовой. Поначалу она бросала на Рината колючие взгляды, пытаясь понять, что за птица этот новенький, которого все так хвалят (кое-кто поставил ей парня в пример, что привело её в негодование и настроило против Рината). Но долго злиться на Турсунова было невозможно – не такой это был человек. Прапорщик Ус как раз дежурил по столовой, и имел возможность понаблюдать за происходящим.

– Какой красивый девушка пришёл к нам в гости! – радостно воскликнул Турсунов, драматически всплескивая руками. – Пожалыста, садися на тот стульчик – там чисто, я мыл! А вот чай, пожалыста, свежий, горячий! И сгущёнка есть, вот сахар, и масло, и хлеб очень хороший, белый! Всё кушайте, пожалыста! Товарищ прапорщик! Посидите с девушка, пожалыста! Я совсем не могу – работа очень много!

С этими словами повар умчался к своим котлам, оставив Диму и Лидочку сидящими за маленьким чистым столиком, на который поставил чайник, кружки и тарелки с нехитрыми

армейскими деликатесами. Прапорщик не стал донимать гостью долгими разговорами, отлично понимая, что не следует отвлекать её от того шоу, что не замедлило развернуться перед их глазами.

Турсунов не просто насыпал, нарезал, наливал и помешивал – все эти обычные кухонные манипуляции в его исполнении выглядели настолько отточено-изящными, что создавали впечатление танца. И оно усиливалось тем, что Ринат при этом непрерывно пел на каком-то смешанном диалекте, в котором присутствовали и русские слова. Они позволяли получить некоторое представление об общем смысле исполняемого произведения, не отличающемся особой сложностью: вот сейчас добавлю в воду крупы, она сварится и будет очень вкусной; а вот чистый, белый сахар, он растворится в компоте – все будут пить и радоваться; очень хорошая, красивая картошечка для супчика сегодня! как покипит, так станет мягкой, рассыпчатой, будет таять на языке!

Лидочка заморожено следила за Ринатом и первоначальная её насупленность быстро испарилась, уступив место улыбке.

– Он всегда такой? – спросила она у Димы.

– Только когда готовит, – ответил тот, чувствуя себя бывалым театралом, который объясняет особенности игры знаменитого актёра впервые пришедшему на спектакль новичку. – В другое время он может вести себя иначе – быть сосредоточенным, или шутить, или молча думать, по-разному; но как только начинается работа, Ринат принимается петь и плясать... Мне нравится на это смотреть, это совсем не надоедает.

Действительно, это зрелище не утомляло, а скорее успокаивало, как трепетанье пламени костра, как вид текущей воды; Лидочка просидела на кухне до окончания обеденного времени, внимательно наблюдая за всеми действиями Турсунова, и только когда у него наступил перерыв, гостью с сожалением поднялась, собираясь прощаться.

– Такой красивая девушка уходит! – печально отреагировал гостеприимный Ринат. – Пожалуйста, приходи ещё! Всегда-всегда приходи, это так хорошо, когда здесь такой пи-ри-ки-рас-ный девушка! А хочешь, я рассказать самый большой татарский секрет, как вкусно варить еда? – тут Турсунов сделал таинственное лицо и стал говорить шёпотом. – Никто не знает, только я и мой семья! Много-много лет мы знать наш секрет и больше никто! Хочешь, я рассказать? Ведь ты любишь делать еда?

– Я, вообще-то, работаю поваром здесь, в офицерской столовой, – сообщила Лидочка. В её глазах появилась заинтересованность.

Турсунов мгновенно уловил это и продолжил с видом заговорщика:

– Пожалуйста, приходи после ужина, когда полы вымоют. Товарищ прапорщик тоже приходит – правда, товарищ прапорщик? (Дима кивнул – его любопытство было взбудоражено не меньше, чем у гостыи.) Тогда никто ничего про вас плохо не подумает. Говорить немножко долго, надо бумажка и ручка писать, а то потом забывать. Приходи сегодня, вдруг я завтра не хочу говори? Секрет очень большой, кто знает, тот всегда его молчать.

– Я подумаю, – произнесла Лидочка, уклоняясь от определённого ответа. – До свиданья.

– Придёт? – спросил Дима у Турсунова, когда за симпатичной гостьей захлопнулась дверь, и её легкие шаги прошелестели, удаляясь, по каменным ступенькам.

– Да, – коротко ответил тот (отношения между прапорщиком и поваром были скорее дружеские, и в личной беседе Ринат обходился без уставных церемоний).

Прапорщик Ус не стал бы утверждать это так уверенно. Но он многократно убеждался в том, что человеческая натура известна Турсунову досконально, а потому решил подождать с выводами до вечера.

К его удивлению, Лидочка пришла точно в назначенное время. И даже захватила блокнот с ручкой. До сего момента Дима и представить не мог насколько заманчивой наживкой может быть тайна, и сейчас ему впервые подумалось: а не сам ли Турсунов распустил и поддерживал слухи о семейном секрете, которые начали ходить сразу после того, как он начал работать поваром?

Ринат приветствовал Лидочку своей ослепительной улыбкой и со словами “мы очень-очень рады” проводил её к столику, который вновь уставил чашками и тарелками, не обращая внимания на отнекивания и уверения в полном отсутствии аппетита. Сейчас он был другим – не столь многословным и оживлённым, как днём; в его загадочных восточных глазах угадывалась сосредоточенная работа мысли. Предчувствуя нечто интересное, прапорщик Ус налил чаю себе и Лидочке; чистые и ещё слегка влажные полы издавали освежающий запах зубного порошка, добавляемого вместе с мылом в воду, предназначенную для уборки; Турсунов отошёл на несколько шагов от столика и повернулся лицом к слушателям. Умело выдержав паузу, он сцепил руки в замок, который положил себе на голову между затылком и макушкой, после чего мечтательно улыбнулся, устремив взгляд куда-то вдаль, и сказал очень отчётливо:

– Поскольку я имею дело с опытным профессионалом, много лет работающим по своей специальности, останавливаться на рецептурных вопросах нет никакой необходимости; вы и так прекрасно знакомы с технологией и знаете, что насыпать, чем заправлять и сколько варить. Секрет Турсуновых касается несколько другой области, которая при обучении

кулинарному делу фактически не учитывается, ибо считается несущественной. Однако наш семейный опыт говорит, что для приготовления гарантированно вкусной и полезной пищи надо принимать во внимание намного больше факторов, чем указано в руководствах, и использовать при этом несколько дополнительных методик, эффективность которых прошла проверку временем. С этими приёмами я и собираюсь вас познакомить. Надо предупредить, что овладеть ими сразу вряд ли получится, придётся учиться и тренироваться, но, на мой взгляд, овчинка стоит выделки.

Прапорщик Ус украдкой взглянул на Лидочку и невольно усмехнулся – она замерла, уподобившись статуе Удивления, вытаращив глаза и не веря своим ушам. Он вспомнил, что не так давно и сам был изрядно ошарашен, когда понял, каков истинный уровень умственного развития Рината. Турсунов поначалу ничем не отличался от обычных малограмотных призывников из азиатских сёл и деревень. Но стоило ему получить должность повара (а вместе с ним – и широкую известность плюс признание), как в поведении его начали проступать новые черты. Постепенно исчезли языковые неправильности. Потом Турсунов перестал “тупить” – изображать тугодумие и несообразительность. А после того, как хитрый татарин усвоил, кто есть кто в его войсковой части, в общении с некоторыми из сослуживцев он позволил себе сбросить маску “дикого сына степей”. В число этих немногих избранных по неизвестной причине попал Дима. А теперь и Лидочка Чарныш.

– Первое правило повара, согласно традиционным требованиям Турсуновых, гласит: готовить надо в наилучшем расположении духа. Не просто в хорошем, приподнятом настроении, а в максимально высоком, – продолжил Ринат, посмотрел на застывшую в изумлении гостью, и добавил. – Это стоит записать. Всё подряд конспектировать не стоит, но основные положения зафиксировать необходимо, чтобы не забыть.

Лидочка пришла в себя и, поразмыслив немного, начала прилежно записывать.

– Один из восточных мудрецов говорил так, – произнёс Турсунов торжественно. – “Когда человек готовит что-то, он не только помещает в это свой магнетизм, но и голос его души воспроизводится в той вещи, которую он готовит. Например, для человека интуитивного не составляет труда по пище, предложенной ему, определить мысли повара. Не только степень развития повара, но также и то, о чем он думал в тот определенный момент, когда готовил пищу, – все воспроизводится в ней. Если повариха была раздражена во время готовки, если она ворчала, если она чувствовала себя несчастной, если вздыхала в горе, – все это предстает перед нами вместе с едой, которую она приготовила. Именно знание этого факта заставляет индусов приглашать в качестве повара брамина высокой касты, чья эволюция высока, чья жизнь чиста, чьи мысли возвышенны. Это не только обычай прошлого, это современный обычай: брамин, который иногда является Гуру – учителем для других каст – может также быть поваром.

Кроме того, в древние времена, когда человеческая личность сильно проявлялась во всем, что она делала, каждый человек, независимо от степени его жизненного положения, умел стряпать и готовить блюда для себя и для своих друзей; и тот, кто приглашал в свой дом родственников или друзей и ставил перед ними собственноручно приготовленные блюда, демонстрировал тем самым знак большого уважения и приязни. Главным было не блюдо, – главной была мысль, помещенная в него”*

*Хазрат Инайат Хан. Мистицизм звука

– Проблема в том, что настроение обычного человека мало зависит от его желания, обуславливаясь, в основном, какими-то внешними причинами. Пошёл дождь – и мы в печали, наступили на ногу – и мы в гневе. Поэтому для того, чтобы соблюдалось первое правило поварского искусства, необходимо овладеть навыком контроля над собственным эмоциональным состоянием.

“Весь мир – театр, в нём женщины, мужчины – все актёры” – давным-давно поведал нам Шекспир. Чтобы научиться контролировать свои чувства и реакции стоит воспользоваться многовековым опытом мастеров сцены; для этого примем за основу следующее положение: жизнь – ролевая игра, вольно разыгрываемая пьеса, при этом её многочисленные правила выясняются каждым из участников по ходу действия.

– Я отношусь к жизни серьёзно. Какие уж тут игры! – вставила Лидочка, воспользовавшись паузой, которыми Ринат перемежал свои фразы для лучшего усвоения и записывания.

– Нет ничего серьёзней игры, – заметил Турсунов в ответ. – Хёйзинга замечательно аргументирует это. Почитайте “*Noto ludens*”, найдёте много пищи для размышлений. Как вам такая фраза: “Понятие игры выше понятия серьёзности, поскольку серьёзность отрицает игру, игра же с лёгкостью включает в себя серьёзность”?

А если вам не нравится читать умные книжки, просто вспомните, как играют в шахматы мастера высокого класса. Трудно превзойти их в сосредоточенности. И это касается не только шахмат, но и всех других игр. Легкомысленное отношение к игре – признак дилетанта, новичка. Если вы хорошенько подумаете, то согласитесь: общепризнанное мнение о том, что игра – занятие всегда несерьёзное это лишь иллюзия, заезженный мысленный штамп, не

выдерживающий критики.

Лидочка посмотрела на Рината скептически, но от возражений из осторожности воздержалась, мысленно дав себе слово ознакомиться с этим неведомым Хёйзингом (или Хёйзингой?), чтобы избежать глупого положения невежи, настаивающего на том, что Земля – плоская. Турсунов продолжал:

– Я отлично понимаю те чувства, которые вы испытываете, слушая мои еретические заявления. Всё поведение обычного человека основано на твёрдых постулатах, в неизблемости которых он никогда не сомневается. Однако для обучения чему-то новому иногда приходится отбрасывать старое, отжившее, ставшее преградой и помехой на пути знания. Именно это и нужно сделать сейчас – разбить устаревший штамп, чтобы идти дальше. Приведу высказывание ещё одного мудреца, который сказал: первое правило социальной игры гласит – это не игра. Общество требует от всех, кто в него входит абсолютной серьёзности. Но убирая игру из жизни, мы убираем и свободу; а без внутренней свободы человек становится дрессированным двуногим животным. Он механически исполняет то, что от него требуется, не мечтая о большем – и что в итоге? Скука и бесцветность жизни становятся его уделом. Но вернёмся к кулинарии.

Опыт великих мастеров говорит нам о следующем: чтобы достичь высот в любом деле, человеку поначалу необходимо умение соответствовать канону, а потом – умение выходить за его рамки. Это касается и искусства приготовления пищи.

“При чём тут актёры и театр?” – быть может, спросите вы. Дело в том, что театр можно рассматривать как общество в миниатюре; актёры исполняют роли в спектакле так же, как обычные люди исполняют свои роли в социуме. Разница в том, что обычные люди имеют небольшой выбор ролей, а у актёров этот выбор намного шире. Поэтому хороший актёр обладает способностью быстро изменяться, быстро вживаться в новые роли, а обычный человек статичен и не готов к переменам.

Фактически всю жизнь человека можно рассматривать как овладение теми ролями, что достаются ему невольно или намеренно.

Рассмотрим роли, которые нам выпадают. Сейчас, например, я играю роль лектора, а вы – слушателей. Роли, которые мы играем в настоящий момент, можно назвать активными, а другие, незадействованные, но готовые к активации – пассивными, спящими, или фоновыми. Ваши пассивные в данный момент роли вам известны – вы военнослужащие, дети ваших родителей, представители мужского и женского пола, своей национальности, граждане нашего государства и так далее. Каждую из этих ролей вы в той или иной степени освоили, и можете войти в них в любой момент, когда это потребуется.

Но есть и другие роли, которые всем нам приходится играть, – Ринат сделал многозначительную паузу, и увлечённые его словами слушатели насторожились.

– И эти роли несовместимы с ролью повара, – продолжил Турсунов, драматически выделяя каждое слово. – Я бы даже сказал, что они убивают пищу, которая, быть может, внешне и чисто технически приготовлена правильно, но её невидимое содержание становится ядом, если повар в момент работы находился в одной из таких ролей.

Вот эти-то негативные роли нам и нужно научиться отключать по собственной воле. И для этого нам понадобится та внутренняя готовность к изменению своего настроения, которая есть у хороших актёров, и которую можно обозначить как текучесть, – тут Ринат для пущей убедительности сделал рукой волнообразное движение, чем вызвал улыбки Димы и Лидочки.

– Некоторые знатоки, впрочем, утверждают, что те модели поведения, те образы мыслей и чувств, которые мы будем учиться отбрасывать – это одна-единственная роль, имеющая несколько аспектов, или же разновидностей. Рассмотрим её проявления, – Турсунов прошёлся взад вперёд, мастерски подражая лектору, выступающему перед многочисленной аудиторией.

– На первый взгляд может показаться, что роль жертвы и роль тирана диаметрально противоположны. Но так ли это? Жертва с изумительной скоростью становится тираном, как только изменяются условия, а тиран мгновенно входит в роль жертвы, если сталкивается с более влиятельным тираном. Таким образом, изучая «тираничность» и «виктимность», мы сталкиваемся с разными сторонами одного явления, имя которому – иерархичность сознания. Роль иерархичного существа – древнее остальных человеческих ролей, она существует, видимо, у всех стайно-стадных созданий. Иерархичность сознания, таким образом, можно рассматривать, как мощнейший психоэмоциональный комплекс, доставшийся нам в наследство от братьев наших меньших и работающий в каждом из нас. Это можно назвать настройкой животного типа.

Турсунов помолчал, давая время подумать о сказанном, потом продолжил уже другим тоном:

– Пришло время, друзья мои, задуматься о том, владеете ли вы теми ролями, которые играете, или же роли владеют вами?

Не стоит отвечать прямо сейчас. Мудрые люди говорят, что только подлинны мастера обретают контроль над своей жизнью, а значит, и над своей ролью. Но вы вправе иметь собственное мнение на этот счёт. Всё, что мне сейчас от вас нужно – это понимание того, что ваша эмоциональная жизнь вами не контролируется.

– Не контролируется, так и что с того... – проворчала Лидочка. – А кто её контролирует? Мне

такие не встречались.

– Например, хорошие актёры, – с готовностью ответил Ринат. – Актёры бывают плохие; это те, кто изображает чувства. А есть хорошие актёры, которые переживают все эмоции, которые предусмотрены сценарием и режиссером. И это переживание – совершенно искреннее, несмотря на то, какое ему предшествовало настроение. Допустим, день у актёра сложился неудачный: ребёнок болеет, жена капризничает, тёща пилит, дорожный инспектор выписал штраф, и т. д. Но вот актёр выходит на сцену и играет счастливого, беззаботного человека, который улыбается жизни и которому улыбается жизнь. Если актёр настоящий, то и переживания его при этом – настоящие, не показные. Это – маленькое чудо, но на это способны мы все.

Таким образом, хорошие актёры дают нам пример того самоконтроля, который необходим повару для приготовления пищи.

С чего этот самоконтроль начинается? С практики самонаблюдения. Причём наблюдать надо не столько за внешним поведением, сколько за собственными эмоциями и мыслями. Наблюдать необходимо без оценки, абсолютно бесстрастно, как вы наблюдали бы за совершенно посторонним и незнакомым существом. Такое самонаблюдение даст вам те знания о самом себе, которые в данный момент у вас явно отсутствуют. Поначалу это самонаблюдение будет отрывочным, но его следует возобновлять при всяком удобном случае. В итоге через какое-то время процесс самонаблюдения станет непрерывным. Одна часть сознания будет выполнять необходимые вам действия, другая – наблюдать их.

Самонаблюдение уже само по себе способствует трезвомыслию, и это – только первый шаг на пути к той власти над собой, которая требуется и повару, и актёру, да и всем остальным тоже. Теперь вы понимаете, что кулинарное искусство – это не так просто, как может показаться на первый взгляд. На поваре лежит огромная ответственность. Поэтому он должен владеть множеством приёмов самонастройки, влияющих на вкус и качество пищи.

Например, в процессе готовки надо не только какой-то частью сознания следить за своим текущим эмоциональным состоянием, но и обязательно представлять тех, кому предназначен результат вашего труда. Причём делать это надо с симпатией к адресатам.

Таково основополагающее условие успеха. Это дружеское чувство должно быть не избирательным, а непременно общим, направленным на всех сразу. Так сразу всем предназначен солнечный свет. И Солнцу безразлично – любят его или ненавидят, оно дарит свет всем без разбора и без всяких условий. Точно так же при исполнении роли повара вы должны излучать свою симпатию на всех – близких и дальних. И только при соблюдении этого правила пища, приготовленная вами, будет не только приятной на вкус, но и полезной.

Иначе говоря, выполнение этого условия составляет неотъемлемую часть роли творца пищи. Так гласит наша семейная традиция! – торжественно возвестил Турсунов. И при этом как будто стал выше ростом и шире в плечах. Однако прапорщику, не занятому конспектированием, показалось, что в тёмных глазах Рината сверкнуло необъяснимое и неуместное веселье.

– Предлагаю подвести итоги, – продолжил Турсунов сб непринуждённостью опытного оратора.

– Основные идеи альтернативной кулинарии таковы. В процессе жизни человек овладевает различными ролями, необходимость которых обычно не подвергается сомнению. Возможно, кто-нибудь видит это иначе – роли овладевают человеком и заставляют его выполнять их требования, подобно демонам одержания, диктующим волю своим жертвам.

Эту эмоциональную несвободу необходимо осознать для того, чтобы достичь мастерства в области приготовления пищи – и не только в ней. А после осознания собственной несвободы приходит время для первых шагов к освобождению. И этим шагом для нас послужит практика самонаблюдения.

Для тренировки вам будет необходимо учиться удерживать внимание на себе не только во время приготовления пищи, но при всяком удобном случае. Следите за собой непрерывно, как актёр, никогда не покидающий сцены. В процессе обучения этому у вас неизбежно появятся вопросы и необходимость поделиться впечатлениями. Тогда состоится наша следующая встреча. И другие секреты мастерства будут вам открыты. А сейчас, коллега, вам стоит поторопиться, – обратился Ринат к Лидочке. – Последний автобус уходит с ближайшей остановки через 15 минут. Товарищ прапорщик вряд ли откажется от удовольствия вас проводить, не так ли?

Дима кивнул и поднялся. Он чувствовал, что Турсунов сегодня упомянул о чём-то крайне важном, имеющем прямое отношение к его сновидениям, но разобраться в своих смутных ощущениях пока не мог. Да и присутствие молодой женщины приятной внешности не способствовало интеллектуальной деятельности, а потому прапорщик отложил размышления на потом, полностью переключив своё внимание на даму. Он любил общение с девушками, и был готов расширить свой опыт на этом поприще.

Лидочка, выходя из кухонного помещения, почувствовала его специфический интерес, несмотря на то, что прапорщик пока помалкивал – представительницы слабого пола всегда это замечают. Рассудок говорил ей, что самыми лучшими в этой ситуации были бы следующие слова: "Вы милый мальчик, но не стоит тратить сил понапрасну – у меня уже есть мужчина, он

достойный человек, и мне не хочется что-то менять в своей жизни” Но тогда этот симпатичный парень, скорее всего, перестанет обращать на неё внимание. А этого ей совсем не хотелось... Лидочка втайне гордилась тем, что друзья и знакомые до сих пор называли её Лидочкой. Когда приходилось упоминать о своём возрасте, она говорила, что ей уже за тридцать, но в голосе её при этом звучало сомнение и даже удивление – “Разве в это можно поверить? Это какая-то ошибка...” Она и в самом деле выглядела не старше двадцати пяти – невысокая, стройная, оживлённая и лёгкая, как стрекоза. Лидочка много двигалась, не позволяла себе жиреть, часто бывала на свежем воздухе, благодаря чему имела хороший цвет лица; она была совершенно свободна от пристрастия к курению и алкоголю, не говоря уже о других наркотических зависимостях, не любила впадать в уныние, повышать голос и держать на кого-то зуб. В результате годы мало влияли на её внешность, и мужчины не обходили её своим вниманием. Последнее обстоятельство немало значило для Лидочки.

Почему – она и сама не смогла бы объяснить; секс не особенно её привлекал, а вот ухаживание, или даже просто взгляды – вроде тех, что бросал на неё сейчас прапорщик Ус – не оставляли её равнодушной.

– Никогда бы не подумала, что Турсунов так умён... Как вы думаете, почему он прикидывается таким...э-э... неучем? – спросила Лидочка у Димы, когда они удалились от кухни на достаточное расстояние.

– Я спрашивал у него про это, он говорит, что предпочитает работать поваром. Если бы узнали о его уме, то направили бы обслуживать сложную технику, а это ему совсем не нравится. Он говорит, что любит иметь дело с жизнью, с живыми существами.

Например, зерно, или картошка – это живое, брось в землю – начнёт расти. И кормит он живых людей, а не двигатель бензином заправляет. Ринат отлично знает поварское дело, а престижность работы его совсем не волнует, вот и разыграл нас всех, чтобы добиться своего. Он говорит, что не хочет быть придатком механизма, это вроде как ограничивает его. Да он сам лучше объяснит, парень грамотный... Спросите его в следующий раз.

– Не знаю, будет ли этот следующий раз. Никогда не ожидала попасть на лекцию по психологии и истории, – задумчиво сказала Лидочка. Отзвук пережитого изумления ещё не затих в ней. – Да и есть ли смысл? Вы верите, что эти его приёмы действительно приносят пользу?

– Конечно. А зачем ему врать?

– Ну, вдруг ему захотелось разыграть меня, посмеяться?

– Да что вы, Лидочка! – Дима даже приостановился на пару секунд. – Ринат даже муху не обидит! Добрейшей души человек, таких я ещё не встречал, правда!

– Но ведь он же пошёл на обман, чтобы добиться своей цели? Вы сами это сказали. Значит, не так-то уж он чист и светел...

– Ну, во-первых, это не та ложь, которой стоит стыдиться. Скорее, военная хитрость. Он же не стал косить от армии, как многие делают. Скажите лучше – кто от его уловки пострадал? Молчите? Никто! Выиграли все, вот что главное. А во-вторых, не так-то уж сильно он и притворялся. Он просто не делал ничего, что отличало бы его от других призывников из его района. И все должностные лица посчитали, что парнишка не способен ни на что, кроме работы на кухне.

– Вы же были свидетелем, как Ринат готовит, – продолжал молодой прапорщик, входя в адвокатский азарт. – Всё делается по предписаниям, как положено, не больше, не меньше, и это проверялось неоднократно. Но у него пицца получается вкусной, а у других – нет. И если он говорит, что хорошее настроение необходимо, значит, так и есть. Этот парень всегда знает, что делает; он, конечно, молод, но поучиться у него есть чему. И своим собственным настроением, он, кстати, владеет прекрасно, могу это подтвердить.

Дима ещё какое-то время говорил о Турсунове, пока они с Лидочкой не добрались до остановки, и пока не подошёл последний автобус, направляющийся в город. Прапорщику почему-то очень хотелось, чтобы встречи у повара продолжались, и он не жалел сил в описании достоинств Рината. Его горячность не столько убедила, сколько позабавила Лидочку. Прощаясь, усаживаясь на вытертое автобусное сиденье и рассматривая мелькающие за окном кусты, деревья и редкие постройки, она улыбалась мыслям о расточительности юности, готовой потратить бездну энергии ради достижения желанной цели, не задумываясь о том, так ли необходима она, как это представляется, и чем может обернуться впоследствии эта безудержная самоотдача и безоглядная увлечённость"

XXX

– В этом отрывке беллетристика сочетается с научно-популярными фрагментами, – заметил Хигрум после обмена приветствиями в нашу следующую встречу.

Я обратил внимание на то, что он больше не появляется в виде туманного облака, как это было в первый раз. Теперь он взял обыкновение поджидать меня в каюте, где я и встречал его, когда возвращался с ужина, или с вечерней прогулки, как сегодня.

– Я надеюсь, что эта попытка соединить жанры не настолько топорна, чтобы убить читательский интерес, – сказал я, стараясь удержать безмятежное настроение, возникающее у

меня после долгого созерцания морских видов. – Жюль Верн тоже экспериментировал, вставляя научно-технические описания в художественный текст. Время показало, что его попытки не пропали даром. Появление такого направления как научная фантастика во многом обусловлено его новаторством в области литературы.

– Технические описания в художественном произведении навевают на меня скуку, – заявил Хигрум. – Но понять причину их появления я могу. Они порождены тем восторгом, который возникает у ребёнка, разбирающего на части и собирающего вновь свои игрушки. Его можно выразить словами: как интересно это устроено!

– Этот восторг возможен в любом возрасте, – подхватил я. – Мне тоже хочется поделиться своей радостью узнавания нового. Но область, в которой я делаю свои открытия, далека от технических забав. Эта малоизученная сфера – внутренний мир человека, или, как сейчас говорят, психика. С другой стороны, эта область столь тесно связана с волновым или энергетическим аспектом мира, что говорить об одном без упоминания другого просто бессмысленно. Поэтому для точной передачи своей мысли приходится сплавлять в единое целое искусство словесности, эзотерические элементы и научный подход. Я думаю, у этого синтеза направлений – большое будущее, невзирая на то, удачны будут первые эксперименты, или нет. Отрицательный результат – тоже результат, он обогащает опыт.

– Вы намекаете на то, что человечество теряет увлечённость техникой? – спросил мой гость. – Что оно повзрослело и стало сознать, что механические игрушки не решают всех проблем?

– Кто я такой, чтобы говорить за всё человечество? – ответил я. – Мне в себе бы разобраться... Могу сказать наверняка только то, что область психики и энергетических взаимодействий кажется мне столь же притягательной и заманчивой, как неизученные территории, белые пятна на карте мира, вызывавшие интерес и будившие любопытство исследователей в эпоху географических открытий.

– Я понимаю вас, – сказал Хигрум и одарил меня мирным отеческим взглядом. Сквозившая в нём ирония была необидной. – Вернёмся к вашему опусу. Некоторые моменты в нём вызывают вопросы и нуждаются в уточнении.

Я выразил согласие кивком.

– У меня возникло ощущение, что вы несколько идеализируете представителей актёрского искусства, – продолжил разговор мой гость. – Большинство из них – обычные люди; и, насколько мне известно, продолжительность их жизни невелика.

– В распоряжении актёров – лучших из них – есть бесценный инструмент, умение управлять эмоциями; но правильно обращаться с этим инструментом их никто не учит, – высказал я своё мнение. – В результате они применяют это умение во вред себе. В театральных постановках им приходится исполнять роли, связанные с тёмными и грубыми страстями, и эти переживания отравляют им жизнь и сокращают их век. Если бы кто-нибудь подсказал им, как правильно распорядиться контролем над эмоциями, то они смогли бы очистить свою жизнь от негатива и достичь просветления. Актёрство, как впрочем и любое искусство, вполне может быть путём к духовности. Вы пробовали когда-нибудь сравнивать разновидности искусства? Если музыкант производит звуковые волны, а художник – вибрации, воспринимаемые зрением, то актёр значительного уровня генерирует волны эмоциональные. Если эти эмоции со временем становятся всё сложнее и выше, то налицо духовная эволюция.

Я посмотрел на собеседника. Чувствуя, что мой монолог далёк от завершения, он ограничился краткой репликой:

– Любопытный вывод.

Поднявшись со стула, я неторопливо подошёл к иллюминатору и, устремляя взор на океанский простор, сказал:

– Думаю, стоит рассказать вам один эпизод из своего прошлого. Однажды в юности я увидел телеинтервью с одним знаменитым актёром; в ту пору он пребывал в возрасте, который принято называть почтенным. Совершенно случайно я наткнулся на телеканал, где шла эта передача, и решил посмотреть на увенчанного лаврами артиста театра и кино; меня заинтересовало – как он ведёт себя в живом общении, вне съёмочной площадки, вне сцены. Чем более я наблюдал за его поведением, тем менее адекватным оно мне казалось. Его глаза то загорались огнём вдохновения, то излучали ледяное безразличие, он отвечал на вопросы так, словно они были только поводом для каких-то, видимо, значительных для него, но непонятных мне переживаний, его эмоции были несоразмерно сильными и менялись совершенно непредсказуемо, непривычно быстро. Наблюдая это, я испытывал нарастающее чувство тупого удивления, вызванного ненормальностью поведения звезды. В конце концов, оно стало таким сильным, что я переключил канал со словами – “да он просто сумасшедший!”, удивляясь бездействию медиков и ответственных лиц, допустивших юродивого на телевидение. Но где-то в глубинах памяти это вроде бы незначительное событие сохранилось, и не так давно у меня появилась мысль, которая могла бы послужить разгадкой этой давней истории. Хотя, быть может, у вас уже имеется свой ответ, и мне не стоит тратить слов?

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Хигрум, искренне заинтересованный. – Я бы предпочёл сначала выслушать ваше предположение, а уже потом высказать собственное.

– Самым непереносимым в той ситуации было то, что я никак не мог уразуметь – серьёзно старый актёр относится к происходящему, или играет, – промолвил я с отстранённой бесстрастностью учёного-аналитика. – В те годы мне было свойственно абсолютно чётко разделять реальное и придуманное, игровое. Мне казалось, что и все остальные взрослые люди поступают также. Тот эпизод опровергал данное мнение на каком-то глубинном уровне, и это вызвало неприятное ощущение потери опоры; в те годы я воспринимал атаку на штампы своего мировоззрения, как атаку на себя самого. Сейчас я свободен от этого и могу, как мне кажется, непредвзято оценивать происходящее. И вот к чему я пришёл. Я остановился на несколько секунд, подыскивая наиболее подходящие слова и выражения, и повернулся лицом к собеседнику, чтобы иметь возможность наблюдать его реакцию.

– Актёр, о котором идёт речь, к тому моменту вышел на тот уровень мастерства, когда грань между игрой и обыденным поведением стирается, когда шекспировские слова “весь мир – театр” перестают быть метафорой и становятся принципом жизни. Это был воистину великий актёр, но понять это тогда я был не в состоянии. О каком уровне мастерства я говорю? Любая человеческая деятельность основана на каноне; из этого следует, что в овладении любым навыком есть несколько фаз: первая – полное незнание существующего канона, или фаза профана, вторая – постижение канона, или фаза ученика, третья – знание канона, или фаза мастера, и четвёртая фаза – свобода от канона, или уровень грандмастера. Этого уровня достигают очень немногие, и мне посчастливилось воочию лицезреть одного из них – человека, для которого свобода от обусловленных обществом установок психической деятельности воплотилась в свободу игры. Это нужно разъяснить поподробнее. Издревле существуют неписанные правила и обычаи эмоциональной жизни; в определённых обстоятельствах положено испытывать те или иные чувства. С детства мы учимся не только тому, как поступать, но и как чувствовать себя в стандартных жизненных ситуациях. Это канон, который надо знать всем, кто хочет нормально взаимодействовать с обществом. Не владеют этим умением только дети и душевнобольные. Случай, когда человек знающий канон, пренебрегает им из каких-то особых соображений – нечто исключительное.

– Я понял, о чём вы говорите, – живо откликнулся Хигрум, воспользовавшись той небольшой паузой, которую я сделал, чтобы подчеркнуть свою последнюю фразу. – Эти особые соображения в данном случае – нежелание повторяться.

– Вы мгновенно ухватили суть, – улыбнулся я. – и избавили меня от необходимости тратить время на дополнительные объяснения. Да, актёру уровня грандмастера безумно скучно переживать одни и те же эмоции в одних и тех же – раз от раза повторяющихся – ситуациях. Когда эта скука становится нестерпимой он выходит за рамки канона и начинает импровизировать.

Как джазовый музыкант использует стандартную тему для своей вольной импровизации, так и актёр высокого уровня использует обычные жизненные обстоятельства для свободной игры своих эмоций. Я это видел и могу подтвердить, что впечатление это производит потрясающее. Удивляет не просто блистательное исполнение какой-то роли, но неожиданная смена ролей; словно несколько разных людей появляются и исчезают пред вашими глазами.

– Есть и другой разряд людей, которые могут играть собственными эмоциями, невзирая на общественные установки, – сказал мой собеседник, лукаво прищуриваясь.

– Имён им придумано много, но я предпочитаю одно – самосовершенствующиеся, – откликнулся я. – Правда, обществу эта группа лиц пока малознакома, поэтому, когда речь заходит об эмоциональном самоконтроле, приходится приводить в пример актёров. По этой причине они и упомянуты в рассказе.

– Что ж, теперь мне ясно, что вы причисляете себя к числу людей, занимающихся самосовершенствованием, – констатировал Хигрум со сдержанным торжеством инквизитора, добившегося от заключённого признания в общении с нечистой силой. Я молча пожал плечами, предоставляя возможность собеседнику без помех продолжить свою мысль.

– Насколько мне известно, самосовершенствование неразрывно связано с аскетизмом – такова давняя традиция этого движения, – с расстановкой изложил своё мнение Хигрум, прохаживаясь по каюте, как он любил, и поглядывая на меня время от времени. – Будда Шакьямуни перед своим знаменитым пробуждением так увлеклся постом, что положив руку на пупок, мог прощупать собственный позвоночник. Однако ваши углублённые гастрономические изыскания противоречат этой тенденции, не так ли?

Я рассмеялся, но тут же приглушил громкость своего смеха, сообразив, что время позднее.

– Пожалуй, главная причина моего увлечения кулинарным искусством находится за этой переборкой, – сообщил я собеседнику, указывая рукой на стену каюты. Хигрум, продолжая улыбаться, широко раскрыл глаза, как бы говоря: “В самом деле?”

– Там живёт господин Чикенфиш вместе со своей супругой, госпожой Чикенфиш, – пояснил я.

– О них нужно рассказать кое-что.

Им уже около семидесяти, и они уже решили все те главные жизненные задачи, которые принимают на себя массовые люди – вырастили детей и достигли некоторого финансового

благополучия. Теперь они путешествуют и уже несколько лет занимают соседнюю каюту.

– Лет? – удивился Хигрум. – Туристические круизы обычно не длятся так долго.

– Мы – не просто туристы, – пояснил я. – “Сан-Элизарио” для таких, как мы – не временное пристанище, а фактически дом. На суше нас ничто не держит, и мы можем позволить себе эту беспрочную морскую прогулку.

– И что же, все пассажиры лайнера таковы, как вы или ваши соседи? – поинтересовался мой гость с недоверчивым выражением лица.

– Не все, но некоторые. Я могу их перечислить, но это займёт время, – ответил я, но Хигрум отрицательно помахал рукой.

– Нет, нет, не надо. Так что вы хотели сообщить о соседях?

– Супруги Чикенфиш глуховаты и разговаривают друг с другом громко, поэтому их диалоги часто доносятся до меня, когда я нахожусь здесь, у себя. Таким образом, я имею представление о том, что составляет их внутренний мир; он такой же, как и у всех других массовых людей. Нетрудно догадаться, что главная радость жизни для них – еда, поскольку о ней они беседуют чаще всего.

– Вы хотите сказать, что их громкие гастрономические разговоры настраивают вас на кулинарные изыскания? – с улыбкой промолвил мой собеседник.

– Если бы влияние соседей ограничивалось только словами, я бы смог его нейтрализовать. С мыслями это проделать намного сложнее, – говоря это, я внимательно посмотрел на гостя, чтобы убедиться в том, что он всё понял правильно.

– Вот как? Так вы ещё и телепат? – со свойственной ему иронией отреагировал Хигрум, и мне пришлось пуститься в подробности.

– Будь я телепатом, то в словах для меня не было бы необходимости – я бы просто читал чужие мысли и передавал собственные.

С телепатией в моём случае всё обстоит так же, как и с эмпатией – я могу различить только сильные и ярко выраженные вибрации, неважно – эмоции это, или мысли. Трудность заключается в том, чтобы определить – мои это мысли, или они пришли со стороны. Я могу только предполагать это по тем или иным признакам, но все они приблизительны и не дают стопроцентной уверенности. Скажем, обдумывая сюжет рассказа, я вдруг замечаю, что мои мысли ушли в сторону кулинарии. Я возвращаю их в прежнее русло, но через небольшое время они вновь соскальзывают на гастрономическую колею. Я продолжаю попытки вернуться к литературным размышлениям, и внезапно из-за стены раздаётся голос господина Чикенфиша: “Я вот всё думаю – давно уже нас не кормили рыбой. Надо бы напомнить коку, подсказать ему рецепт, что ли?”, и между супругами завязывается долгий и оживлённый разговор на тему обеда. После нескольких подобных случаев параллельного мышления, трудно отрицать наличие некоего влияния, которое оказывают на меня мои соседи. Оно практически незаметно, и поэтому что-то противопоставить ему крайне сложно. Когда я говорил о чудовищной силе влияния массового человека, то основывался на личном опыте такого рода.

– Более реалистично мыслящий человек посчитал бы подобные предположения плодами своей фантазии, – заявил Хигрум с нотками язвительности, и до меня дошло, что он пытается меня раздражить. Это вызвало у меня понимающую улыбку. Я и сам иногда проверяю некоторых собеседников на умение сохранять самообладание в тщетной надежде найти кого-нибудь, кто мог бы себя контролировать.

– Реалистичность мышления, о которой вы говорите, обычно является красивым самоназванием ограниченности, – парировал я. – Но даже ограниченный человек способен признать факт мысленного влияния, если оно, во-первых, систематически повторяется, как это имеет место в моём случае, а во-вторых, если оно имеет взаимный, двусторонний характер. Последнее означает, что не только на вас воздействуют, но и вы сами воздействуете на окружающих. В качестве проверки любой может передать свою мысль какому-нибудь человеку, если они находятся поблизости достаточно долго.

– Любопытное предположение, – заметил мой собеседник, демонстрируя готовность слушать дальше.

– Вы можете занести это в раздел рецептов, – сказал я с улыбкой. Однако по мере дальнейшего изложения шутливость испарялась из моих слов. – Чтобы проверить факт мысленного влияния, надо обдумывать одну и ту же определённую заранее идею в присутствии другого человека в течении долгого времени. Если вы попытаетесь донести эту идею до собеседника посредством слов в совместных разговорах, то чистота эксперимента нарушится. Ни слова вслух, вся работа – только в собственном уме. Далее, надо учитывать мыслительные способности того, кому вы пытаетесь передать эту идею; слишком сложные или совершенно чуждые мысли воспринять не способен никто. Впрочем, тут возможны всякие исключения; например, даже господин Чикенфиш сумел уловить мои продолжительные и частые помыслы о самосовершенствовании, и однажды неслыханно удивил меня, завязав разговор на эту тему. Однако для господина Чикенфиша эти идеи так и остались мечтами и абстрактными размышлениями, не воплощёнными в какие-либо действия, к сожалению.

– Зерно проросло, но плод не вызрел, – констатировал Хигрум, вновь поразив меня своей

способностью находить не просто точные, но близкие и любимые мной образы.

– Именно так, – подтвердил я. – Нужно сказать, что этот способ влияния без слов требует бесконечной терпеливости. Чужая мысль, отличающаяся от привычных, должна прижиться, как-то усвоиться. Но иногда этот способ воздействия – единственное и последнее средство вразумить человека.

– Есть и другой прекрасный метод, именуемый “личный пример”, – напомнил мой собеседник, но я позволил себе не согласиться.

– Он срабатывает не всегда и не со всеми, к тому же требует харизмы, которой может и не быть. А вот молчаливое обдумывание идеи в присутствии другого не нуждается в каких-то особых условиях.

– Вы говорили, что иногда этот способ является единственным и последним средством...

– Да. Так бывает, когда человек не в состоянии воспринимать ни слова, ни поступки, – продолжил я. – Кстати, случай не такой уж редкий. То самое эго, о котором я уже говорил, часто заставляет человека враждебно реагировать на любые воздействия, играя на самолюбии или на страхе. Если человек без раздумий отменяет всякие попытки оптимизировать его систему взглядов, остаётся только одно – думать в его присутствии.

– Не кажется ли вам, что это похоже на технику гипнотического внушения? – заметил Хигрум после небольшой паузы, во время которой он не спеша расхаживал по комнате, размышляя об услышанном. Теперь в его словах не было сарказма, и это прибавило мне энтузиазма.

– Думаю, вы и сами понимаете, что это не гипноз, – спокойно ответил я. – Это самое что ни на есть обыденное и обыкновенное влияние людей друг друга, происходящее ежесекундно и повсеместно. Мы говорим об этом как о методе только потому, что в данном случае способность к обмену мыслями применяется осознанно. В обычных же ситуациях этот обмен происходит бессознательно, и потому не замечается.

– Так значит, это господин и госпожа Чикенфиш несут ответственность за ваше увлечение кулинарным искусством? – подытожил мой гость, с весёлостью поглядывая на меня.

– Нет, ответственность за свой выбор несут только я, – возразил я, не теряя юмористического настроя. – Они – это один из факторов, обусловивших этот выбор, и не более того. Есть и другие; например, кулинария тесно связана с древними дисциплинами фармакологического влияния на организм и сознание человека. Я имею в виду травничество, знахарство, алхимию, древние разновидности народной медицины и тому подобное. В рассказе об этом упоминается; я хочу лишь ещё раз напомнить, что пища – это носитель информации, и может быть использована не только для утоления голода и не только для получения эстетического удовольствия, но и для оздоровления и даже для эволюционного продвижения.

– Что ж, всё возможно в этом мире, – философски заметил Хигрум и неожиданно сменил направление беседы. – Как поживает наш капитан? Он уже ознакомился с первой частью вашего повествования?

– Я виделся с ним сегодня, чтобы отдать рукопись, – ответил я. – Кстати, на борту лайнера появилось новое лицо. Это странно, ведь мы уже несколько недель не заходили в порт и не приставали к берегу.

– Звучит интригующе. И кто же он? – продолжил свои вопросы гость. Я не заставил себя упрашивать:

– Она. Молодая женщина запоминающейся внешности и неопределённой национальности. Когда я зашёл в каюту капитана, то нашёл его в обществе этой особы; наш пунктуальный немец был так увлечён беседой с ней, что не сразу смог переключить на меня своё внимание. И лишь спустя какое-то время он вспомнил о хороших манерах и представил мне госпожу Хит – “новоприбывшего специалиста по связи”. Она посмотрела на меня с той же теплотой, с какой женщины смотрят на золотое кольцо, которое некогда потерялось, а потом неожиданно нашлось, и сказала с необычным акцентом: “Называйте меня по имени – Мариша”, после чего провела языком по верхней губе с таким медлительным сладострастием, что я мгновенно понял – идёт атака на вторую чакру. Поэтому я не стал задерживаться, вручил кэпу рукопись и поспешно удалился, и лишь у порога приостановился, чтобы обернуться и бросить быстрый взгляд на госпожу Хит. В этот момент она повернулась к Краузе, чтобы что-то сказать, и я увидел её профиль...

Я примолк в затруднении, и Хигрум поинтересовался:

– В чём проблема?

– Видите ли, если я начну описывать внешность своей новой знакомой, то вы, скорее всего, придёте к выводу, что она ужасна. Но это не так, Мариша весьма привлекательна, несмотря на своё несоответствие стандартам.

– И всё же попытайтесь сделать какой-нибудь словесный портрет. Быть может, вам удастся достигнуть успеха вопреки собственным предположениям, – предложил мой гость.

– Будь по-вашему, – согласился я и напряг память. – У госпожи Хит необычные глаза – чёрные, как кипящая смола, очень узкие, как порез бритвой, и вытянутые почти до висков. При этом они наклонены к переносице под невероятно большим углом, близким к 45 градусам. Это создаёт очень странное впечатление какой-то нечеловечности. Этот наклон ещё более подчёркивается бровями, тонкими, длинными и слабоизогнутыми, почти прямыми,

которые спускаются к переносице под ещё большим углом. Но она непохожа на монголоидных женщин, как это может показаться. Её лицо не плоское, совсем не скуластое, с молочно белой кожей, нетронутой загаром. Нос длинный, но очень невысокий, еле проступающий под кожей, его кончик не приподнят, как это обычно бывает; и в профиль заметно ещё кое-что...

– Линия носа и лба образуют прямую, как в древнегреческом каноне, – внезапно подал голос Хигрум. Я удивился:

– Точно. Вам уже встречались люди такого типа?

– Нет, только их описания. Пожалуйста, продолжайте, любые подробности имеют значение.

– Хорошо, – согласился я, чувствуя всё возрастающую заинтересованность происходящим. – Значит, нос... В профиль особенно заметно, что он не увеличивается от переносицы к окончанию; эта прямая, составленная из линии лба и линии носа практически вертикальна. Поэтому создаётся впечатление, что её носик вдавлен в череп. Ноздри разведены широко, но не вывернуты, они маленькие и изящно очерченные, как у статуэтки. Рот тоже длинный и узкий, то есть, тонкогубый; в середине он прямой, но его края изгибаются вверх, придавая сходство с улыбкой рептилий. Подбородок, пожалуй, слишком широк и массивен для женщины, но, как я уже сказал, он не портит общего впечатления. Ещё стоит упомянуть о волосах; они настолько вулканически-рыжие, что хочется прищурить глаза. Вряд ли это естественный цвет, уж слишком ярок.

– Размер и форма ушей? – деловито задал вопрос мой гость, напомнив мне дотошливых следователей из полицейских сериалов.

– Уши были почти полностью скрыты под причёской. На виду оставались только мочки, украшенные какими-то большими серёжками.

– Как они сочетались с одеждой? – продолжал допытываться Хигрум.

– Серьги? – уточнил я. Мне нужно было время, чтобы вспомнить такие малосущественные для меня детали, как расцветка и фасон одежды моей новой знакомой. Получив утвердительный кивок моего гостя, и покопавшись в памяти, я уверенно заявил:

– Плохо они сочетались. Одежда у неё была, можно сказать, рабочая, в стиле офисной служащей, а серьги – крупные, как для светского приёма, или, скажем, выхода в театр. К ним подошло бы вечернее платье, но никак не одежда клерка.

Мой собеседник задумался и улыбнулся:

– Пожалуй, вы были правы. Портрет получился интригующим, но не слишком привлекательным.

– Вам бы стоило посмотреть на неё самолично, – сказал я, пожимая плечами. – Обычные слова не годятся для того, чтобы передать впечатление, производимое столь неординарной женщиной. Организовать вам встречу?

– Нет, – решительно возразил Хигрум. – Если в том возникнет необходимость, случай представится сам. Мне пора, надо кое-что узнать и проверить. Спасибо за подробные разъяснения, вы натолкнули меня на интересные идеи. Всего доброго и до встречи.

Я попрощался, но на этот раз не стал ложиться спать сразу после ухода гостя, а поработал ещё какое-то время над своими записками. Больше ничего достойного упоминания в этот вечер не произошло.

Вигилия 5

"Через несколько дней прапорщик Ус зашёл на кухню и застал Рината в сильном огорчении. До сего дня никто никогда не видел повара расстроенным; казалось, Турсунову всё нипочём. Расспросы удивлённого Димы прояснили причину столь редкой для татарина мрачности – вкратце она заключалась в следующем.

Уже долгое время Ринат хранит некую вещь, которую его отец хочет передать своему другу. Друг же имеет квартиру в городе N, расположенном поблизости от их воинской части; проблема в том, что появляется он в указанной квартире крайне нерегулярно, поскольку постоянно пребывает в разъездах, и даже связаться с ним удаётся не всегда. И вот сегодня отец позвонил Ринату и сообщил о том, что появилась возможность передать подарок, так как тот самый человек на один день приехал в N.

– А мне не дают увольнение. И в самоволку не пойдёшь – слишком далеко и долго добираться. Когда ещё такой случай повторится? может, его и не будет больше. Не знаю, как скажу об этом отцу. Он так мечтал сделать приятный сюрприз давнему товарищу, – делился своими печальями Турсунов, перемежая фразы горестными вздохами.

Его сокрушённый вид был столь непривычен и невыносим для Димы, что он без всяких колебаний предложил свою помощь.

– Вечером, после службы я смогу передать твою посылку. Но я должен точно знать, что конкретно я передаю.

– Конечно-конечно! – возликовал Ринат. – Это книга. Я сейчас принесу.

Через короткое время он вернулся с бумажным свёртком, на котором был разборчиво написан адрес.

– Посмотришь, что внутри, когда это будет удобно, – сказал Ринат, передавая пакет. – Хоть сейчас, хоть позже. И огромное тебе спасибо! Я у тебя в долгу.

Служебные дела, не терпящие отлагательств, не позволили Диме ознакомиться с содержимым пакета немедленно; но через пару часов он смог найти минутку, чтобы развернуть свёрток и проверить содержимое. Это был Новый Завет в потёртом твёрдом переплёте. Тщательный осмотр убедил Диму, что никаких записок между страницами и в корешке не имеется; краткие заметки на полях не содержали на его взгляд чего-либо предосудительного, и прапорщик вновь завернул книгу в бумагу, придав свёртку первоначальный вид.

Служебные обязанности были завершены по расписанию, и в начале седьмого вечера прапорщик нажал кнопку звонка, стоя возле самой обычной двери на четвёртом этаже многоквартирного дома.

– Заходите! – послышалось в ответ. – Не заперто.

Такая беспечность удивила Диму, привыкшего не только тщательно закрываться, но и регулярно проверять надёжность работы замка. Он вошёл и остановился в сомнении – снять обувь и пройти дальше, или подождать хозяина? В узкой прихожей царил полумрак, и пахло свежесделанной кожей; перспектива скучать здесь в ожидании выглядела малопривлекательно.

– Можете разуться, если хотите; тапочки на полке под вешалкой, – вновь донёсся приглушённый голос. – Проходите прямо по коридору. Я освобожусь через две-три минуты.

Направляясь сюда, Дима рассчитывал всего лишь быстро отдать пакет и уйти; он вспомнил, что целый день провёл на ногах, не снимая обуви. Запах неминуем, но если надеть закрытые тапочки, он будет не столь сильным. Наверное. Вздохнув, прапорщик разулся, быстро просунул ноги в тапочки и, нервно приюхиваясь в попытке определить, насколько сильно он нарушает нормы приличия, прошёл в комнату.

Его поразило количество находящихся в ней книг. Плотные уставленные ими полки занимали большую часть периметра помещения и тянулись от пола до потолка, смыкаясь над дверными проёмами; только стена с открытой балконной дверью и окном со светло-зелёными занавесками была свободна. Песочного цвета диван и небольшой столик, вроде журнального, довершали убранство. Что-то было в комнате не так, как следовало бы, но что конкретно? Понимание никак не приходило, лишь какое-то смутное ощущение неправильности шевелилось внутри, пока Дима осматривался вокруг. Окинув взглядом корешки книг, он понял, что вся литература в этой комнате имеет научный характер; во всяком случае, то, что попадалось ему на глаза, не имело никакого отношения к беллетристике. Прапорщик подошёл к окну, выглянул во двор и, обернувшись, внезапно обнаружил, что он в комнате не один. Этот день был переполнен удивлением – суммарного его количества хватило бы на пару-тройку месяцев обычной жизни.

Человек, молча взирающий на гостя, был необычен во всех отношениях, и Дима, бросив на него изучающий взгляд, застыл, переваривая впечатления. Хозяин был очень высок, он превосходил прапорщика Уса на голову; а между тем рост последнего составлял 184 см. Встречи с теми, кто был в состоянии взглянуть на него сверху вниз, случались настолько редко, что Дима мог бы пересчитать их по пальцам. Кроме того, незнакомец был огненно-рыжим. На нём был синий домашний халат, лёгкие спортивные брюки и шлёпанцы. Присмотревшись внимательней, Дима понял, что у стоящего напротив него человека разные глаза – и по форме, и по размеру, и даже, вроде бы, по цвету; хотя и не настолько, чтобы производить впечатление уродства. Тем не менее, отличия были вполне явственными. Глаза эти напоминали отверстия в необозримый Космос, за которыми таилась бесконечная пустота, и имели при этом столь странное, неопишное выражение, что прапорщику стало не по себе. “Похоже, здорово всё-таки от ног несёт...” – тоскливо подумал он. – “Ишь как смотрит. Отдаю по-быстрому книгу и сматываюсь...”

– Э-э...– начал он было, но человек опередил Диму.

– Теперь я понимаю, к чему мне снилась сегодня зелипатая бармель. – со сдержанной радостью известил он собеседника, и лёгкая улыбка заиграла на его лице, как отражение Солнца на водной поверхности. Голос у него был приятный, выразительный.

– Не понял, – сказал Дима. Ему показалось, что он ослышался.

– Всякий раз, когда во сне мне попадает зелипатая бармель, со мной происходит что-то особенное, из ряда вон выходящее, – пояснил хозяин квартиры.

Дима вновь удивился. Видимо, это стало последней каплей, ибо после этого состояние удивления обрело качество непрерывности и постоянства, словно был преодолен некий критический порог. Любые другие эмоции с этого момента не вытесняли удивления, а смешивались с ним, образуя сложный коктейль чувств.

– А что это такое? – поинтересовался прапорщик Ус, слегка стесняясь собственной необразованности.

– Зелипатая бармель? – уточнил мужчина. Дима кивнул. – Хм-м. . . Полагаю, что объяснить это у меня нет ни единой возможности.

– Как это? – не понял Дима. – Так не бывает. Всегда можно найти способ как-то обрисовать, или намекнуть...

– Почему же не бывает? Это может случиться с каждым из нас в процессе общения, – терпеливо пояснил незнакомец. – Так происходит, когда у одного из участников диалога отсутствует соответствующий личный опыт. Если вы никогда не воспринимали осознанно какое-то явление или хотя бы что-то ему подобное, то оно для вас абсолютно непредставимо, даже если обозначается каким-нибудь словом. Так бывает в детстве, когда мир ещё совершенно неизвестен. И иногда это случается во сне, когда происходит нечто, не имеющее аналогов в повседневной реальности. Этому “нечто” можно подобрать название, но другой человек никогда не поймёт, что за этим названием скрывается. Для этого ему надо попасть в тот же сон. А способность к подобного рода трюкам ещё очень не скоро станет широко распространённой, – сказав это, верзила усмехнулся, и прапорщику привиделся какой-то нездоровый блеск в его непохожих друг на друга глазах. “Да ведь он – безумец!” – подумал парень с нарастающей паникой. – “И весь этот разговор – бред сумасшедшего! Надо валить отсюда, пока не началось...”

– Э-э...– снова начал Дима, и вновь хозяин его опередил.

– Ведь и у вас, молодой человек, почти наверняка есть какое-то сугубо личное переживание, о котором вы не можете рассказать окружающим в силу его уникальности, несопоставимости с событиями обычной жизни, – с гипнотической проникновенностью произнёс он и испытующе взглянул в Димины глаза. – И вполне может быть, что переживание это имело место во сне. Прапорщик Ус обмер. Воспоминание о странном сновидении мгновенно вспыхнуло в его сознании, и при этом что-то вроде мощного гула как от удара колокола раздалось в голове. Возникший было страх перед собеседником не то, чтобы совсем ушёл, а как бы потерял силу, на какое-то время мысли перестали мельтешить, притихли и словно попрятались кто куда – наподобие сусликов, ныряющих в свои норы при первом намёке на опасность. Рыжеволосый собеседник дал Диме время прийти в себя; не торопясь сходил в соседнюю комнату, принёс стул, уселся на него, знаком пригласил гостя присесть на диван, и сказал как бы между делом:

– Я – Фридрих. Мой папа чтит основателей марксизма. Но имя Карл ассоциируется со словом “карлик”, а у нас в семье все рослые. Поэтому, когда я родился, сошлись на Фридрихе, чтобы не ставить меня в смешное положение. А как ваше имя?

– Дима. То есть Дмитрий, – промямлил парень, скрепляя знакомство рукопожатием.

– Очень приятно. В вашем имени – древний корень. Митра, кажется, как-то связан с Солнцем? Прапорщик только пожал плечами – он ничего не мог сказать по этому поводу.

– Не знаю. А это имеет какое-то значение?

– Безусловно. Хотя делать какие-то окончательные умозаключения относительно вас пока ещё рано, – напустил туману Фридрих, и непринуждённая улыбка вновь вернулась на его лицо, чем-то напоминающее театральную маску. Неслышный гул в голове Димы почти прошёл, и он смог обратить внимание на ещё одну странность собеседника – его возраст никак не удавалось определить с достаточной точностью. То он казался молодым, чуть старше самого Уса, а иногда – невообразимо старым. Это постоянно сбивало с толку, мешая выбрать соответствующий стиль общения. – Но значение имеет абсолютно всё. И ваше имя. И каков сегодня закат. И сколько раз каркнет ворона. И то, что вы держите в руках...

– Знакома ли вам фамилия “Турсунов”? – решительно перешёл к делу прапорщик Ус, при последних словах вспомнив о цели своего визита. Имени адресата на обёртке пакета написано не было, и Дима решил подстраховаться во избежание недоразумений.

– О! Более чем! – оживлённо отреагировал Фридрих. – Полагаю, этот одарёнейший юноша – воплощение везучести. То знание, на поиски которого у меня ушли годы и десятилетия труда, Ринат заполучил автоматически, исхитрившись попросту удачно родиться. Все его предки были людьми весьма высокоразвитыми и небезызвестными в определённых кругах. И при этом он ещё обладает и несомненным талантом! Просто дух захватывает от мысли, как далеко он продвинется с таким многообещающим началом!

Дима вообще-то полагал, что Фридрих знает не столько самого Рината, сколько его отца и ожидал, что собеседник вспомнит в первую очередь главу семейства. Но, как бы то ни было, факт знакомства Фридриха и Турсуновых подтверждён; теперь можно передать подарок, не беспокоясь по поводу возможной ошибки.

– Это вам от отца Рината, – сказал прапорщик, и положил пакет на журнальный столик. – И поскольку вы наверняка устали с дороги, я лучше пойду...

– Устал с дороги... – почему-то повторил Фридрих, шустро развернув бумагу и наскоро пролистывая книгу. При этом Диме показалось, что рыжий чудак одним глазом смотрит в текст, а другим – на него; но такого, разумеется, быть не могло. Он старательно пытался уверить себя в этом, а хозяин тем временем продолжил разговор:

– Утомлён я не только дорогой. Целый день пришлось потратить на приборку квартиры. Да ещё и насморк подхватил сильнейший, нос так забит, что совершенно не различаю запахов. Но отпустить вас не отблагодарив я не могу. Я должен хотя бы напоить вас чаем.

Соглашайтесь, это не займёт много времени.

При этих словах Дима понял, что так беспокоило его, когда он оказался в этой комнате – в ней царил чистота и порядок; но когда помещение надолго остаётся без хозяйского

присмотра, в нём неизбежно скапливается пыль. Её не было, и теперь стало ясно – почему. Во-вторых, услышав о насморке, Дима перестал тревожиться по поводу своих несвежих носков; это обстоятельство так расслабило парня, что он согласился на чай без долгих угворов. Фридрих ушёл на кухню, но сразу же вернулся с большим чайником, двумя кружками и баночкой с мёдом.

– Я как раз собирался почаёвничать, – объяснил он гостю. – Чай зелёный, поэтому сахара не предлагаю. В зелёном чае сахар неуместен так же, как соус чили – в мороженом. А вот мёд будет очень кстати – попробуйте! Но только не в чае, а с чаем...

– Чем вы занимаетесь? – решил поддержать светскую беседу Дима; его интерес был совершенно искренним, не продиктованным одной только вежливостью. Людей, подобных Фридриху, среди его знакомых не было.

– Главное моё занятие – научная деятельность, – в тон ему ответил радушный хозяин.

– И в какой же области? – подумав, сформулировал очередной вопрос Дима. Чтобы вести разговор в подобной манере ему приходилось напрягать все свои мыслительные способности, но падать лицом в грязь не хотелось. Пусть не думает, что русские прапоры только в мате сильны.

– Наука, которой я посвящаю фактически всё своё время, называется эволюционетикой. – сообщил Фридрих и посмотрел на гостя с каким-то особенным вниманием, словно пытаясь прочесть по лицу его мысли. – Может быть, слышали?

– Нет, – признаваться в собственном невежестве было огорчительно. Но и врать в разговоре с таким собеседником, как Фридрих, не хотелось; казалось, он видит всё насквозь.

– В этом нет ничего удивительного, – успокоил парня хозяин. – Эта наука ещё малоизвестна широкому кругу; она находится, как говорится, в младенческом возрасте. Но истоки её скрыты во мраке времён, и не будет ошибкой сказать, что начало этой науке положено уже первыми представителями вида *Homo sapiens*. Просто раньше она имела характер отчасти эмпирического, отчасти интуитивного знания; ныне эта область исследований стала базироваться на научной методологии, в силу чего смогла оформиться как самостоятельная научная дисциплина, которая и получила название эволюционетики, что значит – искусство развития.

– Интересно, – только и смог выдавить прапорщик. Пригубив ароматного чаю и поразмыслив, он решился уточнить. – А что она развивает?

– Наши наиболее значимые способности и возможности. Иначе говоря – человека во всей его целостности. Эволюционетика призвана обобщить опыт нашего вида и показать способы максимальной реализации того почти безграничного потенциала, который скрыт в каждом из нас. Следуя указаниям этой науки, люди получают возможность спланировать свою жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. – Фридрих посмотрел на Диму, словно ожидая какой-то реакции.

Прапорщик решил не разочаровывать хозяина и спросил:

– А долго ли учиться этой науке? Мне бы тоже не помешало развить у себя что-нибудь полезное...

Это было явно не то, что ожидал услышать Фридрих, но он продолжил разговор как ни в чём ни бывало:

– Базовую теорию изучить недолго. Даже школьники способны на это. Практика намного сложнее. Но одно из правил эволюционетики гласит: только воплощаясь в поступок знание становится силой.

Это прозвучало так величественно, что Дима почтительно умолк, поскольку никогда не задумывался ни над чем подобным и не имел на этот счёт никакого мнения. Однако некоторая зависть, спровоцированная Фридриховой эрудицией и умением красиво излагать мысли, пробудила в прапорщике детское желание поспорить. Он сделал несколько глотков изумительного чая, подумал и отважился на выпад:

– Вы вот говорили о знаниях древних... Какая от них польза сейчас, когда везде Интернет? И в космос мы летаем.

– Природа человека остаётся неизменной уже многие тысячелетия. И во многих отношениях она столь же загадочна и темна, какой была на заре цивилизации. Наука, которой я занимаюсь, исследует общие закономерности нашего внутреннего развития, действующие во все времена – и в настоящем, и в прошлом, и в будущем; а Интернет, завоевание космоса и другие реалии наших дней – это внешние факторы Игры, бутафория и декорации, которые для эволюционетики вторичны и не столь уж важны, – терпеливо объяснил Фридрих. – Проще говоря, есть вещи, которые остаются одинаковыми всегда, что сейчас, что в первобытную эпоху. Строение нашего тела, например. Кстати, неизменность физического облика человека почти всех приводит к одному характерному заблуждению, очень и очень опасному.

– К какому? – простоудушно спросил Дима. Выражение тревожной озабоченности, прозвучавшее в голосе собеседника, заставило его насторожиться.

– Вам должно быть известно, что в период от зачатия и до рождения каждый из нас повторяет ту последовательность форм, через которую прошёл биологический вид *Homo sapiens* в процессе своей эволюции. Мы как бы пробегаем по проложенному до нас пути, пока растём в

материнском чреве, – сделав паузу, хозяин посмотрел на гостя со строгостью учителя, желающего удостовериться в том, что всё понято правильно.

– Э-э... Ну да, конечно, я учил это – не помню уже в каком классе...– неуверенно произнёс Дима, не понимая, к чему клонит Фридрих.

– А после того, как мы появляемся на свет, трансформация тела прекращается. Возрастные изменения – не в счёт; они непринципиальны – крылья у нас не вырастают, и перепонки на пальцах не появляются. Наблюдая эту неизменность органической формы, люди делают вывод – эволюция человека закончилась. – Фридрих огорчённо вздохнул, и продолжил с драматическим нажимом. – Это заключение не просто ошибочно, оно приводит к катастрофическим последствиям!

– Да ну! – с испуганным недоумением отреагировал прапорщик, забыв о литературности слога. Он всё ещё не мог понять, о чём речь, но намёки на неведомую угрозу заставляли его немного нервничать.

– На самом деле после рождения заканчивается только первая часть личной эволюции – эволюция физического тела, и начинается вторая – эволюция сознания. Именно развитием и трансформацией своего сознания занимается человек в течение всей жизни, но догадывается ли он об этом? – Фридрих даже воздел руки к потолку, как бы вопрошая небеса.

– А в чём опасность-то? – произнёс Дима с требовательностью ребёнка, спрашивающего у фотографа: “И где же ваша птичка?”

– Неужели непонятно? – удивился Фридрих. – Вот вы занимаетесь развитием вашего сознания?

– Не знаю, что сказать...– замялся прапорщик. – Я учился в школе и после армии тоже...

– В школу вас отвели родители, в армию призвало государство, а стать прапорщиком убедили командиры – вы лишь плыли по течению, обучаясь тому, что требовали от вас обстоятельства. Вы просто реагировали на внешние стимулы, мало заботясь о своём внутреннем мире. Надо учиться – учились, не надо – бездельничали. Ведь вы до сегодняшнего дня даже не подозревали о том, что вашей первейшей целью является именно развитие, личная, так сказать, эволюция. – Фридрих анализировал прошлое прапорщика с отстранённой безжалостностью препаратора.

– Но ведь так делают все! – заводясь, стал защищаться Дима, но осёкся – рыжий чудак направил на него свои сверкающие космическим светом глаза и с грустью произнёс:

– В этом-то и заключается весь ужас положения. Прапорщик не мог долго смотреть в тёмные зрачки, казавшиеся осколками ночного неба, он отвёл взгляд и примолк, слушая негромкий, но отчётливый голос Фридриха. Тот продолжал развивать свою невесёлую мысль:

– Только и слышишь: человек – мера всех вещей, венец творенья, человек – это звучит гордо! Когда считаешь, что всё уже достигнуто, что эволюция завершена, то и стремишься особенно не к чему, лишь бы сытно есть и спокойно спать в тепле и уюте.

Добившись обеспеченной жизни, люди просто засыпают, повторяя одни и те же действия с покорностью загипнотизированных кроликов, как биороботы. И умирают, страдая от невыносимой скуки. Никто даже не подозревает, что возможен совсем иной вариант судьбы. Эволюционетика показывает с полной определённой – большинство из нас в течение жизни реализует от силы половину своего потенциала, а то и меньше. Люди проживают свою жизнь, ничего не зная о тех возможностях, которые открывает для них эволюция сознания. Вот к чему приводит убеждённость в том, что развитие человеческого вида прекратилось... В наступившей тишине прапорщик раздумывал о словах Фридриха и вспоминал стариков и старух, виденных им в течение жизни.

И то, и другое наполняло его печалью, а при мысли о том, что и ему придётся когда-нибудь постареть, Диме стало нехорошо.

Внезапно за окном стала каркать ворона, да так громко, что прапорщик от неожиданности вздрогнул. Казалось, птица горланит прямо в открытую форточку. И карканье её было необычное – двойное. Первый звук был громче, выше и короче, чем второй; это “кар-кар” повторилось три раза.

– Поздравляю вас, молодой человек! – торжественно произнёс Фридрих, как бы не обратив внимания на громкий и хриплый вороний голос. – Здесь и сейчас вы сделали важный шаг на Пути Знания. Теперь вам известно первое из базовых понятий эволюционетики, которое звучит так: предназначение человека – РАЗВИТИЕ. – Его лицо осветила добрая улыбка, и прапорщик невольно улыбнулся в ответ. Хозяин квартиры продолжил:

– Я намерен задержаться в N ещё на какое-то время, так что непременно заходите, буду рад рассказать вам ещё что-нибудь об искусстве развития.

– Спасибо, Фридрих. Я вам позвоню. Какой у вас номер? – спросил Дима.

– Я не держу телефона – ни мобильного, ни обычного. Нет необходимости.

– А вдруг я приду – а вас нет дома?

– Не беспокойтесь, я буду здесь, когда потребуется, – самонадеянно, как показалось прапорщику, сказал его удивительный собеседник, и с улыбкой добавил не очень понятную фразу. – Ведь сценарий неизменен, и роли те же, меняются только исполнители.

Тут прапорщик Ус вспомнил о ролях, про которые говорил Турсунов, но Фридрих сбил его с мысли вопросом:

– А почему же вы не спрашиваете о том, что такое эволюция сознания? Это словосочетание вряд ли вам встречалось раньше.

– Ворона меня испугала, и я потерял нить... – честно признался прапорщик. – Да и многовато всего сегодня произошло, мозги уже отказывают.

– Правила требуют, чтобы эта информация не откладывалась на потом, – объяснил Фридрих; но о том, что это за правила и зачем их надо соблюдать рассказывать не стал, приняв во внимание утомление собеседника. – Это просто. Эволюция сознания является процессом улучшения и накопления умений с одной стороны, а с другой – повышения их качества. Имеет значение не только совершенствование навыков. Важно своевременно переходить от одного к другому, и каждый последующий навык должен развивать определённую часть многосоставной структуры, называемой человек. От простого – к сложному, от прямохождения – к овладению речью, от умения манипулировать предметами – к умению читать и считать, и так далее. Таким образом, эволюция сознания требует качественного изменения приобретаемых умений, иначе говоря, повышения уровня их сложности. И в этом процессе каждый из нас тоже следует по тому пути, который проложен нашими предшественниками. Но довольно науки. Пусть ваш первый урок по эволюционетике увенчается подарком. Подождите немного, – с этими словами Фридрих ненадолго вышел в соседнюю комнату, а Дима допил свой чай. Хозяин вернулся с книгой в руках.

– У меня нет свободного места на полках, и я не могу себе позволить держать дома две одинаковые книги, – сказал он и протянул гостю другой экземпляр Нового Завета. – Я считаю это собрание историй практически пособием по прикладной эволюционетике, и как-нибудь при случае приведу вам аргументы, подтверждающие это. У этой замечательной книги есть интересные особенности. Берите, берите, без возражений, она вам обязательно пригодится. – В силу вашей молодости, вам вряд ли когда-нибудь приходило в голову, что окружающий мир является своего рода живым организмом, составными частями которого являются и люди, – произнёс Фридрих после того, как Дима принял его подарок. В ответ прапорщик Ус лишь пожал плечами и улыбнулся, бессознательно перенеяв манеры хозяина. – Я так и думал. Главной трудностью в доказательстве этой теории является отсутствие ярко выраженной связи между сознанием человека и сознанием Универсума. Но книги, вроде той, что вы держите в руках, способны разрешить это затруднение, пусть и не в полной мере. Проведём эксперимент. Наверняка есть какая-нибудь волнующая проблема, о которой вы много размышляете. Задумайтесь о ней секунд на тридцать, а потом прочитайте несколько строк из книги на случайно выбранной странице.

Дима послушно подумал, раскрыл том и начал читать вслух:

– “Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нём...”

Тут Дима остановился – смысл прочитанного начал доходить до его сознания, и прапорщику стало жутко.

– Интересная у вас проблема – мы как-нибудь непременно поговорим о ней, – прокомментировал Фридрих, по выражению лица гостя догадавшись об успехе эксперимента. – На самом деле приём с книгой, как вы понимаете, работает не всегда, а только в особых случаях. Но сейчас и есть такой особый случай – не зря же мне сегодня в сновидении повстречалась зелипатая бармель.

В Диме боролись противоречивые чувства – ему было не по себе в обществе этого странного человека и хотелось сбежать куда-нибудь в более спокойное место, но в то же время необъяснимое ощущение тепла и комфорта, которое наполняло его здесь, а также витающая в атмосфере беспричинная светлая радость побуждали задержаться подольше. К сожалению, поводов к этому более не находилось и прапорщик стал прощаться. Хозяин положил подаренную им книгу в полиэтиленовый пакет и, вручая его гостю, стоявшему на пороге, ещё раз повторил:

– Обязательно приходите, как только почувствуете, что надо нанести мне визит – такие ощущения никогда не бывают случайными; впрочем, нет ничего случайного, теперь вам это известно.

А когда Дима уже повернулся и начал спускаться по лестнице, Фридрих добавил с добродушной усмешкой:

– И в следующий раз позаботьтесь о безупречности всех элементов одежды. Не всегда же у меня будет насморк.

После чего закрыл дверь, даже не посмотрев на сконфуженного гостя.

В тот вечер прапорщик долго не мог уснуть – какая-то разбуженная энергия играла в нём, не желая успокаиваться, и парень всё думал и думал, перебирая события этого насыщенного дня. А уснув, увидел во сне Фридриха. Тот выглядел ещё более впечатляюще, чем наяву – в нём было столько силы, что это вызывало страх: не подвернуться бы под ногу, раздавит и не заметит... И всё же любопытство пересилило, Дима приблизился и задал вопрос, который обдумал в бодрствующем состоянии:

– Вот ты говоришь – зелипатая бармель. А какая она ещё бывает?

– Ещё есть бармель шпырявая. – не задумываясь, ответил Фридрих тем же негромким голосом, что и наяву; его успокаивающее звучание мгновенно развеяло все Димины страхи и опасения. Поразмыслив немного, рыжий чудака добавил:

– Это бывает, когда она шпырявится. А один раз мне встретилась триксиальная бармель. Такого ответа Дима не ожидал и умолк, не зная, как продолжить беседу, а Фридрих, посмотрев на него своим рентгеновским взглядом, сказал:

– Ты, похоже, рассчитывал, что я отвечу – зелёная бармель, или стеклянная, и тогда ты сможешь догадаться о том, что это такое, по контексту. Но поскольку бармель относится к области неизвестного, то и любой её контекст – вне твоего опыта.

– Почему же у тебя этот опыт есть, а у меня нет? – спросил Дима обиженно.

– Но ты ведь видишь между нами разницу. Я обладаю огромным запасом сил, вследствие чего мои возможности больше, вот и вся причина. Некоторые способности человека могут активироваться только при избытке энергии; мне удалось собрать необходимое количество. Могу и тебя научить, как добиться того же, если хочешь.

– А бармель эта может мне пригодиться? – стал допытываться Дима, сдержав возглас “хочу!”.

– Она расширит твои познания. Но штаны из неё не сошьёшь и каши не сваришь. Практическое использование феноменов неизвестного – вещь проблематичная, и последствия встреч с ними не всегда можно предсказать.

Диме хотелось более определённых ответов, он привык к военной однозначности и ясности, ему казалось, что Фридрих пытается что-то утаить, виляет и умалчивает; это настораживало, но как добиться прямых ответов, он не знал.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; но для того, чтобы твои глаза раскрылись, тебе придётся немало поработать и многому научиться. Что тут ещё можно сказать? выбор за тобой, – сказал Фридрих и стал удаляться.

– А откуда взялись эти слова – бармель, зелипатая, шпырявится? Сам придумал? – спросил напоследок Дима. Почему-то это казалось ему важным.

– “Придумал” – это не то слово. Когда сталкиваешься с неизвестным, всегда есть какой-то отчётливый отклик, впечатление, ощущение. Первый попавшийся набор букв для обозначения этого не подойдёт. Это – скорее сотворчество между неизвестным и человеком. Но после того как оно происходит, кажется, что иного слова и быть не могло, что бармель изначально и всегда была только бармелю и ничем иным. Когда ты сам поймаешь удачу и встретишься с чем-то подобным, то обязательно поймёшь, что я имею в виду.

Голос постепенно затихал, пока не наступила тишина, после чего Дима провалился в сон без сновидений"

XXX

– Что за “эволюционетика” такая? Как появился этот термин? – с любопытством спросил Хигрум, откладывая в стороны страницы моего рассказа.

– Пришлось изобрести его самому, – ответил я с тайной гордостью. – У меня не было иного выхода.

Мой гость посматривал на меня в ожидании продолжения, а я погрузился в воспоминания, восстанавливая события ушедших дней и ход моих мыслей, приведших к рождению вышеупомянутого неологизма. Была середина ночи, и тишину нарушали только мягкий гул судовых двигателей и вкрадчивый плеск волн, неумоимо массирующих округлые бока “Сан-Элизарио”.

Стоит упомянуть, что на этот раз встреча с Хигрумом произошла не так, как это было раньше. Прошло несколько дней с момента его последнего появления, и я уже начал думать, что мой собеседник решил отказаться от визитов. Но в одну из тёплых летних ночей, проснувшись без видимой причины, я обнаружил его сидящим за столом и безмятежно читающим оставленные для него записи при свете настольной лампы. Он, не оборачиваясь, поднял руку в молчаливом приветствии; тренированное чутьё подсказало ему, что я проснулся. Я не стал мешать его чтению, поднялся, сдержанно позёвывая со сна, сходил в клозет, затем не торопясь поставил чайник и заварил себе свежего чаю; к тому времени, как Хигрум задал свой вопрос, я успел выпить чашечку своего любимого напитка.

– Вы сами как-то сказали, что наша цивилизация очень молода, – так начал я своё объяснение, давая понять своему гостю, что высказанные им некогда мысли не забываются. – Видимо, в силу этой молодости в современной системе знаний существует изъян, на который намекал Фридрих в своей пламенной речи. Самая важная из наук – наука о развитии человека – фактически отсутствует в нашей культуре. Её место занимает отчасти психология, отчасти философские дисциплины, оставшиеся пробелы пытаются заполнить религия и эзотерика, но во всем этом нет никакой упорядоченности, всё хаотично, противоречиво и перепутано. Разумеется, со временем эта область знаний очистится от лишнего, а то, что останется, обретёт более или менее стройную структуру. Но развиваться-то нам надо сейчас, а не в светлом будущем, не так ли?

– Совершенно верно, – с улыбкой поддержал меня Хигрум. – Приходится как-то выкручиваться.

– Поэтому мне пришлось самостоятельно заполнять ту пустоту, которая так явно зияет в данной области, – бойко продолжил я свои разъяснения, выкладывая цепочку мыслей, кристаллизовавшуюся в результате частых раздумий. – При этом выяснилось много любопытных обстоятельств, и ознакомить вас с ними будет совсем не лишним. Оказалось, что при всей непохожести существующих духовных традиций и учений, на самом абстрактном уровне – на уровне идей – они совершенно идентичны. Этот однотипный комплекс идей обнаруживается и в древних и в новых концепциях самосовершенствования, он не имеет географической привязанности, и возникает везде, где люди по какой-то причине начинают уделять внимание саморазвитию.

Однако реализуются эти идеи иногда по-разному, и это совершенно естественно, ибо люди разных эпох и национальностей существенно отличаются, несмотря на идентичность своего принципиального устройства. Например, если одна и та же мелодия придёт в голову китайскому, исландскому и мозамбикскому музыканту, то сыграют они её совершенно различным образом.

Аналогично этому, одна и та же идея из области самосовершенствования может воплотиться в весьма непохожие друг на друга действия и практики, которые мы можем наблюдать в тех или иных духовных традициях. Из этого следует один весьма прагматический вывод – для того, чтобы найти свой индивидуальный путь развития нет надобности тратить время на изучение той огромной массы информации, которая накопилась к настоящему моменту в упомянутой области знаний. Желающему достигнуть самореализации достаточно изучить этот один единственный комплекс абстрактных идей и научиться применять их в своей повседневной жизни. Это тоже требует некоторых затрат времени и энергии, но они уже вполне по силам абсолютному большинству людей. Таким образом, наша главная жизненная задача упрощается на порядок, если не больше. Как вам этот постулат?

– Звучит многообещающе, – сказал Хигрум одобрительно. – Правда, эта ваша идея близка одному стародавнему принципу, в соответствии с которым необходимо не только кормить голодных рыбой, но учить ловить её.

– Да, однако данное обстоятельство ничуть не девальвирует предложенной вашему вниманию концепции! Скорее наоборот. К тому же, упомянутый вами принцип подводит нас к ещё одной стороне дела, которая имеет немалое значение. Если тот единый комплекс идей саморазвития, о котором говорилось выше, покажет свою эффективность в практике такого экспериментатора-одиночки, как я, то и для других он будет полезен. Этим комплексом сможет воспользоваться каждый. Таким образом, мы выходим на беспроигрышную стратегию Универсального Пути Человека и Человечества, или Всеобщего Метода Осознанной Эволюции. Каждый, кто владеет сим Методом, не только улучшает себя, но и совершенствует сам Метод, добавляя новое, убирая ненужное и устаревшее, подтверждая своим опытом истинное и опровергая ошибочное – ведь без ошибок никто не обходится.

– И это звучит прекрасно, хотя и утопично, – тепло улыбаясь, отозвался мой гость. – Не страшно браться за столь титанический труд?

– Когда я ощущаю страх, то ищу его причину и предпринимаю определённые действия, чтобы преодолеть его и избавиться от его приступов в дальнейшем, – ответил я без утайки. – Есть замечательный способ растворить страх: надо действовать вопреки ему – так, будто его нет.

– И с чего же вы решили начать, основывая новую научную дисциплину? – вернул меня к начальной теме Хигрум.

– Именно к этому я и пытался вас подвести, – живо откликнулся я. – Можете считать это рецептом создания нового движения в культуре. Начинать такой большой проект надо с названия.

Эти слова ввергли моего собеседника в веселое расположение духа.

– Вы уверены? – беззвучно посмеиваясь, спросил он.

– Абсолютно, – ответил я, улыбаясь не менее жизнерадостно. – Если какие-то предварительные данные накоплены, и общая концепция стала обрисовываться, то для продолжения процесса необходимо найти точно соответствующее этой концепции название. Как вы судно назовёте, так оно и поплывёт, не так ли? “Эволюционетика” – это то, что надо. Немного длинновато, но этот недостаток – единственный, и не столь уж большой. Это название не кажется совершенно незнакомым, обе части составного термина широко известны. Даже впервые встречаясь с ним, легко догадаться о его значении. Искусство развития, или наука о развитии, – можно перевести и так, и эдак, ошибки не будет. Какие-то дополнительные пояснения можно внести уже по ходу изучения этого искусства, или науки. Например, нужно уточнить, что в своём, скажем так, академическом аспекте данная дисциплина направлена на исследование развития человека, а не животных, или других живых существ. Далее, нужно уточнить, что это дисциплина имеет прикладной характер, и любые теоретические разработки в ней будут приниматься во внимание только при условии личного опыта. И обязательно нужно уточнить то, что эта отрасль знания предназначена для общего применения, наподобие арифметики или навыка чтения.

– Понятно, – сказал Хигрум, и поднялся со стула, чтобы пройтись. – Довольно странный способ вы выбрали, чтобы создать новую разновидность, или отрасль науки. Я попробую перечислить ваши действия: вы обозначили направление научного поиска, придумали для него подходящее название и написали об этом рассказ. Неужели вы полагаете, что этого достаточно?

– Давайте-ка вернёмся к началу, – предложил я дружелюбным тоном. – Моя задача – популяризация самосовершенствования. Я полагаю, что на начальном этапе это занятие может выглядеть как хобби. К примеру, господин N работает в банке, а на досуге занимается дайвингом и эволюционетикой (т.е., самосовершенствованием). Для того, чтобы это занятие выглядело современно, оно должно быть научно обосновано. Открывая учебник “Теория музыки”, вы первым делом встречаетесь со статьей о физических свойствах акустических волн. Открывая в будущем учебник по саморазвитию, вы прежде всего найдёте там научное обоснование предлагаемых практик. Никаких пророческих откровений, повелений высших сил и интуитивных озарений; только проверяемые и многократно подтверждённые опытным путём данные. Такого полноценного научного обоснования пока нет; оно появится, когда будет востребовано обществом. Таким образом, в наши дни имеет место порочный круг: массовый человек не интересуется саморазвитием, ибо оно якобы несовременно и ненаучно, а наука не исследует саморазвитие потому, что общество не выражает в нём заинтересованность. Мой способ разорвать этот порочный круг – это довести до всеобщего сведения: есть такая наука, и имя её – эволюционетика! Если получится, то самосовершенствование, в частности, эволюционетика, войдёт в моду, и тогда процесс всеобщего развития ускорится многократно. Поэтому я и взялся за перо.

– Чтобы создать моду, или какое-то общественное движение, одних благородных намерений недостаточно, – веско заявил мой придирчивый гость. – Необходимо благоприятное сочетание многих факторов.

– Если использовать ваши концепции, то для меня этот проект – вызов. Тот самый вызов, который надо принять, чтобы процесс моей личной эволюции продолжился или ускорился, – выложил я аргумент, позаимствованный у моего гостя. Хигрум оценил этот ход, одобрительно кивнул головой и сказал мягко:

– На самом деле я, безусловно, поддерживаю ваш замысел. Если дайвинг, или искусство декорирования жилья становятся всё более массовыми, то неужели самосовершенствование чем-то хуже? Заниматься им, быть может, и сложнее, но и отдача от этого занятия куда больше. Ваша книга быстро увидит свет, и быстро обретёт популярность – поначалу у образованной публики. Но рано или поздно высказываемые вами идеи дойдут и до широких общественных слоёв.

Я жадно слушал его рассуждения, ибо моменты разговорчивости у моего гостя случались весьма нечасто. Он повернулся, заметил мой напряжённый интерес и учтиво поклонился, сверкая улыбкой и говоря:

– Спасибо за столь внимательное отношение к моим словам.

Я решил поддержать шутливый тон Хигрума и сказал:

– Оно объясняется тем, что мне до сих пор не удалось прийти к какому-то мнению относительно вашей природы. Мои попытки разобраться в этом, основываясь на словах и на других признаках, пока безуспешны. Вы совершаете слишком сложные действия для галлюцинации, но и на реального человека не похожи.

– Значит, я ни то, ни другое; вам надо найти или придумать нечто третье, ещё один разряд феноменов, специально для меня, – подсказал выход мой гость. – Ведь вы уже знаете, что Неизвестное любит ломать наши схемы и проявляется непредсказуемым образом. Неизвестное, о котором я говорю, может оказаться даже человеком, вроде меня, или госпожи Хит.

– Вам удалось выяснить, кто она? – спросил я, испытывая приступ острого любопытства.

– А вам удалось установить, как она появилась на лайнере? – задал встречный вопрос Хигрум, и я поспешил ответить:

– Конечно. Ничего таинственного. Наш начальник связи срочно уволился по семейным обстоятельствам, и ему прислали замену.

Мариша Хит добралась до нас на скоростном катере, нанятом в ближайшем порту за казённый счёт; это событие произошло рано утром и осталось незамеченным пассажирами, которые в это время ещё спят. Конечно, есть небольшая странность в том, что такая своеобразная женщина выбрала столь малоподходящую для неё профессию, но о вкусах не спорят. Так что вам известно? Или вам запрещено разглашать эти сведения?

– Нет; никто ничего не может запретить, – сказал мой собеседник в раздумье. – Дело в другом; моя информация касается не столько вашей новой знакомой, сколько её этнической группы, или, проще говоря, племени. Эти сведения выглядят относящимися скорее к области мифов и легенд, чем к области исторической науки. Предполагаю, что вам захочется услышать их, невзирая на это предупреждение; однако свои источники информации открывать я пока не буду. Это потребует долгого времени, которым мы не располагаем. Если вы согласны с этим, то я могу сообщить вам кое-что, касающееся происхождения госпожи

Хит.

– Конечно, Хигрум; если вам не хочется говорить на какую-то тему, то достаточно предупредить об этом, и я не буду задавать лишних вопросов, – сговорчиво затараторил я. – Итак, кто эта женщина?

– Она драхман, – лаконично ответил мой собеседник.

– Чудесно, – возрадовался я (думаю, что небольшая доля сарказма, присутствовавшая в излучаемом мной аккорде чувств, ничуть не диссонировала с последним). – Угадайте мой следующий вопрос!

Мой гость усмехнулся и начал рассказывать:

– “Драхман” в переводе с древнего языка означает драконовый человек. Драконовые люди – это особая раса, возникшая тогда, когда последние драконы начали исследования первых человеческих особей, появившихся на планете. Драконы к тому времени практически прошли весь свой цикл развития, и большая их часть уже перешла на более высокий уровень реальности. Немногие оставшиеся готовились совершить то же самое, но когда появились первые люди, некоторые из драконов проявили любопытство и приблизили к себе этих странных созданий – сначала в качестве ручных зверьков, потом слуг, а потом и помощников. После долгой селекционной работы и благодаря воздействию энергии таких мощных магических существ, как драконы, появилась особая разновидность людей, вошедших в симбиоз с древними повелителями Земли. Драхманы переняли определённые качества своих покровителей, но, как ни странно, и сами драконы получили особые, необычные свойства в результате общения с людьми; часть их доныне продолжает взаимодействовать с группами драхманов, став “человеческими драконами”, если так можно выразиться. Этот поворот событий внёс изменения в “правило для драконов” и теперь связь, установившаяся между некоторыми из них и драхманами, вынуждает эту обособленную группу проходить новый цикл – цикл совместной эволюции драконолюдей и человекодраконов.

Хигрум посмотрел на меня, давая возможность подать реплику. Однако я молча ждал продолжения, понимая, что рассказ ещё не закончен, и гость, удостоверившись в моей готовности слушать, вернулся к изложению своих сведений, которые действительно казались, мягко говоря, фантастическими:

– Далее следует рассказать вам о некоем драхманском обычае, который имеет непосредственное отношение к событиям, имеющим место здесь и сейчас. Драконолюди и их могущественные патроны уже много веков пребывают в близких нашей реальности измерениях, или, иначе говоря, “мирах второго внимания”, куда они перебрались, дабы не контактировать с разрастающейся популяцией нашего биологического вида. Однако время от времени один из немногочисленных родов драхманов отсылает в наш человеческий мир новорожденного младенца. Это должно продемонстрировать, что данный род не деградировал и сохранил все свои способности к выживанию; если подкидыш сумеет дорасти до совершеннолетия без помощи своей семьи в такой неблагоприятной для жизни среде, как наш мир, то генетически наследуемая сила этой семьи драхманов считается доказанной. Госпожа Хит – одна из таких подкидышей.

– Так вот почему у неё такие необычные черты лица...– сказал я задумчиво, вспоминая неординарный облик этой запоминающейся женщины.

– Вы не собираетесь опровергать мою информацию? Вы приняли её легко, и это весьма необычно, – произнес мой собеседник с любопытством.

– Нельзя сказать, что я верю вам на все сто, но и полного недоверия к вашим словам у меня тоже нет, – стал объяснять я свою позицию. – Вера и неверие не относятся к области разума, которому я отдал бразды правления, они исходят из эмоциональной сферы, а она нуждается в строжайшем контроле. Исходя из этого, я принимаю к сведению любую концепцию, но всегда пользуюсь возможностью проверить её на прочность. Если такая проверка проходит успешно, то данная концепция становится руководством к действию, если нет – откладывается в запасник. Ваша информация тоже будет так или иначе проверена; выражать же своё несогласие в нашей ситуации означает попусту терять время. Наоборот, в моих интересах узнать от вас максимум возможного; поэтому я принимаю вашу версию как данность, что называется, “верю, не веря”. Метод не мной придуман, но он входит в мой арсенал практик, и в этом смысле может быть назван моим. Если я пользуюсь зонтиком, то это мой зонтик, даже если изготовлен не мной.

– Ваш подход практичен и эффективен, – с пониманием кивнул головой Хигрум. – Что ж, это облегчает мою задачу; с вашего разрешения, я продолжу. Есть простой способ распознать драхмана. Помимо необычного лица у представителя этой древней расы есть ещё одно отличие, которое могло бы выдать его происхождение. Его уши слишком длинные, их мочки и верхняя часть чересчур вытянуты по сравнению с ушами обычных людей. Поэтому перед тем как подкинуть младенца дикарям – так они называют обычных людей – драхманы делают ему небольшую косметическую операцию, подгоняя ушные раковины под стандарт “homo sapiens”. Однако пластическая хирургия не достигла у них высокого уровня, поэтому следы этой операции всегда остаются. Для женщин, которые озабочены безупречностью своей

внешности, это составляет проблему. Госпожа Хит нашла её решение, используя большие украшения для ушей, маскирующие следы от давней операции, а верхнюю часть своих подрезанных ушек скрывая под причёской.

– И этим были вызваны ваши вопросы о серьгах, – вспомнил я соответствующий эпизод нашего предыдущего разговора. – Значит, это обстоятельство вам было известно уже тогда. Что же нового вы узнали за эти несколько суток?

– Я навёл справки о том, как происходит возвращение в семью выжившего “дикарёныша” или “дичка” – так называют своих подкидышей драхманы, – охотно отвечал мой гость. – И это – весьма любопытная процедура. Как вы помните, никакой информации о своём происхождении у “дикарёныша” нет, есть только смутные подозрения, вызванные своей непохожестью на окружающих. Однако к совершеннолетию у подкидыша развивается инстинктивное умение связываться с драконом и призывать его. С того момента, как драхман издаст свой первый “драконий свист” он и считается совершеннолетним.

– “Драконий свист”? – переспросил я.

– Именно, – подтвердил мой собеседник. – Описать его трудно, но, как говорят выжившие свидетели, позабыть нельзя. Это – не просто звук, это вибрация происходит и на энергетическом уровне. И чтобы издать эту вибрацию драхману нужно много энергии. Найти способ собрать потребное количество энергии – одна из задач подросткового дичка.

Скажите, чем отличилась госпожа Хит за время её пребывания на борту “Сан-Элизарио”?

– Главным образом – своим флиртом абсолютно со всеми встреченными ею мужчинами, – без раздумий ответил я. – И даже с

некоторыми дамами, которые показались ей подходящими

для этого.

– Внимание окружающих – мощный источник энергии, поэтому юные драхманы любят использовать этот ресурс для подзарядки, – прокомментировал Хигрум и задал следующий вопрос. – Но в сексуальных контактах госпожа Хит не замечена?

– Не замечена, – подтвердил я это предположение. – Все попытки местных донжуанов склонить её к интиму провалились. Этому все удивляются.

– Ничего удивительного в этом нет, ибо секс для женщины чреват потерей энергии. И допустить такие потери неоперившаяся драхманесса позволить себе не может, – авторитетно заявил мой собеседник. – Идём дальше. Много энергии, пусть низкой и грубой, но, тем не менее, пригодной к накоплению, излучается людьми, пребывающими в гневе, страхе или сожалении. Может быть, ваша новая знакомая замечена в разжигании ссор, запугивании или пристрастии к изъяснению многочисленных жалоб?

– Не могу сказать вам на этот счёт ничего определённого, – признался я. – У меня пока слишком мало информации. Но это поправимо, любителей почесать язык здесь хватает. Все подробности взаимоотношений госпожи Хит с окружающими людьми служат темой для пересудов местных сплетников.

Хигрум понимающе улыбнулся, и через несколько секунд промолвил в некоторой задумчивости:

– Разновидностей энергии в распоряжении человека несколько, но использует он, как правило, весьма небольшой и ограниченный диапазон – то, что сумел освоить и к чему привык. Однако наша драхманесса – явление исключительное и способна на нестандартные действия; быть может, ей удалось превзойти средний уровень и научиться взаимодействовать с более высокими и тонкими вибрациями, которые хоть доступны для человека, но пока не освоены массовыми людьми. В распоряжении госпожи Хит было достаточно времени, чтобы учиться.

– Правда? Вы хотите сказать, что она старше, чем выглядит? – поинтересовался я.

– Драхман достигает совершеннолетия между 100 и 120 годами, – немногословно пояснил мой гость.

– Это – ещё одна из отличительных черт драхманов? – спросил я, воздерживаясь от выражений удивления, чтобы не испортить стиль общения, предложенный Хигрумом. Получив кивок в знак согласия, я сказал:

– Непростая у них задача. Надо не только выжить, но и успешно скрыть все свои отличия, затеряться в толпе. Жук в муравейнике.

– Им помогают некоторые врождённые свойства, присущие представителям их расы, – заметил Хигрум. – Но, несмотря на это, их миссию нельзя назвать лёгкой, с какой бы стороны на это не смотреть.

Он посмотрел на меня и добавил:

– Вам наверняка придётся встречаться с госпожой Хит, разговаривать, и, быть может, неоднократно. Не проговоритесь, не показывайте, что вам о ней известно больше, чем другим. Это неразумно.

– Вы правы, – откликнулся я. – Поскольку я привык контролировать свои слова и поступки, мне будет нетрудно проявить сдержанность в общении с нею.

– Как посмотреть, – выразил сомнение мой гость. – Госпожа Хит – не обычный человек, с

которыми вы имеете дело ежедневно.

Удвойте осторожность и при встрече с нею будьте готовы к любым неожиданностям.

– Хорошо, – не стал спорить я, хотя не испытывал никаких опасений. – Что-нибудь ещё? Хигрум вновь начал прохаживаться по каюте, ступая совершенно бесшумно, как кошка.

– Удалось ли вам уладить проблему с капитаном? – произнёс он нейтральным тоном, как бы между прочим.

– Его любопытство удовлетворено теми фрагментами рассказа, которые я ему даю, – сказал я с умеренным оптимизмом. – Первый из них он успел прочесть, на днях я отдал ему второй – тот, с которым вы ознакомились сегодня. Возможно, когда он дочитает рассказ, его внимание переключится на более интересные объекты, чем мои литературные труды и моя личность. Похоже, он увлётся нашим новым специалистом по связи; есть надежда, что это отвлечёт его от попыток излечить меня от каких-то воображаемых душевных недугов.

– Капитан холост?

– Вдовец.

– Так-так, – раздумывая о чём-то, произнёс Хигрум, и вдруг предложил мне:

– Упомяните при следующей встрече с ним о белом драконе.

– О белом драконе? – с недоумением переспросил я.

– Совершенно верно, – подтвердил мой гость и снова улыбнулся. – Найдите повод, чтобы вернуть в разговор словосочетание “белый дракон”, и посмотрите на его реакцию. Считайте это психологическим экспериментом.

– Вы задаёте мне своеобразные задачки, – констатировал я, почёсывая затылок. – Можно полюбопытствовать, зачем мне это делать?

– Полюбопытствовать-то можно, но обоснованного ответа вы не получите – его у меня нет, – честно признался мой необычный собеседник. – Интуиция говорит мне, что образ белого дракона много значит для Отто Краузе. Однако подробности можно узнать только от него самого.

– Хорошо, будь по-вашему, – согласился я с гостем. – Почему бы нет? Только вот повод помогите придумать. Ваше присутствие благотворно действует на мой мыслительно-творческий аппарат, в разговорах с вами меня посещает больше свежих идей, чем обычно.

– Спасибо на добром слове, – улыбаясь, поблагодарил меня собеседник и спросил:

– Каких тем вы касаетесь в ваших беседах с капитаном?

– В том-то и проблема, что все они вертятся вокруг вещей обыденных, – размышлял я вслух. – Надо найти способ хотя бы ненадолго выйти за рамки рутинно-бытовой конкретики...

– Поговорите о вашем рассказе, – посоветовал Хигрум. – Спросите его мнение о сне прапорщика. Если он мнит себя психиатром, то не сможет удержаться от комментариев; со времён Фрейда сны – это материал для психоанализа.

– И после этого можно будет перевести разговор на описание своего собственного сна, якобы, приснившегося накануне, – поддержал я этот план: предусмотренные в нём действия выглядели столь же естественно-спонтанными, сколь и лёгкими в реализации. – Используя эту уловку, можно будет вернуть в беседу упоминание и о белом драконе, и о чём угодно.

– Вы можете сочинить небольшую историю об этом, и поддержать в глазах капитанов свою репутацию литератора, – выдал очередное предложение генератор идей, включившийся в уме Хигрума.

– Лучше, если это будут стихи, – внёс я свои коррективы. – Вполне обычное дело для сочинителя: увидеть сон и написать о нём стихотворение.

– Хотите сказать, что для вас это несложно – взять, и между делом написать стихи? – усомнился мой гость, и я, слегка бравируя, заявил:

– Не труднее, чем разгадать кроссворд. Записывайте рецепт:

КАК НАПИСАТЬ СТИХОТВОРЕНИЕ

Первое, что необходимо для изготовления поэтического текста – это образ, который будет либо центральным, либо начальным.

Этот образ должен задевать некие внутренние струны и порождать эмоции, что и движет всю работу. Если нет душевного отклика на центральный или начальный образ, то что-то путное вряд ли получится.

В нашем случае этот образ – белый дракон; для нашей задачи он подходит, ибо порождает более чем многочисленные ассоциации. Белый цвет может означать и чистоту идущей под венец девушки, и мужской принцип Ян в даосизме; белизна символизирует, с одной стороны, чистоту, готовую к рождению нового – как у белого листа бумаги, или чистого холста, а с другой, может означать траур по закончившему свой земной путь покойнику, как бывает на Востоке. Складывая два этих слова – “белый” и “дракон” – мы получаем весьма емкий символ. Думаю, что в нашем случае следует поместить это словосочетание в конце стихотворения. Неизвестно, положительные эмоции он вызовет у Отто Краузе, или отрицательные. Если этот образ будет расположен в последних строках, то можно будет проследить разницу между

реакциями капитана на стихотворение в целом и на завершающее его словосочетание "белый дракон".

Далее, нужно подобрать рифмы и размер. "Белый дракон" – этого достаточно для строки; чем она длинней, тем труднее слушателю следить за смыслом стихотворения, поэтому короткие строчки в большинстве случаев предпочтительнее. Слово "сон" напрямую связан с нашим замыслом и превосходно подходит к опорному словосочетанию; остановимся на этом варианте. Далее подбираем глаголы: что может происходить со сном и с драконом? Первый – снится, второй – летает, причём в небе. Вот и получилось уже три строки, первую пока обозначим просто слогами:

Та-та та-та
Снится мне сон
В небе летит
Белый дракон

При наличии свободного времени можно было бы подобрать подходящее по рифме словосочетание к строчке "в небе летит", но в данном случае мы пойдём по короткому пути и удовлетворимся простейшим решением. Что подходит к строке "снился мне сон" по смыслу? Определение времени суток, то есть слово "ночью". Что подходит к слову "ночью"? Определение "глухой". Это – штамп, который устоялся в поэзии, и поэтому он будет выглядеть естественно в любом стихотворении. Таким образом, последняя строфа готова:

Ночью глухой
Снится мне сон
В небе летит
Белый дракон

Первые две строки превосходно подходят для начала стихотворения, и мы этим воспользуемся. Первое четверостишие будет начинаться с тех же строк, что и последнее, но закончить мы его должны иначе. Ищем рифму к слову "сон", соответствующую общему настроению стиха, которое уже стало достаточно ощутимым. Неплохо подходит слово "небосклон", поэтический аналог слова "небо", которое уже есть в последней строфе; но эти смысловые повторы в поэзии скорее желательны, ибо усиливают впечатление. Слово "небосклон" состоит из трёх слогов, к нему нужно подобрать коротенькое сопутствующее словечко из одного слога, например "весь". Посмотрим, что у нас получается:

Ночью глухой
Снится мне сон
Та-та та-та
Весь небосклон

Таким образом, само собой намечается некое описание явления природы. Представьте себе небосклон, по которому вот-вот пролетит белый дракон, существо магическое и, весьма вероятно, имеющее яркую сияющую ауру. В результате, появляется строка "светом залит", и происходит это, заметьте, без каких-либо особых усилий, само собой. Итак, первое четверостишие выглядит так:

Ночью глухой
Снится мне сон
Светом залит
Весь небосклон

Полдела сделано, осталось только придумать центральную часть стихотворения, предваряющую выход белого дракона. С одной стороны, она должна подготовить драматический контекст для этого финального события, с другой – иметь и собственную эстетическую ценность, включать в себя элемент действия. Исходя из этого, продолжим описание. Представим себе залитый светом небосклон. Что ещё может привлечь в нём внимание наблюдателя? Облака и птицы. Это – декорации и статисты, заполняющие пространство сцены, то самое окружение, которое, как известно, делает короля. Самая простая смысловая связка в данном случае – размещение птиц-статистов в пространстве, обозначенном облаками:

Меж облаков
Птицы кружат

Причём "кружат" – наилучший выбор глагола, поскольку кружение означает и действие, и

пребывание на одном месте, и активность, и ожидание одновременно. Продолжим театральную концепцию; теперь нам необходимо звуковое сопровождение. Поскольку птицы далеко – меж облаков – их крики до предполагаемых зрителей вряд ли донесутся; но с задачей музыкально-шумового оформления нашей постановки прекрасно справится невидимый, но хорошо слышимый участник сценического действия – ветер. Так, как требуется рифма к слову “кружат”, то придётся прибегнуть к множественному числу; первый глагол, который приходит на ум при этом раскладе – “звучат”. Звучать могут и трубы и песни, однако выражение “трубы ветров” несколько архаично, поэтому остановимся на словосочетании “песни ветров”. Чтобы придать строфе законченный вид осталось только подобрать определение из двух слогов к слову “звучат”. Нам требуется атмосфера торжественности и напряжённого ожидания, поэтому наилучшим вариантом будет, по-видимому, слово “грозно”. Таким образом, второе четверостишие выглядит так:

Меж облаков
Птицы кружат
Песни ветров
Грозно звучат

Используя этот метод пошагового построения по смыслу и по рифме можно создавать весьма объёмистые описания, но нам сейчас это не требуется. Наоборот, не стоит переутомлять слушателя количеством слов, чтобы его внимание не притупилось. Поэтому лучше будет ограничиться тремя четверостишиями; а для того, чтобы стихотворение обрело стройность, придётся немного изменить первоначальный план: убрать в третьем четверостишии первые две строчки и придумать вместо них что-либо, более соответствующее общему настроению и сложившимся в поэзии представлениям о красоте.

Исходя из этого, ещё раз подберём рифмы к слову “дракон”. Для разнообразия воспользуемся не существительным, а словом “озарён”, или “окружён”; они позволят эффектнее подать выход главного героя. Чем может быть озарён или окружён наш белый красавчик? Яркими искрами, составляющими его ауру. Представьте это – дракон летит, а вокруг него как живые вращаются блестящие точки. Можно выразить это так:

Роем сверкающих
Искр окружён

Правда, при этом нарушится размер, но не настолько, чтобы это резало слух. Слово “озарён” придётся отбросить потому, что в паре со словом “искр” оно слышится как “разорён”, а такой негативный смысл нам совершенно ни к чему.

В итоге окончательный вариант выглядит так:

Ночью глухой
Снится мне сон
Светом залит
Весь небосклон
Меж облаков
Птицы кружат
Песни ветров
Грозно звучат
Роем сверкающих
Искр окружён
В небе летит
Белый дракон

Не “Илиада”, но для осуществления нашего плана вполне подойдёт.

– В вашем изложении это выглядит как игра с пазл-головоломкой, – посмеиваясь, заметил Хигрум.

– Искусство и Игра перетекают друг в друга столь естественно и незаметно, что любому непредвзятому наблюдателю ясно – природа у них одна, – произнёс я, делая жест фокусника, завершившего эффектный трюк. Мой гость бесшумно поаплодировал, и я с широкой улыбкой церемонно поклонился воображаемой публике. Затем взял новый лист бумаги и переписал свежесочинённое стихотворение начисто, выбросив черновик в корзину. Хигрум подошёл к столу и, взглянув на текст, заметил:

– Какое царственное пренебрежение знаками препинания! Чем это вызвано?

– Поэзия родилась как устное творчество, а в устной речи нет точек и запятых, – ответил я с уверенностью человека, готового к подобному вопросу. – Письменная поэзия – это вторичная и поздняя версия стихотворного искусства, цивилизованная и образованная дочь своей малограмотной, но наделённой огромной магической силой матери. Сравните своё впечатление от стихотворения прочитанного и услышанного, и вы поймёте, о какой разнице

идёт речь. Познание словесности как искусства оказывается весьма неполным, если не касаться корней, а корни в данном случае – живая разговорная речь, общение без посредничества бумаги и письменных принадлежностей. И законы такого общения не всегда совпадают с законами литературной композиции. К примеру, ознакомившись в своё время с Евангелиями, я был удивлён их структурной разнородностью и отрывочностью, которую можно определить как мозаичность, или лоскутность: отрывок одного жанра и настроения сменяется другим, хроника путешествия сменяется рассуждениями, притчи – диалогами, описания чудес – бытовыми сценами, и т.д. Только намного позже мне удалось понять, что авторы Евангелий были не писателями, а рассказчиками, и весьма опытными.

Рассказывание подразумевает слушателей, их присутствие – это непереносимое условие. А неподготовленные слушатели не в состоянии долго концентрироваться на чём-то одном, особенно на непривычных и новых темах; им – слушателям – нужна динамика и частые перемены темы, перескоки внимания; такова природа человеческого восприятия, что сейчас, что две тысячи лет назад. Массовый человек не станет тратить времени и выслушивать то, что вызывает у него скуку, утомляет и навеивает сон.

Поэтому опытный рассказчик-лектор меняет направление своего повествования тогда, когда чувствует, что интерес аудитории иссякает. У меня была возможность сравнить книгу одного автора и его же цикл лекций, которые многократно читались публике; разница была бесспорной. Книга воспринималась с трудом, а лекции я прочёл на одном дыхании. Исходя из этого, в своих последних стихотворных опытах я избегаю усложнённости. В частности, стараюсь писать так, чтобы и без знаков препинания всё было ясно. У вас же не возникло проблем с пониманием?

– Нет, – подтвердил Хигрум. – Просто несоблюдение норм обращает на себя внимание, и только.

– Несоблюдение норм – это чрезвычайно эффективный приём, – сказал я с подъёмом, радуясь возможности поделиться своими находками. – Зачем он нужен в литературе, спросите вы?

Дело в том, что письменная поэзия в наше время стала жертвой всеобщей привычки к быстрому, бессознательному и автоматическому чтению. Мы читаем стихи так же, как уличные вывески и заметки в газете, то есть, мельком пробегаем, не погружаясь в смысл. Эта поверхностность превращает стихотворение в нечто столь же незначительное и пустое, как реклама или товарная этикетка. Чтобы ощутить истинный вкус стихотворения, нужно услышать его в исполнении мастера; но если такой возможности нет, если поэтический текст доступен только в письменной форме, то читать его нужно МЕДЛЕННО, с расстановкой, останавливаясь на всех деталях. Массовый человек не знает этого, его приоритеты находятся совсем в других областях; но, используя некоторые формальные приёмы, можно изменить его восприятие, и тогда он прочтёт стихотворение примерно так же, как читали поэтические произведения наши далёкие предшественники.

Чтобы добиться этого, надо отойти от норм и изменить оформление текста. Сделать это необходимо так, чтобы при сохранении смысла затруднить процесс распознавания букв и слов. Надо не только убрать знаки препинания, не только отказаться от выделения начальных букв, как это делал, например, Эдвард Эстлин Каммингс; ощутимый результат появляется лишь тогда, когда приходится изменять мышечные рефлексы чтения. Для этого можно расположить строчки по вертикали. Вот пример такого варианта оформления.

С этими словами я взял бумагу и изобразил на ней следующее:

д.з.в.в.ш.л.в.з.б.б.д.з
о.а.е.е.е.и...в.р.о.о.а
...т.р.л.с.н.ё.о.с....
у.о.е.т.е.т.е.з.д.и.у.о
т.к.р.и.с.ь.б.д.и.к.т.к
р.н...т.т.е.о...т.о.р.н
а.о.т...и.в...у...м.а.о
..м.р.к.т...в.з.м.....м
...а.о...х.ш.о.р.....
...в.м...о.и.р.а.....
.....р.т...к.....

– Любопытное ощущение, – заметил Хигрум, ознакомившись с текстом. – Будто вернулся в детство и с трудом разбираешь буквы и слова.

– Можно гарантировать, что тот, кто решится прочесть такие стихи, сделает это медленно, – констатировал я, и немного поразмыслив, добавил:

– За исключением китайцев-полиглотов.

Мой гость понмающе улыбнулся, после чего распрощался, поблагодарив за столь продолжительную и содержательную беседу, и удалился с шуткой “не надо меня провожать”, пройдя сквозь стену в направлении открытого моря.

Вигилия 6

"В один из последующих дней прапорщик Ус зашёл на кухню и стал невольным свидетелем зрелища, явившегося для него полной неожиданностью – Лидочка Чарныш с ругательствами насакивала на Рината и наносила ему размашистые удары своими маленькими нежными ручками.

– Урод вонючий! Козлячья твоя морда татарская! – голосила повариха, не стесняясь в выборе выражений. Шлепки от её ладошек отчётливо разносились в помещении, эхом отражаясь от стен и потолка. Турсунов с сосредоточенным выражением закрывал лицо руками, подставляя под удары плечи, увёртывался и уклонялся, как мог. В окошке для раздачи маячила испуганная физиономия дежурного солдатика. Некоторое время прапорщик Ус оторопело взирал на всё это, пока в нём не проснулись командирские рефлексы.

– Отставить неуставные действия! – рявкнул он с такой силой, что все замерли, повернувшись к нему. Затем Лидочка, как ни в чём ни бывало, проследовала к стульчику, на котором лежала её сумочка, взяла её в руки, присела, достала зеркальце и начала приводить в порядок свою слегка растрёпанную внешность, не выказывая при этом ни малейших признаков волнения, смущения или раздражения. Ринат вернулся к исполнению своих поварских обязанностей, и в его действиях не было даже намёка на то, что перенесённые несколько секунд назад оскорбления словами и действиями хоть как-то отразились на его душевном состоянии; он принялся готовить, напевая и приплясывая со своей обычной жизнерадостностью, голос его не дрожал, в глазах не сверкало ни злости, ни обиды, лишь обычное для этого парня добродушие отражалось в них. Казалось, и Лидочка, и Турсунов оторвались от дружеской беседы; только длинная царापина, пересекающая лицо повара, свидетельствовала об инциденте.

– Что случилось? – негромко спросил Дима у Лидочки, убедившись в том, что никто не собирается возобновлять военные действия. – Неужели Ринат тебя обидел?

– Нет, дело не в этом, – ответила та с олимпийским спокойствием. Прапорщик заметил, что её внимательный взгляд устремлён не столько в зеркальце, сколько на Турсунова. Она перешла на шёпот. – Я обязательно всё расскажу, обещаю. Но не сейчас, ладно? Возможно, Ринат и сам понял, в чём тут смысл. Если он так хорош, как ты описывал, то для него это нетрудно. Спросишь его потом, когда я уйду.

Дима в ответ только пожал плечами и развёл руки в стороны. Что за тайны мадридского двора? Опасаясь новой стычки, он не уходил из кухни; Лидочка ещё некоторое время прихорашивалась, бросая на повара испытующие взгляды. Наконец она встала и подошла к Турсунову, коснулась его плеча. Тот обернулся, посмотрел с любопытством, без опасения, обиды, или гнева; Дима внутренне напрягся, ожидая возобновления конфликта, но Лида сказала своим обычным тоном:

– Я бы хотела ещё что-нибудь узнать о твоём семейном секрете. Сегодня вечером, в то же время, что и в прошлый раз. Это возможно?

– Конечно! – со своей широкой улыбкой ответил Ринат.

– Вы сможете появиться, товарищ прапорщик? – вопросительно посмотрела на Диму Лидочка.

– Я приду, – ответил тот, теряясь в догадках о причинах столь противоречивого поведения.

Женская непоследовательность всегда ставила его в тупик.

– Тогда до вечера, – сказала гостья и ушла.

– С чего это она так на тебя накинулась? Может, ты неудачно пошутил? Никогда ещё не видел её такой злой... – стал расспрашивать Дима Рината, когда дверь затворилась.

– Она совсем не злилась, когда нападала на меня, – возразил Турсунов. – Только изображала ярость. Это была просто проверка. Неужели ты не догадался?

Прапорщик отрицательно покачал головой и с недоумением посмотрел на Рината.

– Я много говорил об управлении своими эмоциями. С её стороны вполне естественно было удостовериться в том, обладаю ли я сам тем самоконтролем, о необходимости которого рассказывал. Тест был нехитрый, но эффективный. Нетренированный человек, вроде тебя, не смог бы удержаться от обиды, или гнева, или другой негативной реакции, окажись он на моём месте. Тогда стало бы ясно, что все мои красивые речи – фикция, и тратить на них время нет смысла. Решение продолжить занятия говорит о том, что я выдержал испытание.

– Ты и вправду не злишься на неё? – недоверчиво осведомился Дима. Ему никогда раньше не приходило в голову, что подобное самообладание возможно.

– Злюсь ли я? – с лёгким удивлением переспросил Ринат. – О чём ты говоришь? Я восхищаюсь ей, она великолепна. Не зря говорят, что в каждой женщине скрыта гениальная актриса. Её действия были тщательно продуманы и блистательно исполнены; ведь ты поверил в её ярость, не так ли? Любой неподготовленный человек увидел бы в происходящем только ссору. Эта проверка ещё раз подтверждает, что я не ошибся в ней. Не всякий бы решился провести эдакую разведку боем, даже всё продумав и просчитав, согласен?

Дима был простодушным российским прапорщиком, не слишком искушённым в такого рода играх, и подобный ход мыслей был ему в новинку. К рассуждениям на эту тему он

возвращался в продолжение всего дня, который пролетел на удивление быстро.

– Я хотела бы извиниться за безобразную сцену, которую устроила сегодня, – первым делом сказала Лидочка, появляясь в дверях кухни. – Но она была необходима. Власть над собой, о которой говорилось в прошлый раз, – очень трудная штука. Мне показалось, что она вообще невозможна. Я должна была убедить, и другого способа не нашла.

– Нет нужды извиняться – ведь я совсем не обиделся, – доброжелательно ответил Ринат. – Желание проверить действенность предлагаемого метода является вполне естественным. Но мне хотелось бы обратить ваше внимание вот на что. Если бы я не выдержал испытание, это не означало бы, что пропагандируемые мной идеи лживы и неэффективны; если бы нападение меня расстроило, это выявило бы только моё личное несовершенство, неподготовленность, и не более того. Чтобы доказать это, рассмотрим гипотетическую ситуацию. Допустим, один из медиков Европы той поры, когда там распространилось курение табака, вдруг почувствовал ухудшение здоровья после того, как пристрастился к трубке. Решив всесторонне исследовать последствия курения, он пришёл к однозначному выводу: табак – это яд. Однако когда сей любознательный учёный обнародовал результаты своих изысканий, его сограждане отреагировали следующим образом: ты сам куришь – значит, все твои слова о вреде табака – враньё. И действительно, врач не имел силы бросить, хотя знал о пагубности этого пристрастия. Правы ли были недоверчивые сограждане? Разумеется – нет. Разрушительное воздействие на организм табака – неоспоримый медицинский факт. Но распространитель этого знания был несовершенен, и не мог подтвердить его своими действиями, только и всего.

Выводы таковы. Во-первых, следует отделять идею от её носителя, ибо они не всегда соответствуют друг другу. Во-вторых, следует пропагандировать только то, что проверено на собственном опыте и может быть подтверждено личным примером. Ведь «люди верят тому, что видят» Это очень практичный подход, – тут Ринат улыбнулся, и добавил:

– Вы можете быть уверены в том, что всё, о чём я говорю, мною опробовано и освоено. Пожалуйста, присаживайтесь – будем учиться дальше. Расскажите о ваших трудностях поподробнее.

– Да что тут рассказывать! – печально вздохнула Лидочка. – Ничего не получается. Умом я понимаю – если настроение упало, то надо его как-то улучшить, но внутри всё ноет и не хочет меняться, хоть расшибись. И мысли тоскливые всё кружат и кружат в голове...

– Как испорченный компакт-диск, повторяющий один и тот же отрывок, – подхватил Ринат. – Наши мысли обычно движутся от одной темы к другой подобно поезду, следующему от станции к станции. Но иногда рельсы замыкаются в круг, выйти за пределы которого очень трудно. Или, скажем, поезд попадает в яму, из которой не в состоянии выбраться. Это «залипание» мысли – довольно частое явление у тех, кто живёт обычной бессознательной жизнью. То, что вы отслеживаете такие вещи – добрый знак, означающий, что практика самонаблюдения стала приносить свои плоды. И теперь вы начали понимать, насколько серьёзная перед вами стоит задача. Чтобы успешно её решить, вам понадобится выиграть схватку с очень серьёзным противником. Я расскажу о нём кое-что – чем лучше вы его будете знать, тем проще будет с ним справиться.

Этот противник – специфическое образование в человеческом сознании, традиционно именуемое «эго». Это сокращение, а полное название – ложное, или мнимое «эго», малое «эго», личное «эго» и т.п. Термин обязан своим появлением тому факту, что обычный человек не в состоянии отделить своё «я» от собственных мыслей, эмоций, ощущений, даже порой от тела. Такой человек говорит – «я разозлился», или «я расстроился». Эта малая версия «я», подверженная низким страстям, питающая их и дающее им среду обитания – и есть то «эго», о котором идёт речь. По сути, каждый из нас на определённом этапе жизни сам возвращает своё «эго», а потом отдаёт ему полную власть, словно монарху, возведённому на престол. И до поры «эго» нам верно служит, регулируя эмоциональную жизнь согласно усвоенным нормативам. Но сознание человека развивается, и когда это развитие вступает в определённую фазу, «эго» перестаёт отвечать интересам человека; тогда власть ЭГО должна быть уничтожена. – Ринат сделал решительное движение рукой, будто отсекая что-то. – Надо низложить этого монарха и отправить его в ссылку.

– Ты предлагаешь создать внутреннюю оппозиционную партию и организовать в самом себе революцию? – пошутила Лидочка. Турсунов сверкнул улыбкой:

– Что-то вроде того. И поскольку личную революцию в собственном сознании я успешно осуществил, предлагаю вам воспользоваться той идеологической революционной платформой, которая сослужила мне добрую службу.

Во-первых, «эго» базируется на трёх мощных программах: страх, чувство собственной важности (далее ЧСВ), а также жалость к себе.

– Я не чувствую себя таким уж важным, – вставил свою реплику Дима. – Да и страх испытываю редко.

– Если чувство собственной важности – это плохо, то, выходит, чувство собственной неважности – хорошо? Я другого мнения, – высказалась и Лидочка.

– Не спешите с выводами, друзья мои. – Ринат поднял руки как бы спеша успокоить

завязавшийся спор. – Если вы позволите, я объясню, что имел в виду. Чувство собственной важности, или значимости – это тот механизм, который заставляет нас эмоционально реагировать на действия или слова своих собратьев по биологическому виду. Если эти действия или слова поднимают наш воображаемый общественный статус, то реакция положительная, если унижают – отрицательная. Таким образом, чувство собственной важности и чувство собственной неважности суть одно и то же, но с разными знаками. Однако ЧСВ имеет склонность неумеренно разрастаться, и в своём гипертрофированном виде заставляет реагировать не только на поступки людей, но и на остальные явления – перемену погоды, поведение животных, работу машин, устройств и т.п. Именно ЧСВ превращает людей в иерархические существа, в жертв и тиранов, озабоченных своим положением в стае. Говоря кратко, ЧСВ – это социальный рефлекс, толкающий нас на автоматические эмоции и на не менее автоматические действия. Дезактивируйте ЧСВ – и слово “свобода” перестанет быть для вас абстракцией, выдумкой мечтателей. Свобода выбора эмоций и переживаний – это нечто настолько редкое, что кажется мифом. И когда в результате определённых практик эта свобода приходит, то поначалу кажется, что жизнь превратилась чудеснейшую из сказок. Что же касается страха, который якобы проявляется редко, то он присутствует в жизни любого обычного человека, но присутствие это скрытое, незамечаемое. Задайтесь целью проанализировать все свои поступки, и тогда страх выступит из тени, в которой обычно прячется. Вы пришли сюда потому, что боитесь упустить нечто важное. Вы смотрите в зеркало потому, что боитесь плохо выглядеть. Вы спешите на работу потому, что боитесь опоздать; вы тщательно запираете двери квартиры потому, что боитесь ограбления. Продолжите этот список самостоятельно, и вы удивитесь, как много в нём окажется пунктов. Вся ваша жизнь пронизана страхом как невидимой паутиной, на которую вы привыкли не обращать внимания. Есть одно грустное правило, о котором не стоит забывать. Звучит оно так: пока живут в грязи, её не замечают. Чтобы обратить внимание на тёмные стороны, необходимо иметь представление о светлых. Вы живёте в состоянии тотального страха, большая часть вашей жизни срежиссирована страхом, но он незаметен для вас именно в силу своей привычности и рутинности. А вот когда состояние бесстрашия станет для вас нормой, тогда любые, даже скрытые проявления страха, будут легко распознаваться вами, словно чёрные пятна на белом листе.

Турсунов помолчал, внимательно оглядывая слушателей. Их задумчивость произвела на него хорошее впечатление, и он решил продолжить.

– О жалости к себе подумайте на досуге, а на следующей встрече обменяемся мнениями. Сейчас же я бы хотел обратить ваше внимание на следующее: страх, ЧСВ и жалость к себе – это не просто программы в нашем сознании, это – рефлекс. Причём, на наше счастье, рефлекс не врождённый, а условный. Следовательно, их можно изменить, или дезактивировать. Это и есть второй пункт той идеологической платформы, придерживаясь которой вы получаете шанс покончить с диктатором собственного “эго”.

Третий пункт таков. Установка программ нашего сознания происходит методом повторения (не зря говорится, что повторение – мать учения). Дезактивация рефлексов происходит точно таким же образом. Место привычных эмоциональных переживаний должны занять новые, более эффективные. Если вам по душе невозмутимость – культивируйте невозмутимость. Если вам нравится смех, культивируйте смех. Смех – отличная реакция, но окончательный выбор – за вами.

Хотите узнать, в чём преимущества смеха? – Ринат с вопросительной улыбкой посмотрел на Диму и Лидочку. Получив их кивки в знак согласия, он немного подумал, а затем продолжил рассказ, неторопливо прохаживаясь от одной стены к другой:

– Один из известных мастеров высказывался так – смех нравится моему телу. Это правда – смех благотворно воздействует на здоровье и повышает общий энергетический тонус. Этого уже достаточно, но есть и другие аргументы в пользу смеха. Невозмутимость – это отсутствие эмоции, а в некоторых ситуациях человеку просто необходимо как-то реагировать, или, точнее, демонстрировать окружающим свою способность откликаться на события, чтобы не выглядеть бесчувственным. В свою очередь, гнев, страх и жалость к себе не приемлемы по вполне очевидной причине – эти эмоции разрушительны. Еще в древности люди заметили – страсти делают наш сосуд жизни (то есть, тело) хрупким. Или, как сейчас говорят, все болезни от нервов. Тем не менее, существуют и те, кто защищает гнев, страх и самосожаление, считая их необходимыми по той или иной причине. Однако вряд ли все эти люди сознают, что их устами говорит “эго”, которое, как вы знаете, не заинтересовано в каких-то переменах.

Напротив, цель “эго” – любыми способами сохранить существующее статус-кво, дабы удерживать свою власть. Но вернемся к теме.

Смех, а если брать шире – юмор, обладает фантастической силой очищения.

Противопоставьте его страху, гневу и самосожалению, и все три головы дракона будут сокрушены. Смех, словно огонь, уничтожает всё низменное, тёмное, всё, что гнетёт и тревожит человека от рождения и до могилы. Ищите смешное в том, что кажется возмутительным, страшным или грустным, и все эти иллюзорные тени растут, как ночной

туман в лучах рассветного солнца. Этот метод при должном применении творит настоящие чудеса. Но соблюдайте МЕРУ, чтобы вместе с хламом не уничтожить то, что нам необходимо; сжигая мусор, не спалите жилище.

К слову, МЕРА – это то, что имеет особое значение в нашей жизни. Чувство меры, если уж мы затронули эту тему, играет особую роль. Его нужно воспитывать в себе с той же тщательностью, с какой садовод возвращает редкое и ценное растение. Иногда чувство МЕРЫ – это единственное, что может спасти человека от роковой ошибки. Почему говорят: “благими намерениями вымощена дорога в ад”? Потому, что даже самые красивые и правильные идеи могут привести к разрушительным последствиям, если при их воплощении превышена необходимая МЕРА. Окиньте взором великие революции прошлого. Какие высокие идеи декларировали их зачинатели, и какие ужасающие злодеяния стали итогом этих прекрасных идей! С другой стороны, вещи, которые представляются губительными, могут привести к благоприятным результатам – если выдержана необходимая МЕРА.

Например, яды – такие, как пчелиный или змеиный – это не только средства уничтожения, но и лекарственные средства; всё зависит от дозы. Ядовитый мухомор – источник сырья для ценнейшего лекарства, а голод, которого все так панически боятся, оказывает мощнейшее очистительное и целительное воздействие на организм, если применять его в нужной МЕРЕ. Сложность той игры, которая называется жизнью, в том и состоит, что в ней нет ничего однозначного. Нет однозначно полезных вещей, и нет однозначно вредных, нет однозначно плохого, и нет однозначно хорошего, нет абсолютного зла, и нет абсолютного добра. Всё зыбко и неустойчиво в этом мире, и пребывание в нём подобно балансированию на канате в тумане неопределённости.

На что можно положиться в обстоятельствах, когда остальные критерии оказываются бессильными? На присущее нам чувство МЕРЫ, оно же – знание и понимание гармонии, на ощущение достаточности, адекватности и пропорциональности.

Исходя из этого, я призываю вас не превращать юмор в пустое зубоскальство; применяйте это средство дозированно и в нужное время, и тогда власть “эго” начнёт таять, а влияние истинного “я” – усиливаться.

Ринат подержал паузу, улыбнулся и произнёс, разводя руки:

– Время нашего разговора истекает; и хотя есть ещё кое-что, о чём бы стоило сказать сегодня, но придётся завершить, поскольку вам нужно успеть на последний рейс автобуса.

– О моих транспортных проблемах беспокоиться не стоит! Я позвоню, и через 10-15 минут за мной приедут, – сказала Лидочка, просматривая конспект, который она писала сегодня. – Можно будет и Диму до дома подвезти.

– Нет-нет, я сегодня заночую в части, – отказался прапорщик с признательностью. – В моей каптёрке достаточно удобно, чтобы отдохнуть и выспаться. Мне завтра надо многое сделать, и я не хочу тратить время на дорогу.

– Ну, как хотите. Так о чём, Ринат, ты собирался рассказать ещё?

– В том “манифесте партии Антиэго”, о котором я говорил, есть и четвёртый пункт, – Турсунов усмехнулся. – Четыре пункта – это хорошая традиция для концепции самосовершенствования. Этот четвёртый пункт – чисто практический. Он основан на факте, о котором писал ещё Иван Михайлович Сеченов: “между действительным впечатлением с его последствиями и воспоминаниями об этом впечатлении со стороны процесса, в сущности, нет ни малейшей разницы”. То есть, для сознания неважно на что реагировать – на происходящие события, или на воспоминания.

Почему это важно? Дело в том, что и программирование, и перепрограммирование – процесс длительный, а срок нашей жизни – весьма ограничен. Потратив десятилетия на первичное программирование, человек, стремящийся к развитию, приходит к перспективе потратить ещё большее время на изменение своего устаревшего программного обеспечения – ведь придётся не только приобретать новые рефлексы, но и убирать старые, то есть, прикладывать дополнительные усилия. Нет ничего удивительного в том, что люди в подобном положении ищут способы хоть немного сократить сроки этих долгосрочных процессов.

И такие способы есть. Мы можем изменить свои реакции форсированно.

Как идёт изменение программ сознания? В некий момент обыденной жизни спонтанно создаётся ситуация, которая требует эмоциональной реакции, скажем, вас толкнули, или обсчитали. “Эго” подталкивает вас к возмущению, но вы успели отследить этот позыв и изменили своё реагирование на что-то более позитивное. В результате “эго” ослабело, а в копилку вашего опыта добавился один балл.

Однако такие ситуации создаются не каждый день, и накопление естественного опыта идёт слишком медленно. К тому же, вовремя изменить свою реакцию удаётся далеко не всегда, что опять-таки замедляет процесс. Как тут поступить?

Выход прост – надо использовать свои воспоминания! Ведь для механизма реагирования нет разницы – имеет место реальная ситуация, или воспоминание о ней. Вместо того, чтобы ждать, когда возникнут подходящие ситуации, мы можем вспоминать их и без помех работать со своими рефлексами. Такая проработка воспоминаний – это, по сути, домашняя работа. И если она сделана добросовестно, то и реальные уроки жизни будут успешными.

Но и это ещё не всё! – с воодушевлением возвестил Ринат. – Помимо воспоминаний, в нашем распоряжении есть и такой могучий инструмент, как визуализация, или мысленное представление. И этот инструмент расширяет наши возможности к самоизменению почти до бесконечных пределов. Ведь представить можно всё, что угодно. И, следовательно, мы можем запрограммировать себя на всё, что мы посчитаем интересным или необходимым! Какая изумительная свобода самотворчества! И этой свободой обладает каждый. Ведь у всех нас есть дар мечтать, придумывать, воображать. Жаль, что вместо того, чтобы использовать эту сказочную возможность, большинство из нас растрчивает свою жизнь на какие-то малосущественные вещи.

Ринат немного помолчал, чтобы высказанные им идеи смогли проникнуть в сознание присутствующих. Затем продолжил, снова входя в роль лектора.

– Итак, вспомним и огласим все четыре пункта нашего манифеста освобождения сознания. Первое: страх, чувство собственной важности и жалость к себе образуют “эго”, которое диктует человеку примитивно-автоматический стиль поведения, именуемый соответственно “эгоистическим”.

Второе: страх, ЧСВ и жалость к себе являются условными рефлексам, приобретёнными в процессе жизни.

Третье: условные рефлексы и приобретаются, и убираются при помощи повторения определённых действий.

Четвёртое: для наработки необходимых рефлексов и дезактивации ненужных (то есть, для обретения самоконтроля) практик использует не только возникающие реальные ситуации, но и воспоминания, и визуализации.

К этому можно добавить, что на продвинутых стадиях практик использует также сны и сновидения, но вам задумываться об этом ещё рано. – улыбнулся Ринат. – Вопросы?

– Скажи, Ринат, сколько тебе на самом деле лет? – спросила Лидочка, хитро улыбаясь.

– Ровно столько, сколько нужно для того, чтобы чувствовать себя наилучшим образом! – весело ответил повар. Лидочка не стала допытываться, понимая, что время дорого, и сменила тему:

– И всё-таки, зачем эти песни и танцы во время готовки? Какое-то восточное колдовство или ритуал?

– Можно сказать и так. Но я попробую разъяснить это иначе, без мистического тумана.

Турсунов немного прошёлся взад-вперёд, собираясь с мыслями, затем произнёс задумчиво, тщательно подбирая слова:

– Музыка обладает волшебным свойством гармонизировать всё вокруг себя.

Сказав это, повар ненадолго примолк, давая время обдумать фразу. Затем продолжил:

– Это очень важно. Многие чувствуют это, однако не всегда могут объяснить. Но поскольку речь у нас идёт о таком ответственном деле как приготовление пищи, то нельзя допустить даже намёка на недосказанность. Попробую прояснить всё, что поддается прояснению.

В древней Индии слово “музыка” объединяло три занятия – исполнение, пение и танец. Все три действия влияют на окружающее пространство, причём одно усиливает другое.

“Вибрации мыслей, к которым добавлено произнесенное слово, удваиваются в силе; а вместе с физическим усилием их мощь утраивается” (Х. И. Хан. Мистицизм звука) Во время готовки я не имею возможности играть на инструменте, но могу петь и красиво двигаться. Не обязательно быть выдающимся вокалистом или профессиональным танцором, достаточно не фальшивить и следить за плавностью, изяществом и естественностью движений. Тогда излучаемая гармония мысли, звука и движения войдёт в пищу и наполнит её вашей силой.

Ринат умолк, внимательно посмотрел на своих задумавшихся слушателей и сказал:

– На сегодня достаточно. Вам есть о чём поразмышлять и над чем поработать. Не стесняйтесь петь и танцевать, эти действия для человека естественны. Только не надо делать этого напоказ, не стремитесь кому-то понравиться. Ваши первые опыты в искусстве танца должны проходить без свидетелей; отдайте инициативу вашему телу, пусть оно само выберет необходимые движения и подходящий ритм.

А теперь пришло время закончить наши беседы. Продолжим в следующий раз, когда вы будете готовы, – с улыбкой завершил свою речь Ринат.

Ни Диме, ни Лидочке не хотелось уходить, но приближалось время вечерней поверки, и дальнейший обмен мнениями пришлось отложить. Прапорщик Ус пошёл проводить Лидочку до остановки. Затем вернулся в казарму, зашёл в свою каптёрку и перед тем, как заснуть, сделал все приготовления для плана, осуществление которого он наметил на завтра”

– Интуиция не обманула вас, Хигрум! – без предисловий начал я разговор со своим гостем, когда в очередной раз обнаружил его в собственной каюте. – Между нашим капитаном и белыми драконами существует тесная и весьма загадочная связь.

– Расскажите об этом, – предложил мне гость, подняв руку в знак приветствия.

– Наш план блестяще осуществился, – приступил я к рассказу. – Отто Зигмунд Краузе не заставил себя упрашивать и высказал своё мнение по многим интересующим меня пунктам. Он заявил, между прочим, что никакая зелипатая бармель не может появиться в психическом

пространстве современного человека потому, что чему-то принципиально новому в нашем ограниченном и хорошо изученном мире места просто не осталось. Так называемое эзотерическое знание, по его мнению, фикция. Тогда я рассказал ему об одном мексиканском художнике, Октавио Окампо, который рисует картины с двойным или более значением; к примеру, зритель может воспринимать нарисованное либо как женское лицо, либо как вставших на дыбы коней.

"Представьте, что вы никогда не обучались различению коней и не знаете, что это такое, сказал я ему, в таком случае вы будете не в состоянии их разглядеть на картине; для вас их там просто не будет. И представьте, что умение распознавать коней доступно только небольшому кругу. Это и есть пример эзотерического знания; а неизвестные вам кони – это, так сказать, зелипатая бармель, то есть, нечто неведомое, но существующее, некий символ того, что находится в пределах воспринимаемого мира, но за пределами сознания. Должен сказать, что Краузе оказался человеком неплохо информированным, хоть и линейно мыслящим; думаю, что-то иногда доходит до него, несмотря на сопротивление «рационального» ума, то есть, "эго". Потом мне удалось перевести разговор на сны, и продекламировать стихотворение, которое наш немец выслушал с более чем умеренным интересом; но последняя строчка, в которой, как вы знаете, упоминалось о белом драконе, его явно взволновала. «Что вам известно об этом?» – спросил он с видом человека, подозревающего неладное. – «Вам что-то рассказывали?» Когда я стал уверять его в своей полной неосведомлённости, он какое-то время пристально глядел на меня, словно прикидывая что-то, и, наконец, решился. «Может быть, и скорее всего я поступаю не слишком разумно, – произнёс он задумчиво, словно обращаясь к себе. – Но я чувствую необходимость высказаться, и что-то говорит мне – вы не станете распускать сплетни, пользуясь моей откровенностью» После этого он открыл один из ящиков своего рабочего стола, достал несколько фотографий и начал передавать их мне по одной, одновременно рассказывая о связанных с ними событиях. На первом фото был запечатлён старинный герб, изображающий человека со щитом и занесённым копьём, стоящего с левой стороны; а с правой было нарисовано вставшее на задние лапы четвероногое со змеиной головой, широко раскрывшее усеянную зубами пасть с раздвоенным языком. Длинный извивающийся хвост существа увеличивал его змееподобность, а цвет этого явно мифического создания был белый. «Это – наш семейный герб, – прокомментировал капитан. – На нём изображён один из моих предков, который прославился тем, что вступил в схватку с белым драконом, наводившем ужас на его селение. В жестоком бою герой погиб, но и чудовище в этих краях больше не появлялось. Один из потомков драконоборца получил дворянство и увековечил семейную историю в этом гербе» Потом он показал фотографию из газеты – на снимке была видна бесформенная куча обломков, в которых можно было узнать фрагменты большой, стилизованной под детскую анимацию скульптуры дракончика, некогда стоящего на задних лапах, а ныне развалившегося на части, валявшиеся на земле. Когда я взял это фото в руки, Краузе приподнял левую штанину и продемонстрировал ножной протез. Это было для меня новостью; хромота немца была едва заметна, и я никогда не предполагал, что у него ампутирована нога. «Больше тридцати лет назад это было, – сообщил капитан бесстрастно. – Мне тогда исполнилось двенадцать. В парке аттракционов и развлечений произошло несчастие, которое никто не мог предвидеть, – от какого-то случайного толчка обрушилась железобетонная статуя дракона, высотой около пяти метров. Я оказался в том самом месте в то самое время, попал под удар и получил множество повреждений, от которых, впрочем, впоследствии оправился. Только ногу врачи спасти так и не смогли. Кстати, как раз накануне статую выкрасили в белый цвет» Я выразил своё сочувствие и удивление, но капитан, по-видимому, не слишком в них нуждался, ибо пропустил их мимо ушей и молча протянул мне следующую фотографию. На ней я увидел дымящиеся обломки небольшого самолёта, разбросанные по каменистому ущелью. «На этом самолёте были мои родители, – с прежним бесстрашием сказал Краузе. – Обычный туристический полёт в предгорьях Гималаев. Не выжил никто; причины катастрофы так и не были установлены. На местном наречии это ущелье называется "пасть белого дракона". Но это ещё не всё» С этими словами капитан протянул мне последний снимок, на котором было объётое бушующим огнём здание. На ярко освещённой пожаром вывеске, перед рядом букв неизвестного мне языка красовалось большое изображение белого дракона, выполненное в дальневосточном стиле. «Отель в одном из крупных городов Малайзии, – сжав зубы, проговорил немец. Бесстрашие давалось ему с трудом. – Там находилась моя жена, прилетевшая в командировку по делам своей фирмы. Пожар смогли погасить быстро, и жертв было немного, но она оказалась в их числе. Вполне возможно, что она погибла самой первой. Угадайте, как назывался этот отель?» «Неужели "Белый Дракон"?» – произнёс я с подобающим ситуации изумлением. «Именно так, – подтвердил капитан. – И вот что я хочу сказать по этому поводу» Он собрал фото, сложил их на прежнее место и, повернувшись ко мне лицом, произнёс следующее: «Я – современный человек, рационалист, и не верю во всякую потустороннюю чушь. Но я твёрдо уверен в одном – в нашем мире живёт Зло,

воплощающееся то так, то этак, меняющее обличья и формы с той же лёгкостью, с какой вы меняете выражение лица. И это Зло бросает мне вызов!»

Он взглянул на меня с суровостью тевтонского рыцаря, обнажающего свой верный меч на поле боя, и отчеканил: «Никто не упрекнёт Отто Краузе в трусости! Я принимаю этот вызов, я готов сразиться со Злом, как только оно предстанет передо мной во плоти! Оно атаковало меня и мою семью на суше, в огне и в воздухе; и теперь, посреди этого водного пространства, должна состояться наша последняя битва!» Это была весьма впечатляющая сцена, я чувствовал себя зрителем некой великой трагедии; однако, повинувшись внутреннему голосу, я решил на этот раз не ограничиваться ролью безмолвного свидетеля. Я предпринял попытку высказать свой взгляд на происходящее и изменить жёсткую predeterminedённость событий. «Ваша беда в том, что вы не осознаёте автоматичности собственных действий, – заявил я капитану. – В такой, как у вас, ситуации оказывалось множество людей; вспомним, к примеру, небезызвестного датского принца. Казалось, что перед ним – лишь один вариант поступков, диктуемый честью; казалось – только месть может быть его уделом. Но единственный достойный человека выбор – иной, не тот, который сделал он, или который готовы сделать вы. Хотите ознакомиться с ним?» Краузе молча кивнул, и я продолжил: «Ваше знание человеческой психологии должно было подсказать вам, что вступая в так называемую схватку со злом, вы идёте на поводу у животных инстинктов. И трусость, и ярость являются порождением примитивных рефлексов, доставшихся человеку от его предшественников и младших братьев. Но вы не обязаны следовать этим рефлексам, не обязаны поступать как животное, если высшая часть вашего “Я” противится этому. Вы можете – пусть и не сразу – взять управление вашими рефлексам под собственный контроль, ибо сказано: «Повторность изменяет лик вещей. Чертей смиряют или изгоняют» Вы можете действовать, руководствуясь разумом, а не примитивными эмоциями, которые не зря издавна сравнивались с демонами, бесами и нечистыми духами. Укротить эти эмоции – вот ваш истинный путь» «При чём тут мои эмоции? – проворчал капитан. – Я чувствую угрозу, а рефлекс не имеет значения» «Ошибаетесь, именно рефлекс заставляет вас ощущать угрозу и действовать автоматически, помимо разума, словно дрессированное животное или жёстко запрограммированный биоробот, – не отступал я. – Единственный, достойный человека выбор в данной ситуации заключается в том, чтобы изменить это положение вещей. И прежде всего вам нужно осознать – подлинный дракон скрывается не во внешнем мире, он внутри вас, он – часть вас, и вот с ним-то вам и нужно вступить в жестокую схватку» «Я подумаю над вашими словами» – проговорил немец таким тоном, что я понял – аудиенция окончена; распрощавшись с капитаном, я ушёл подышать морским воздухом. Но мысли, навеянные этим разговором, не улеглись, и донныне вертятся в моей голове.

– Что ж, капитан проявил непоследовательность, свойственную массовому человеку, – как бы между прочим прокомментировал Хигрум. – Отрицая неведомое, он, тем не менее, допускает существование некоего абстрактного Зла, обладающего свойством проявляться то так, то этак. Впрочем, ничего удивительного, под внешней “рациональностью” среднего человека всегда скрывается настоящий бедлам.

– Я не стал обращать на эту несообразность его внимание, чтобы не накалять ситуацию, – объяснил свою позицию я. – Мои ощущения подсказывали мне, что несмотря на показную сдержанность, немец был на грани взрыва.

– Беседа с капитаном была чрезвычайно интересна и многозначительна! – настроение моего гостя поднялось, улыбка вновь проступила на лице, глаза заискрились весельем. – Однако хочу предупредить, что в этой истории с белыми драконами нас, вероятно, ещё ждут сюрпризы. Так подсказывает мне интуиция.

Он бесшумно прошёлся по каюте, раздумывая над услышанным, и вдруг обернулся ко мне со следующими словами:

– Зная вашу порядочность, я не стану просить вас расспрашивать об этой истории окружающих – пассажиров, или команду, ибо сохранение чужой тайны для подлинно разумного человека – нечто само собой разумеющееся. Этичность и разумность всегда идут рука об руку. Однако обитатели корабля могут обладать какими-то сведениями по интересующему нас делу, и эти сведения могут нам пригодиться. Вот что я предлагаю. Для того, чтобы разговорить людей, вам не нужно выдавать секреты, достаточно и намёка. Например, вы можете сказать в разговоре с глазу на глаз – «наш капитан порой выглядит так, будто в его прошлом было что-то необычайное». Это не раскроет ничью тайну, но направит мысли собеседника в нужную сторону, и если он вспомнит что-то интересное, то вряд ли откажется от удовольствия продемонстрировать свою осведомлённость. Ну как, согласны?

– Полагаю, что смогу это сделать без риска быть загрызенным собственной совестью, – сказал я после быстрого, но тщательного обдумывания. – Но вообще-то, провоцировать сплетника на пересуды нехорошо ...

– Я не настаиваю; решите, как вам поступить, на месте, сообразуясь с собственными ощущениями, – отозвался Хигрум, видя мои сомнения. – Поговорим о другом. Тот фрагмент вашего рассказа, что я только что прочёл, заинтересовал меня более чем история капитана.

– В самом деле?

– В этом отрывке у вас содержится любопытная концепция “эго”; вы считаете, она необходима для вашей эволюционетики? – спросил мой гость с некоторым скепсисом в голосе.

– Эта концепция очень удобна, – ответил я, поразмыслив немного. – К ней прибегали весьма опытные мастера обучения, и польза её применения мне кажется очевидной. “Эго” заставляет человека везде искать противников, и это свойство надо обернуть против самого “эго”, подняв человека на битву с этим, пожалуй, сильнейшим из его врагов. А когда “эго” отдаст власть высшему “я”, то человек перестанет мыслить категориями выживания-соперничества и оставит в прошлом настроения битвы, вражды и уничтожения; причём сделает это он, скорее всего, самостоятельно, без внешнего давления, по ходу перестройки сознания. Так было со мной, почему бы этот приём не повторить и другим?

– В теории выглядит всё замечательно; но на деле переход к новому типу мышления редко бывает гладким, – заявил Хигрум. – Впрочем, этот процесс всегда был чреват осложнениями вне зависимости от того, применяете вы концепт “эго” или нет. Вопрос только в том, пойдут ли усовершенствования на пользу делу.

– Это покажет время. Практика – главный критерий истины, – сказал я.

– Несомненно. Мой интерес вызвало ещё кое-что. Ваше сравнение “эго” с монархом, которого надлежит свергнуть, наталкивает на весьма смелые аналогии, – продолжил свои рассуждения вслух мой собеседник. – Сопоставление законов развития человека и законов развития общества, которое вы здесь использовали, может завести очень далеко; вы уверены, что этот приём не приведёт к заблуждениям, или к каким-то искажениям? – в голосе собеседника проскользнуло несвойственная ему озабоченность. Я, не тратя времени, стал выкладывать ему соображения:

– И человек, и общество являются составными структурами. Общество состоит из людей, а человек состоит из клеток. Между прочим, современная наука подтверждает то, что йогам известно уже с глубокой древности – клетки обладают разумом; точнее, способностью к разумным действиям, как и массовый человек нашего времени. То, что законы развития человека и законы развития общества идентичны, впервые замечено не мной, однако это положение подтверждается с такой потрясающей наглядностью, что мне просто не остаётся ничего другого, как принять этот факт к сведению и найти ему подходящее применение. Следует только уточнить, что полный цикл своего развития человек может пройти в течении одной жизни; народу, этносу, государству для этого требуются столетия, а человечеству – тысячелетия, если не больше. В качестве наглядного примера проявления законов развития можно привести возврат общероссийской “семьи народов” к капитализму на рубеже 20 и 21 веков.

Здесь уместна следующая цитата: “Духовная эволюция подчиняется логике последовательного развёртывания; она может совершать новый решающий шаг, лишь когда в достаточной степени преодолена предыдущая ступень: даже если сознание при резком подъёме может пропускать, или перескакивать определённые незначительные стадии, ему приходится возвращаться, чтобы убедиться, что пройденная территория надёжно присоединена к новому состоянию. Таким образом, более высокая скорость (которая действительно возможна) не устраняет сами шаги или необходимость их последовательного проживания и преодоления.” (Шри Ауробиндо. Синтез Йоги) Между прочим, лидеры октябрьской революции понимали, что в своих коммунистических преобразованиях опережают события, поскольку Российская империя не дошла до стадии развитого капитализма, как того требовала марксова теория. Но они посчитали, что смогут перепрыгнуть через ступеньку и втолкнуть государство в коммунизм, минуя капиталистическую фазу. Не вышло. С законами эволюции не поспоришь. С другой стороны, вызывает интерес китайский эксперимент, который один юморист назвал капитализмом под руководством коммунистической партии. Возможно, этот вариант эволюции в сложившихся условиях – оптимальный; не теряя преимуществ социализма, страна набирает столь необходимый ей опыт свободного предпринимательства. То, что Российское содружество народов вернулось к капитализму, не означает, что он лучше коммунизма; этот временный регресс говорит лишь о том, что без опоры на общество, имеющее полноценный опыт развитой демократии, любая форма социализма будет неполноценной и ущербной, обречённой на застой и вырождение, как это и было в нашей истории. Сначала стадия свободы, а потом уже – стадия равенства; и лишь после всего этого – братство. Но это уже частности. Главное, что мне хотелось бы сказать – история государств и народов подтверждает существование законов эволюции.

Мы можем воочию наблюдать их работу, проявляющуюся в событиях национального и мирового значения; более того, мы можем использовать эти законы практически в своей собственной жизни. Если взлёты и падения государств прошлого и настоящего послужат уроками, ведущими к преобразованию своей государственной личности и бытия, то история и политика обретут для нас особый смысл и непреходящее значение.

– Я бы хотел попросить вас, Ник, включить самонаблюдение и определить – что вы в данный момент чувствуете? – неожиданно предложил Хигрум тоном доктора, беседующего с пациентом.

– Я вошёл в раж и слегка разгорячён, – сказал я, не видя смысла таиться.

– Вы неплохо контролируете свои негативные рефлексy, но позитивные всё ещё вам неподвластны, – заключил мой гость. – Между тем, радость или энтузиазм, превышающие определенный порог интенсивности, столь же разрушительны, как и негативные эмоции. За всякий душевный подъём придётся заплатить последующим спадом, понижением тонуса, своего рода похмельем. В моменты чрезмерных, безудержных переживаний внутренняя сила в огромных количествах и часто без всякой пользы стравливается в окружающее пространство и может привлечь энергетических вампиров.

Наступила тишина. Пока я размышлял над услышанным, Хигрум вновь начал прохаживаться, разминая ноги.

– Кстати, о вампирах. Вспомнилось мне кое-что, что имеет отношение к вашему “дикарёнышу”, – прервал я молчание, и мой собеседник в лёгком удивлении поднял брови, словно говоря: “О чём это вы, милейший?”

– Это существо, о котором вы мне рассказали при прошлой встрече, полунелюдь с замашками суккуба, – пояснил я. – У нас была беседа.

– О чём вы говорили? – спросил мой гость, проявляя живейшую заинтересованность, граничащую с нетерпением. – Как это было?

– На верхней палубе есть одно замечательное местечко, где я часто провожу время, созерцая морские виды, любясь ландшафтом, впитывая энергию Солнца и воздуха; там редко появляется кто-нибудь ещё, но в тот раз случилось иначе. Стоило мне прилечь в шезлонг и расслабить мышцы, как рядом послышались шаги и женская речь. «Не помешаю?» – вежливо осведомилась госпожа Хит, и мне ничего не оставалось, как проявить ответную вежливость, и сказать «Конечно, нет», хотя думал я совершенно обратное. Опыт показывает, что люди, даже хранящие молчание, нарушают своим присутствием ту гармонию, которая устанавливается с окружающим миром в процессе созерцания. Видимо, сами человеческие мысли и эмоции в большинстве своём диссонируют с чистыми и совершенным звучанием природных энергий. А когда начинаются разговоры, то о радости общения с миром природы лучше без промедления отказать, откладывая это удовольствие до более подходящего момента. Поэтому мне пришлось изменить свои планы и настроиться на болтовню, которая не замедлила последовать. Впрочем, госпожа Хит вызвала мой интерес, в основном, благодаря вашим, Хигрум, рассказам о её происхождении, а также вследствие одного любопытного обстоятельства, касающегося этой женщины. Удивительно, но, несмотря на обилие разговоров о ней, никто из местных любителей посплетничать не осуждал её. Стоило ей поговорить с кем-либо – и он тут же становился её добрым знакомым, если не другом. Даже склонность к флирту не служила помехой её хорошим отношениям со всеми без исключения окружающими. Должен отметить, что и в разговоре со мной были попытки переключить беседу в игривое русло; однако моя сдержанность была достаточно красноречива, а собеседница – достаточно чувствительна, чтобы понять бесперспективность этого направления. Вообще, нужно сказать, что говорили мы о многом, но вскользь; анализируя наш внешне хаотичный и неупорядоченный диалог, я вижу, что госпожа Хит умело и изящно переходила с темы на тему, разыскивая то, что могло бы “зацепить” меня, задеть за живое. Вероятно, с каждым из своих собеседников она проделывает нечто подобное – ищет его излюбленную тему и даёт возможность выговориться. На этот крючок попался и я.

– Я предупреждал, что она – очень опытна, – понимающе кивнул мой гость. – Её способности выше, чем у большинства людей.

– Да, но забыть об осторожности в разговоре с таким, на первый взгляд, бесхитрым собеседником – проще простого, – начал было оправдываться я, но тут же спохватился и изменил тональность. – Признаюсь, я не слишком серьёзно отнёсся к вашему предупреждению. Кроме того, моя склонность к пылким речам не казалась мне тогда чем-то предосудительным. Вы знаете, многим нравятся патетические речи.

– В этом – секрет популярности значительного числа проповедников, – отметил Хигрум. – Они целенаправленно излучают пафос, как печка – тепло. Неудивительно, что желающие погреться находятся всегда.

– Видимо, многим втайне хочется оказаться в центре внимания людей, словно в круге света, чтобы ощутить эту энергию человеческой массы, щедро изливающуюся на него, – поделился я своим предположением. – Эту роль проповедника госпоже Хит удалось навязать и мне, как, вероятно, некоторым другим моим предшественникам. Для этого приёма, впрочем, не нужно большого искусства – достаточно изобразить почтительно слушающего ученика.

– Какова была тема вашей беседы? – поинтересовался мой гость.

– Если кратко – отношения между обществом и отдельным человеком, – сказал я, поразмыслив. – Вы наверняка знакомы с навязчивым стремлением массового человека быть “как все”; другой стороной этого стремления, кстати, является желание уподобить себе окружающих. И когда госпожа Хит в качестве аргумента заявила «но ведь так делают все», я выступил против этого принципа действий. Речь шла, в частности, об отвратительном обычае трупоедства, который ныне так распространен. «Делать то, что делают все – не обязательно наилучший выбор» – сказал я с такой уверенностью, что собеседница вопросительно

установилась на меня, ожидая дальнейших разъяснений. «Массовость свойственна и таким вредным пристрастиям как пьянство, курение, осуждение, жалобы и многое другое, – произнёс я медленно, чтобы придать словам вес и значительность. – Если вы будете следовать таким образцам поведения, то приблизите собственную смерть. Хотите влиться в стадо идущих на бойню? Безумие тоже бывает массовым. Я бы сказал, что это самая опасная разновидность сумасшествия, поскольку в силу своей распространённости она кажется нормой» «Если вы не будете как все, то станете одиночкой, отщепенцем, – возразила госпожа Хит. – Что за жизнь, если нет ни друзей, ни близких?» «Для начала уточним, что в одиночестве нет ничего плохого; более того, в некоторых обстоятельствах оно человеку необходимо и приносит огромную пользу. А во-вторых, я предпочитаю быть отщепенцем от общества свихнувшихся самоубийц, считающих себя нормальными только потому, что подобных им много. И в третьих, люди, живущие чистой, разумной и гармоничной жизнью, всегда были в меньшинстве; и в прошлом, и в настоящем такие как они с каким-то загадочным постоянством возникают среди людей обычных, и не боясь ни одиночества, ни осуждения делают наш мир светлее и чище. С точки зрения массового человека такие аутсайдеры ненормальны, с точки зрения мыслителя они – сверхнормальны, ибо поднялись над нормой. Две тысячи лет назад один из них сказал: “ Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их” Чтобы лучше понять и осмыслить этот образ, нужно представить два пути: один – широкий, заполненный огромной толпой, дружно шагающей к смерти, другой – узкий и трудный, почти безлюдный; лишь те, кто не боится одиночества, вступают на него и получают возможность обрести жизнь. Если вы выбрали быть как все, то ваш путь – первый»

«Это религия, – парировала госпожа Хит. – Я не священник, чтобы отказываться от радостей жизни» «Тот, кто не способен отказываться, тот ничего не приобретёт, – высказал я одно из положений эволюционетики, облёкши его в форму метафоры. – Представьте себе рюкзак, доверху набитый предметами. Вы не сможете положить в него ничего нового, если не выбросите что-нибудь из того, что не является жизненно необходимым. Примерно к среднему возрасту жизнь человека заполняется до предела, и если не начать выбрасывать из неё лишнее, то ничему новому войти в неё просто нет возможности. То, что вы называете радостями жизни, должно уступить место другим радостям, более высокого уровня. Но это – не религия, как вы посчитали, услышав цитату из Евангелия; это – наука разумной, чистой и гармоничной жизни, доступной всем и каждому.

Я лишь хочу обратить ваше внимание на то, что толпой к такой жизни не приходят, только поодиночке или малыми группами.

Поэтому я и предлагаю относиться с разумной осторожностью ко всяким проявлениям массовости; вполне может быть, что вы имеете дело с эпидемией. Вы готовы заразиться, если вокруг все больны?

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что умение выйти из общего потока – требование выживания, особенно в тот период жизни, когда приходит время больших перемен»

Выразив, таким образом, свои мысли, я посмотрел на собеседницу – она улыбалась, чему-то радуясь. «Вы такой умный, что мне даже нечего сказать, – прощепетала она с подкупающей откровенностью, без всякого подтекста и скрытой иронии. – Но я ужасно рада, что мы так хорошо поговорили. Я рассчитываю, что мы и в дальнейшем найдём о чём рассказать друг другу.» Я, конечно, заверил её в своей готовности продолжить как-нибудь наше общение, после чего госпожа Хит распрощалась и упорхнула с довольным видом трудолюбивой пчёлки, собравшей свою дневную норму цветочного нектара. Теперь я понимаю, чем это было вызвано. Та энергия, которая излучалась мною во время разговора, пришлась ей по вкусу. – Не следует вовсе избегать общения, не все мы норовим урвать лишнее внимание, – подытожил Хигрум. – В обычном диалоге – таком, как у нас с вами – происходит честный обмен энергиями. Но эта равнозначность нарушается, когда один из собеседников начинает излучать слишком мощные потоки силы, а другой – провоцировать на это. О нашей дракманессе можно сказать только то, что её скрытая задача – набрать столько энергии, сколько нужно для “драконьего зова”. Аккумуляция энергии окружающих посредством привлечения к себе внимания, – обычное дело; любой женщине нравится, когда на неё обращают взгляды. Так представительницы прекрасного пола энергетически подпитываются во все времена. Вы, кстати, коснулись этой темы в своей новелле о самосовершенствовании. – Вообще-то, есть и другие способы собирать энергию, – высказался я, осознав, что Хигрум по неизвестной мне причине встал на защиту “дикарёныша”. – Не обязательно делать это за счёт своих ближних.

– Да, не обязательно. Но для того, чтобы освоить эти способы, требуется желание, иногда везение, совпадение, скажем так, благоприятных факторов, которого в данном случае не было, – отозвался мой гость. – Похоже, госпоже Хит не встречались люди, готовые обучить её более продвинутым и эффективным способам получения энергии чем те, которые распространены среди обычных граждан. Иначе она бы уже выполнила свою задачу и

воссоединилась со своим народом, к чему бессознательно и стремится. У меня есть причины полагать, что чем скорее и безболезненнее это произойдёт, тем будет лучше для всех.

– А что, это связано с какими-то опасностями? – осведомился я, насторожившись при последних словах. – Что значит “безболезненнее”?

– Появление дракона в этом мире всякий раз приводит к разрушениям, – бесстрастно пояснил Хигрум. – Такова их природа, и изменить этого нельзя. Но любые потери можно свести к минимуму. Если разрушается то, что отслужило свой век и стало помехой, то эта операция идёт только на пользу.

– Вы говорите как врач, предлагающий ампутацию, – сказал я безрадостно. – Всегда есть какая-то альтернатива хирургическому вмешательству. Надо только поискать.

– Для поисков понадобится время. Есть ли оно у нас? Вот в чём вопрос, – философски заметил мой собеседник. – Ведь время, как вы знаете, дороже всего.

– Вы тоже чувствуете это? – промолвил я, радуясь встреченному пониманию. – Что время на исходе, хотя внешне всё так же, как всегда?

– Не просто чувствую – знаю, – веско ответил Хигрум, но развивать эту тему не стал из каких-то своих соображений, а перевёл разговор на другие рельсы. – Наши беседы приближаются к завершению. Учитывая это обстоятельство, мне бы хотелось, пока есть возможность, обогатить свою коллекцию рецептов каким-нибудь вашим производением.

– Без проблем, уважаемый гость, – охотно откликнулся я. – Вам наверняка пригодится рецепт некой композиции, которая получила название «быстрая вегетелла». Для обычной вегетеллы требуется две конфорки и, соответственно, две посуды; для малой – одна. Разница только в том, что для классической версии используется обычная крупа, а для быстрой – крупка быстрого приготовления, или хлопья. Вегетеллой этой блюдо названо потому, что все ингредиенты в ней – растительного происхождения; итальянское окончание – не только дань уважения стране древних кулинарных традиций, но и своего рода намёк на то, что эта композиция предполагает средиземноморскую щедрость и южную жизнерадостность (хотя продукты итальянского или испанского происхождения в этом блюде совершенно не обязательны).

Быстрая вегетелла

Позволю себе напомнить о том, что процесс готовки должен происходить в приподнятом настроении. Если на песни и изящные телодвижения не хватает времени и сноровки, то можно позаботиться хотя бы о приятной, предпочтительно классической, музыке, которая сопровождала бы все ваши действия. Это несложно устроить, если есть проигрыватель. Процесс приготовления выглядит следующим образом.

В абсолютном большинстве случаев вегетелла начинается с обжаривания репчатого лука. Головка лука средних размеров разрезается вдоль, точно по центру. При желании можно использовать обе половинки, но для разовой порции блюда достаточно и одной; вторая при этом отправляется в полиэтиленовый мешочек и хранится в холодильнике до следующего раза. Другая половина вновь разрезается вдоль вертикальной оси, эта операция повторяется ещё раз, пока не образуются четыре дольки (можно и больше). Важно, чтобы часть корневой пластинки осталась на каждом из получившихся сегментов; она скрепляет луковые слои и не даёт им рассыпаться во время приготовления. В результате такой нарезки образуются собранные вместе луковые лепестки (напоминающие по форме апельсиновые дольки) которые удобнее переворачивать, и которые имеют привлекательный вид.

К тому времени, когда лук нарезан, растительное масло должно уже нагреваться в глубокой сковороде. Как вы знаете, оно должно быть нерафинированным; здоровье – прежде всего. Масла не нужно много! Тонкого слоя на дне сковороды вполне достаточно; излишек масла портит блюдо, это многократно проверено на собственном опыте.

Как только лук с должной аккуратностью уложен в сковороду, накрыт крышкой и поставлен на огонь, приходит черёд морковки. Её пропускают через тёрку, пока не образуется количество, занимающее половину обычной суповой поварёшки, или немного больше. Как только лук обжарится с одной стороны, его переворачивают на другую, а сверху укладывают морковь. Следом в сковородку отправляется брюссельская капуста – от двух до четырёх кочанчиков. Обычно используется свежемороженая капуста, она удобна в хранении и долго сохраняет свои свойства; хотя идеальная версия блюда предполагает использование продуктов прямо с грядки.

Далее в приготовлении вегетеллы наступает стадия, когда необходимо выбрать различные варианты этого блюда. В дополнение к уже готовящимся можно добавить капусту брокколи, или нашинкованную белокочанную, или красную, или цветную, или спаржевую фасоль. Великолепна вегетелла с грибами, но их нужно тонко нарезать и тушить немного дольше, чем обычные овощи. Превосходная вегетелла получается при использовании папоротника, который тоже хорош в мелко нарезанном виде. И кабачки, и баклажаны прекрасно входят в эту овощную композицию, внося в неё приятное разнообразие. Однако большинство из этих ингредиентов нуждаются в мелкой шинковке, или в пропускании через тёрку, дабы они

успели приготовиться за небольшой срок.

Итак, дополнительные элементы композиции выбраны, нарезаны и отправились греться под крышку сковороды вместе со своими компаньонами. Теперь разрезаем на средние или мелкие кусочки свежий помидор, а то, что получилось, отправляем в небольшую тарелку ждать своего часа. Если свежий помидор недоступен, можно использовать консервированный – его разрезать не надо, достаточно размять его ложкой на сковороде, когда он хорошенько прогреется. Можно обойтись вообще без помидора – но с ним всё же лучше. Не забываем заглядывать под крышку и поворачивать кусочки, а также равномерно распределять их по площади сковороды, если в том есть необходимость. Пока первая партия доходит до стадии полуготовности (10-15 мин), занимаемся помидором (если это требуется) и зеленью. Каких-то ограничений в травяных элементах блюда нет, можно использовать практически всё, что годится в пищу; не только классические приправы – укроп, петрушку, зелёный чеснок, зелёный лук и т. п., но и морковную, а также свекольную ботву, садовый и дикий щавель, не говоря уже о шпинате, пекинской капусте, листовой горчице и прочих популярных зелёных огородных культурах. Поскольку листья и травы имеют свойство в процессе готовки уменьшаться в объёме, то их можно без опаски отправлять под крышку в весьма приличных количествах. К тому времени, когда зелёные элементы блюда промыты и нарезаны, влага из первой партии продуктов обычно уже полностью испаряется, и теперь приходит черёд сочащегося соком или маринадом помидора, который присоединяется к своим сотоварищам и устраивает им хорошую парную. Для этого его нужно расположить на самом дне сковороды, освободив для новоприбывшего гостя самые горячие места. Нужно сказать, что жарится в этом блюде только лук и лишь с одной стороны, а когда он переворачивается и добавляются другие компоненты, то начинается процесс тушения естественной влагой, содержащейся в любом овощном продукте, особенно в свежем замороженном. Тушение намного предпочтительней жарки по многим причинам, о которых можно узнать у специалистов по здоровому питанию. Когда томат завершает водную процедуру и влаги остаётся уже немного, получившаяся масса солится – примерно трети чайной ложки соли обычно вполне достаточно (правда, соль бывает разной степени солёности и точное её количество нужно определять самостоятельно, без слепого следования указаниям). Напомню, что соль считается вредным продуктом, поэтому использовать её следует по минимуму. После этого почти готовые уже овощи раздвигаются, освобождая пустое место в центре, куда и выкладываются хлопья или крупа быстрого приготовления. Оптимальное, с моей точки зрения, количество – пять чайных ложек с верхом, или полстакана. В наше время появилось немало разновидностей хлопьев – пшённые, рисовые, пшеничные, гречневые, не говоря уже о классических овсяных. Почти все они превосходно подходят для вегетеллы. Таким образом, можно ежедневно готовить себе одно блюдо – и всякий раз оно будет разным! В понедельник – пшённая вегетелла с грибами, во вторник – гречневая с кабачками, в среду – ржаная с брокколи, в четверг – рисовая с папоротником и морской капустой, в пятницу – пшеничная с баклажанами, в субботу – овсяная со спаржевой фасолью и побегами чеснока. А один день в неделю хорошо воздержаться от пищи. Некоторые советуют два дня воздержания. О пользе непродолжительного голодания уже достаточно сказано и написано, добавлю лишь то, о чём умалчивают учёные. Обычный, массовый человек даже не предполагает, как притупляется восприятие в результате непрерывной эксплуатации последнего. Если каждый день подолгу слушать громкую музыку, то сила её воздействия значительно уменьшится. То же самое происходит и с другими разновидностями восприятия – зрительным, осязательным, обонятельным и вкусовым, если использовать их без меры. Чтобы убедиться в том, что острота вкусовых ощущений невероятно возрастает после некоторого перерыва, достаточно трёхдневной голодовки. Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что тот, кто никогда не воздерживался от еды, не знает истинного вкуса пищи. Но даже однодневная голодовка – это неплохо для настоящего ценителя.

Финал приготовления вегетеллы начинается с выкладывания зелёной массы поверх всего остального. Когда зелёный слой уложен и выровнен, его посыпают любимыми приправами. Мне нравится базилик и шалфей, но и другим пряностям вход на территорию вегетеллы не запрещён. В холодные и сырые дни неплохо подогреть композицию небольшой толикой красного перца, но крайне осторожно, совсем чуть-чуть, на грани слышимости. Поверхность зелёного слоя следует разровнять, превратив её в подобие лужайки со скошенными травами. Если в блюдо нужно добавить экзотический элемент, вроде морской капусты, то этот момент – наиболее подходящий.

После того, как зелень уложена, в сковороду подливают предварительно нагретую воду, которая должна подступать к верхнему слою, но не превышать его. Клокочущую массу накрывают крышкой и дают постоять на слабом огне минут десять, чтобы хлопья дошли до готовности. Надо ли перемешивать овощи, хлопья и травы? Однозначного ответа не существует, ибо это – вопрос вкуса и личных предпочтений. Кому-то нравится однородная масса, кому-то – соседство разнообразных фракций. Полагаю, лучше всего доверить окончательный выбор собственной творческой интуиции художника.

Весь процесс приготовления быстрой вегетеллы не превосходит полчасика. Наилучшая, на мой

взгляд, консистенция для блюда – насыщенно-влажная, или, как говорят в народе, размазня. Однако, и в этом нет каких-то жёстких ограничений, любые варианты возможны, лишь бы блюдо нравилось. Есть вегетеллу надо горячей, в спокойном удобном месте и непременно маленькой деревянной ложечкой. Маленькой – для того, чтобы уменьшить те порции пищи, которые отправляются в рот на пережёвывание.

Когда эти порции малы, пища лучше измельчается, процесс становится более протяжённым и, соответственно, растягивается удовольствие. Деревянной же ложечка должна быть потому, что металл во рту нежелателен. Металлические вилки и ложки плохо влияют на процессы, происходящие в ротовой полости во время приёма пищи, и оставляют неприятные ощущения. Люди не обращают на это внимания в силу привычки; но всё поправимо, если вы – не такой, как все и готовы изменяться к лучшему.

Кстати, в Китае металлических приборов для пищи практически нет, только дерево и керамика, сейчас к ним добавился и пластик. В России издавна пользовались деревянными ложками, но повальная европеизация быта сделала их не престижными.

Не пришло ли время вернуть дерево на стол? Подлинны эстеты, знающие толк в искусстве вкушения пищи, несомненно, оценят преимущества деревянных и керамических столовых приспособлений.

Готовую вегетеллу нужно наложить в умеренном количестве в небольшую, но не плоскую чашку и есть неторопливо, тщательно прожёвывая, полностью сосредоточившись на вкусовых ощущениях. "Когда я ем, то глух и нем" – эта старая присказка указывает на нежелательность любых перескоков внимания на то, что не относится к текущему процессу поглощения пищи.

Йоги предлагают во время еды концентрировать внимание на осознании процесса трансформации пищи в энергию, которая направляется в те или иные участки тела.

Когда чашка заканчивается, приходит черёд, если это необходимо, следующей порции, накладываемой из сковороды, стоящей на остывающей плите – так вегетелла будет горячей в течение всей процедуры приёма пищи. Прекращать это ответственное и приятное занятие следует до того, как придёт ощущение полной сытости; дело в том, что это чувство всегда запаздывает примерно на двадцать минут, как выяснили специалисты.

Если вы не собираетесь переждать, то заканчивайте обед, почувствовав себя сытым на 70-80 процентов; и через двадцать минут вы сами убедитесь в том, что лёгкая недоудовлетворённость исчезла, сменившись полным довольством, переходящим в желание прилечь:).

Впрочем, это уже за рамками рецепта, который я завершаю древней пословицей – пища должна быть лекарством. Осознание того, что принимаемая пища приносит организму только пользу и ничего кроме пользы делает наслаждение совершенным.

– Вы сирена под маской отшельника! – смеясь, высказал своё резюме Хигрум. – Слушая ваши речи, нельзя не вспомнить классика: «Карась любит быть жареным в сметане» После знакомства с этой гастрономической одой любой устремится к холодильнику или в ресторан.

– Если он выберет вегетарианский ресторан, то моя цель будет достигнута, – откликнулся я, чувствуя наплывающую усталость.

Мой собеседник мгновенно уловил это.

– Мне пора, – сказал он решительно и вновь улыбнулся. – Нет, не в ресторан; есть дела, которые ждут моего участия. Извините, что несколько засиделся у вас, всего вам доброго и до встречи.

– До встречи, Хигрум, – тепло попрощался я с гостем и стал наблюдать за его дальнейшими действиями. В этот раз он не стал проходить сквозь стену, а перевоплотился в то самое туманное облако, которое я заметил в нашу первую встречу. Померцав несколько секунд своими сверкающими огоньками, облако неспешно растворилось в воздухе.

Вигилия 7

"Поскольку необычное сновидение регулярно повторялось, Дима принял решение действовать. У него возникла идея, совершенно бредовая, если взглянуть с рациональной точки зрения. "Реализовать сон во всех подробностях невозможно, – думал прапорщик, – но этого, вероятно, и не требуется (ведь сны – они как сказка, в которой важен намёк – "добрым молодцам урок"). А вот если выполнить некие символические действия, на которые странное сновидение, по-видимому, указывает и к которым, вероятно, подталкивает, то, быть может, что-нибудь путное и выйдет. Если, к примеру, какую-то часть себя пожертвовать личному составу части, то Необычайное и Необъяснимое этим, возможно, удовлетворится. И всё благополучно закончится"

Правда расставаться с частями тела и как-то калечить себя Диме не хотелось. Но можно отдать на съедение то, что организм в состоянии восполнить. Этим требованиям вполне соответствует кровь – она прекрасно восстанавливается, и некоторым её количеством можно пожертвовать без ущерба для здоровья. После этого вывода план действий наметился как-то сам собой.

Предположим, во время приготовления обеда можно заявиться на кухню, отослать повара на пару минут и вылить свою кровь в котел с кипящим бульоном. Всё, что требуется – предварительно нацедить её в баночку, как это делается в донорских пунктах. И главное, позаботиться о том, чтобы никто ничего не увидел.

Этот план не слишком вдохновлял Диму; необходимость хитрить и таиться не приводила его в восторг. Но ничего другого в голову не приходило – будучи человеком действия, он не мог больше размышлять и прикидывать; его натура требовала поступков, и после долгой внутренней борьбы он всё же решился воплотить в жизнь свой авантюрный замысел и назначил исполнение задуманного на следующий день.

Однако утро внесло свои коррективы. Пробуждение было тяжелым – отчего-то гудело в голове и пульсировало в висках, озноб пробежал по телу, дыхание было затруднено, словно лёгкие были забиты глиной. С сомнением посмотрев на приготовленные с вечера приспособления для взятия крови, Дима убрал их с глаз долой и направился к фельдшеру. Мир казался серым и гнетущим, словно налился свинцом; даже передвигаться приходилось с усилием.

Фельдшер, сделав осмотр, отдал соответствующие распоряжения и через несколько минут прапорщик Ус уже ехал в командирском газике в окружной госпиталь, расположенный в N.

– Воспаление лёгких, – вынес свой вердикт тамошний дежурный врач. – Немедленная госпитализация и медикаментозное лечение.

Впервые в своей жизни прапорщик Ус, отличающийся железным здоровьем, оказался на больничной койке. Однако новизна ситуации никак его не взволновала, ибо самочувствие всё ухудшалось, восприятие теряло устойчивость, мысли замедлились; через несколько часов Дима провалился в бредовое беспмятство. Спустя какое-то время среди гнетущих, нерадостных образов и картин болезненного забвения вдруг появилось нечто инородное – светлое и чистое. С трудом сфокусировавшись на этом явлении, Дима с удивлением узнал Фридриха.

– Ты чуть не сделал глупость, – сказал тот, когда понял, что на него обратили внимание и узнали. – Тебя извиняет только твоя молодость.

Дима не ответил. Присутствие Фридриха явно улучшило его состояние, тяжесть стала улетучиваться, мысли понемногу прояснялись, спорить и возражать совсем не хотелось, поскольку в услышанных словах не было ни злости, ни желания унижить.

Та укоризна, что читалась в них, была скорее приятна, как проявление заботы.

– Твоя решительность, конечно, производит впечатление, – продолжал “визитёр”. – Но разумности тебе, увы, пока не хватает. Почему ты не обратился за советом ко мне, или к Ринату? На это твоей решительности не хватило? Полагаю, тебе хотелось довериться кому-то из нас; но страх оказался сильнее. Хорошо, что твоё тело оказалось мудрее тебя и предотвратило ошибку.

– Как это? – не понял Дима. – Что значит “тело предотвратило”?

– Ну, а с чего бы ты вдруг взял и заболел? Ты же всегда был здоров, как бык, тебе ни холод, ни жара никогда не были страшны.

“И правда” – с удивлением подумал прапорщик Ус. – “Ни с того, ни с сего, без всякой видимой причины свалился с воспалением. Странно как-то. Неужто у тела своя воля есть?”

– Прежде, чем начинать нечто экстраординарное, надо обязательно посоветоваться с тем, кому интуитивно хочется довериться, – настаивал Фридрих. – Иначе фатальных ошибок тебе не избежать.

– Обещаю, что в следующий раз так и поступлю, – согласился Дима с несвойственной ему лёгкостью.

– Вот и отлично! – обрадовался Фридрих. – В награду за это могу предложить тебе небольшую экскурсию в Необъяснимое. Но не сейчас, немного позже, когда ты полностью восстановишься.

Сообщив это “посетитель” быстро растаял, избежав тем самым дальнейших расспросов. Вслед за ним испарилась и мысли – Дима забылся сном выздоравливающего.

На следующее утро он поднялся с рассветом и, чувствуя необыкновенный подъём сил, с удовольствием проделал полный комплекс гимнастических упражнений под удивлёнными взглядами соседей по палате. Вернувшись после умывания к своей койке, Дима обнаружил на своей тумбочке записку следующего содержания:

“Подумай о Солнце, питающем своим светом всё живое.

Ф.”

Никто не смог сказать – откуда взялось это послание, кто и когда его принёс. Расспросы прапорщика прекратил приход дежурного врача, который был немало удивлён, увидев, как бодро Дима расхаживает по палате. Удивление доктора ещё более возросло после тщательного осмотра.

– Ты производишь впечатление абсолютно здорового человека. Если бы я не видел тебя вчера, то решил бы, что диагноз ошибочен. В моей практике никому ещё не удавалось так быстро справиться с пневмонией. Вот тебе направления на анализы, полежишь ещё денёк у нас на всякий случай, попьёшь лекарства. Если ухудшения не будет, завтра выпишем тебя. Весь этот день Диме не сиделось на месте – энергии было столько, что хватило бы на

десятерых. Только к вечеру парень немного уgomонился и прилѣг на койку, намереваясь почитать газетку недельной давности.

– Меня от тебя уже тошнит! – донѣсса из соседней палаты женский голос. Там происходил просмотр телесериала. Громкость убавили, и дальнейший диалог телегероев стал неразличим, но это ни капли не расстроило прапорщика.

“Она говорит так, будто попробовала его на вкус, как пищу” – неторопливо и расслаблено раздумывал он об услышанной реплике. – “И это ей не понравилась. Еѣ тошнит от него, как от плохого обеда” Он перевернулся на другой бок и продолжил раздумья. “Или слишком обильного. Если переешь, тоже, бывает, тошнит. Выходит, когда люди общаются, они как бы утоляют голод. А ещѣ есть выражение – “сыт по горло”. Например, “я сыт твоими выходками по горло”. Поступками, значит, тоже можно кормиться?.. Почему я раньше не обращал на это внимания? Интересно, на что это Фридрих намекал в этой записке про Солнце, питающее своим светом?.. Он хотел сказать, что от людей, наверно, тоже исходит энергия, которую можно поглощать. Мы как Солнце – излучаем свет. У одних он яркий и чистый, как у Рината; а у других этот свет плохой, и тогда может и стошнить. А значит, не надо умирать, или отрубать от себя части, чтобы накормить других. Даже донором становиться не обязательно. Главное – чтобы свет от тебя исходил хороший, не отравленный злостью, или страхом, или другой гадостью. И тогда все, кого ты встретишь, будут тобой питаться, как питаются Солнцем...”

С этой странной мыслью Дима Ус погрузился в сон, и ему приснилась зелিপатая бармель.

КОНЕЦ"

– Здравствуйте, Хигрум, – сдерживая радость и даже некоторое волнение, поприветствовал я своего гостя, когда пришло время нашей следующей встречи. – Мне пришли на ум кое-какие мысли, и я должен их высказать.

– Здравствуйте, Ник, – отозвался он, добродушно улыбаясь. – Не стесняйтесь, я готов вас выслушать.

– Помните ли вы, что во время нашего знакомства, я попросил вас обучить меня вашему искусству телесной трансформации? – спросил я.

– Да, – с лаконичностью индейца ответил Хигрум.

– Теперь в этом нет необходимости.

– Почему? – слегка удивился мой гость.

– То влияние, которое вы оказываете на меня своими словами, и даже одним только присутствием, намного полезней и благотворней, чем всякие магические умения, как бы эффектно они не выглядели, – заявил я, пытаясь вложить в эти слова свою искреннюю признательность.

– Спасибо на добром слове, – поблагодарил меня Хигрум. – Однако, должен сказать, что я не остаюсь в проигрыше, общаясь с вами. Наши беседы полезны для нас обоих.

– И в чѣм же ваша выгода? – настал черѣд удивляться мне.

– Мы оба получаем опыт, – невозмутимо отвечал мой гость. – Вы получаете свой опыт, а я – свой. Есть, впрочем, у меня ещѣ одна весомая причина навещать вас, но о ней я скажу несколько позже. А сейчас мне бы хотелось поговорить о вашей попытке схитрить и ввести меня в заблуждение.

– Не понимаю, о чѣм это вы? – спросил я с недоумением.

– Я как-то попросил вас высказать своё мнение о сне прапорщика, если помните. Вы кое-что утаили от меня тогда, – мягко пожурил меня собеседник, не теряя своего обычного добродушия.

– А, вот вы о чѣм...Вы правы, утаил, – вспомнил я тот разговор. – Но для вашего же читательского блага. Если в сюжете не остаѣтся тайны, он становится неинтересен.

– Как теряет свою привлекательность детективная история, когда имя преступника известно заранее, – согласился Хигрум. – Ваше стремление мне понятно, и я не собираюсь вас осуждать. Но всё же услышать откровенное мнение и о сне Димы, и обо всѣм рассказе мне было бы интересно; теперь-то у вас нет причин таиться?

– Нет, теперь нет, – сказал я, и внимательно посмотрел на гостя. – Но вы не из тех, кому требуются долгие объяснения. Обычно вы и сами всё прекрасно схватываете. Вы уверены, что есть нужда возвращаться к этому творению?

– Несомненно, Ник, – подтвердил своё намерение мой собеседник, после чего мне ничего не оставалось, как пуститься в размышления, навеянные своим собственным опусом; впрочем, никакого недовольства по этому поводу я не испытывал, ибо авторам любо говорить о своих произведениях, как родителям – о собственных детях.

– Люди приходят к пониманию своей солнечности по-разному, – начал я свои рассуждения. – Те из них, чья эволюция неуклонно продолжается несмотря ни на что, вдруг открывают в себе особенные качества, о которых не знали и о которых им вроде бы никто не рассказывал. Они начинают осознавать, что им нравится делать подарки, совершать добрые поступки, говорить тёплые слова, а главное – ощущать в себе удивительно приятное чувство благорасположения ко всему без исключения. Понимание того, что в природе любого человека есть эта

изумительная способность – дарить, поддерживать, создавать, улучшать, питать своим теплом и радоваться этому – может принимать самые разные и причудливые формы, может являться в самых невероятных образах. Таким образом может оказаться и сон, подобный сну прапорщика; этот сон просто указывал ему на то, что в жизни его наступил новый этап, этап развития его солнечной природы. В силу своего неведения Дима Ус не смог правильно интерпретировать эти знаки своего высшего «я»; но в итоге ясность всегда приходит, находятся истинные учителя или нужные книги. Ещё Сократ, если мне не изменяет память, говорил, что в каждом из людей скрыто маленькое солнце; индусы называют его анахата-чакрой. Дон Хуан Матус утверждал, что и люди, и Солнце состоят из одинаковых эманаций; мы находимся в родственных отношениях с нашим светилом, мы не просто питаемся его энергией, мы в состоянии учиться у него искусству высшей Любви – ведь люди верят тому, что видят, а деятельная любовь Солнца открыта и видна всему миру. Свет – это энергетическое проявление высшей Любви. Величайшие из учителей человечества, да и любые светлые люди – ученики Солнца. Но, конечно, проявлять высшую Любовь можно разными способами, это – особое искусство; и если конечный этап этого искусства – непосредственное излучение энергии, то началом может послужить освоение навыка правильного приготовления пищи. Такова идейная основа рассказа.

– Есть одно противоречие в ваших высказываниях, на которое я обратил внимание, знакомясь с записями наших диалогов, – заметил Хигрум, кивком и улыбкой поблагодарив меня. – В нашу вторую встречу, когда речь шла о сне вашего персонажа, вы говорили о благотворном влиянии общества на развитие человека; а в последнем разговоре, комментируя слова Иисуса о тесных и широких вратах, вы высказали совершенно противоположную точку зрения.

– Противоречие это иллюзорное, – не медля, отозвался я. – Разгадка в том, что на первом этапе эволюции человека общество способствует его развитию, а на втором – препятствует. Пока развитие человека не достигло определённого предела, общество подталкивает его к повышению своего уровня: «тебе надо учиться – говорят окружающие, – надо зарабатывать, завести семью, построить дом, посадить дерево, вырастить сына», и т. д. Всё это правильно и благотворно для эволюции; но как только человек «состоялся», начинается обратный процесс – социум сдерживает дальнейшее развитие, причём не обязательно осознанно. Это сопротивление окружающих нужно преодолеть любым способом – вследствие этой необходимости и появился принцип «тесных врат», помогающий освободиться от стремления быть частью массы, быть как все.

– Теперь ваша позиция понятна, – с удовлетворением произнёс мой собеседник, прохаживаясь по каюте. – Но с эстетической точки зрения есть в вашем творении некая незавершённость.

– Это свойство любого процесса и всех их в совокупности, – сказал я, немного подумав. – Любая окончательность и завершённость, включая окончательность смерти, – это иллюзия. Да и какая завершённость может быть в рассказе, посвящённом пробуждению сознания человека? Он открывает глаза и обнаруживает, что мир, казавшийся таким скучно-знакомым, совсем другой – огромный, неизвестный, загадочный, пугающий и манящий. Это – новое утро жизни, когда естественно ждать продолжения, а не финала.

– Вы хотите сказать, что продолжение следует? – понимающе улыбнулся Хигрум.

– Это не исключено, – произнёс я, напустив на себя таинственность. – Если у меня накопится новый материал, герои этого рассказа вполне могут вернуться в мир моих фантазий.

– Вот как вы это называете – мир ваших фантазий, – сказал мой гость с задумчивым видом. Я не стал уточнять, что он подразумевает, предполагая, что собеседник выскажется сам. И Хигрум не заставил меня ждать.

– И как часто вы посещаете этот мир ваших фантазий? – спросил он с напускной небрежностью.

– Практически ежедневно, – ответил я без промедления. – Я любитель путешествий, а с путешествием в мире фантазий не сравнится ничто.

– А не приходило ли вам в голову, что эти путешествия могут исказить картину реального мира? – поинтересовался Хигрум, мастерски изображая академическую отстранённость.

Посмотрев на меня с пугающей внимательностью энтомолога, поймавшего необычную букашку, он разразился целой серией вопросов. – Быть может, ваш капитан НА САМОМ ДЕЛЕ – доктор, психотерапевт, руководящий лечебницей для душевнобольных? Быть может, ваш лайнер – это остров, на котором эта лечебница расположена? А пассажиры – пациенты этой лечебницы? И команда – обслуживающий персонал? Кое-какие детали наводят на мысль, что это вполне возможно...

– Вы хотите сказать, что НА САМОМ ДЕЛЕ я – псих, живущий в иллюзорном мире своих фантазий? – ответил я с отчаянной весёлостью человека, которому нечего терять. – Вы, скорее всего, даже не представляете, сколько раз я задавал себе этот вопрос, когда началась трансформация моего собственного сознания. Ведь страх безумия не менее силён в человеке, чем страх смерти. Но цепочка моих рассуждений всегда приводит к одному выводу.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Кому-то другому я не стал бы и пытаться их высказывать, однако Хигрум, думал я, несомненно, демонстрирует выдающуюся способность воспринимать нестандартные идеи. Такому слушателю, как он, можно доверить самые смелые соображения. Особенно если облечь их в подходящую форму.

– «Мой пульс, как ваш, отсчитывает такт И так же бодр. Нет нарушений смысла В моих словах. Переспросите вновь, – Я повторю их, а больной не мог бы» – таковы были во времена Шекспира признаки вменяемости; но сейчас многое изменилось. В качестве примера перемен можно привести фильм «Игры разума», в котором повествуется о некоем американском математике прошлого века, обладающем выдающимися способностями и высокоразвитым интеллектом; однако, несмотря на это, врачи и окружающие считают его душевнобольным, ибо этот незаурядный учёный видит и слышит людей, для всех других несуществующих. Эта постановка, как утверждают создатели, основана на реальных событиях; наблюдая за поведением и главного героя, и всех окружающих его людей, можно сделать следующий вывод: представления о психической норме в нашу эпоху изменились.

Гамлету, например, в одной из сцен является призрак его отца, невидимый для всех остальных; однако принц с лёгкостью снимает с себя подозрения в сумасшествии, приводя те самые аргументы, которые были процитированы выше. Если ознакомиться с первым из авторских сочинений в литературе – «Илиадой», то легко убедиться, что персонажи и этой истории время от времени видят и слышат существ, для остальных не существующих, это – боги и посланцы богов. Однако ни автор, ни его герои не считают это признаком безумия, такие вещи в те простые времена – в порядке вещей. И невольно возникает вопрос – не путают ли наши психиатры душевный недуг с расширенными способностями к восприятию? Нет ничего ненормального в том, что некоторые люди от рождения обладают более широким диапазоном восприятия окружающих нас вибраций; они видят и слышат то, что другим недоступно. Более того, каждый человек способен самостоятельно увеличить свой диапазон восприятия; этой возможностью, хотя и редко реализуемой, обладают все. Так в чём же заключается патология?

Я выдержал паузу, устремив взгляд Хигрума. Тот был всё так же добродушно-внимателен, и я приступил к изложению своей основной идеи:

– А патологией здесь является заболевание, которым каждый из нас заражается с малых лет и в большинстве случаев пронесит его до самой смерти. Это заболевание – ЭГО. Оно, командуя почти всеми нами, пытается навязать свои стандарты нормальности, и объявляет безумием всё, что выходит за рамки массовости и что угрожает его всевластию. Бывают обстоятельства, когда у меня возникает вопрос – в порядке ли моя психика? – и тогда я оглядываюсь на окружающих, и вижу, что по сравнению с их хаотичным, разбалансированным в результате всевластия эго рассудком, мой психический аппарат выглядит близким к оптимальному. После такого сравнения любые сомнения в собственной адекватности быстро проходят. Что же касается ваших подозрений – а не прав ли капитан, считая себя доктором (в этом месте я и Хигрум улыбнулись), то позвольте представить некоторые предположения, приходящие мне на ум, когда я задумываюсь о нашем с Краузе рассогласовании в восприятии реальности.

– Охотно выслушаю их, – подбодрил меня мой гость. – Я весь внимание.

– Я как-то упоминал уже о мексиканце, рисующем картины с многозначным изображением, которое можно интерпретировать двояко – и так, и этак. Представьте, что эти картины стали основой для анимации, сохраняя свою двойственность – лицо меняет выражение, а кони двигаются, являя собой два аспекта одного изображения. Теперь представьте, что эта анимация стала трёхмерной; сделаем следующий шаг и представим, что это двузначное изображение стало реальным объектом. Нам осталось только представить мир, заполненный такими многозначными объектами, который, в результате, сам стал многозначным. Понимаете ли вы, какие интересные возможности для воображения открываются в таком мире?

Абсолютно всё, что ни возьми, имеет два или больше значения, и не только объекты, но и действия, процессы – всё наполняется множеством перетекающих друг в друга смыслов. А сейчас совместите эту фантазию с настоящей реальностью, и вы осознаете, что она обладает такими же свойствами, – в ней нет ничего однозначного и абсолютного.

– Вы хотите сказать, что капитан воспринимает один аспект двойного мира, а вы – другой? – уточнил Хигрум, демонстрируя изумительную сообразительность.

– Именно это мне и пришло в голову, – подтвердил я. – Двойного – это минимум; я бы даже сказал, что одно из поразительнейших свойств нашей реальности – это её многозначность и многоаспектность. Я – это и путешественник на туристическом лайнере, и, в то же время, быть может, и пациент; а наш немецкий рыцарь – это и капитан корабля, и руководитель какого-то лечебного заведения для душевнобольных.

– А вы не пробовали перенастроить своё восприятие на волну психбольницы? – с мифистофельской улыбочкой спросил меня гость.

– Зачем это? – искренне удивился я.

– Чтобы расширить свои познания, например.

– Подумайте сами, Хигрум, есть ли смысл в том, чтобы менять статус свободного путешественника, совершающего приятный морской вояж на положение пациента, во всём зависящего от безумия медиков?

– На первый взгляд, радостного в этом, конечно, мало. Но, быть может, именно в этом незавидном положении вы и найдёте то цельное, не разбитое на части видение реальности, к которому неосознанно так стремитесь? – задумчиво провозгласил мой собеседник. – Объединять реальности, конечно, сложно. Если уж мы взялись вспоминать фильмы, то подобный же выбор стоял перед Нео, подсознательно ощутившим присутствие иного мира за фасадом внешне такого благоустроенного и устойчивого компьютерного универсума. Войдя в неизвестность, он тоже на какое-то время оказался в жалком положении младенца, слабого, во всём зависящего от своих попечителей и от прихоти фортуны. Таков наш удел – входя в новое измерение, всё начинать с нуля.

Те, кто готов к этому продолжают развитие и получают шанс обрести силу. Чем заканчивают остальные вам известно. Вряд ли стоит ли обсуждать это ещё; думайте сами и делайте свой выбор. Меня же в данное время больше занимают другие вопросы.

Например, удалось ли узнать ещё что-либо значимое о нашем капитане-докторе?

– Ваше предположение о том, что пассажиры обладают кое-какой небезынтересной информацией о нём, подтвердилось, – сказал я втайне радуясь возможности уйти от темы, принявшей малопривлекательный оборот. – Я, разумеется, не смог удержаться, и опробовал тот приём, который вы подсказали мне в прошлый раз. О том, каков был результат стоит рассказать в подробностях.

Как-то на днях, прогуливаясь по палубе, я обнаружил госпожу Чикенфиш, в одиночестве любующуюся волнами, и подошёл к ней, чтобы поздороваться. Завязался непринуждённый разговор о погоде и о разных пустяках, и тут мне пришло в голову, что сейчас – вполне подходящий момент для того, чтобы применить ваш метод. «А капитан-то наш, похоже, имеет богатое событиями прошлое...» – произнёс я с самым таинственным видом, на какой был способен. Госпожа Чикенфиш, услышав это, переместила очки с кончика носа на переносицу и внимательно на меня посмотрела. «Он уже рассказывал вам о своих белых драконах?» – спросила она меня с неподдельным любопытством, удерживаемым благовоспитанностью. Похоже, мне не удалось скрыть своё изумление, ибо она добавила, улыбаясь: «Вижу, что рассказывал. Он всем про них рассказывает и показывает эти свои фото – под страшным секретом, конечно. Странное поведение для взрослого мужчины, на которого возложена большая ответственность»

Она вздохнула: «Я бы поняла его, если бы он был мелкой сошкой и пытался таким странным образом добавить себе значительности. Но Краузе здесь – главный, и зачем ему это глупое чудачество? Иногда я думаю, что все мужчины – идиоты, только некоторые научились это скрывать лучше других; вот как вы, например» Тут госпожа Чикенфиш одарила меня материнской улыбкой, а я поблагодарил её за столь высокую оценку и спросил, что на корабле думают об этих драконах. «Мы далеко от большой земли, но не оторваны от мира; у нас есть способы находить информацию, – сказала она с некоторой гордостью. – Мы навели справки, и вот что удалось узнать. Жена Краузе жива-живёхонька, она и не думала умирать. Просто когда выяснилось, какой величины тараканы в голове у её мужа, она развелась с ним; и я её понимаю. Я и сама бы так поступила на её месте. Мой Натаниэль, конечно, сумасшедший, но не в такой степени. Теперь бывшая жена нашего немца замужем за другим, и, насколько нам известно, вполне довольна своей жизнью. Откуда взялась у Краузе фотография горящего отеля остаётся неясным, но это не особенно важно. Продолжим, родители нашего главнокомандующего тоже живы, они превосходно себя чувствуют, несмотря на возраст, и живут в почти курортных условиях, где-то в горах. Каждый месяц они шлют своему чудаку-сыночку длиннейшие письма, которые тот выдаёт за послания от своих дядюшек и тётушек. Фото с последствиями авиакатастрофы в ущелье не имеет к ним никакого отношения. И последнее – никто в роду Краузе не имел дворянского титула, и герб, который он показывает, не его. Этот герб принадлежит одному из малозначительных аристократических семейств Европы, которое в прошлом столетии прекратило своё существование из-за отсутствия потомства. Остаётся только фотография с обрушившейся статуей. Вот тут Краузе не врёт; именно так он и потерял ногу. Наверное, этот удар и породил его одержимость драконами»

– Наше путешествие становится всё интереснее, – прокомментировал Хигрум мое сообщение.

– А с самим капитаном вы имели беседу?

– Да, – сказал я. – Но о его идее-фикс речь не заходила. Обвинения в подтасовке не способствуют взаимопониманию.

– Это мудрое решение, – одобрительно кивнул головой мой гость. – Так о чём же вы тогда говорили?

– О драматургии, – с улыбкой ответил я, решив немного подразнить собеседника игрой в умолчания.

– Расскажите об этом? – не теряя благодушия, осведомился Хигрум.

– С удовольствием, – ответил я и, отбросив хитрости, перешёл к изложению нашего разговора

с капитаном:

– Вы и сами, возможно, ощутили, что наше путешествие проходит под невидимой сенью шекспировского гения. Когда я встретился с капитаном, чтобы отдать ему последнюю часть своего рассказа, он попросил меня присесть и заявил, что перечитал “Гамлета”. «Но ничего общего между ним и мной я не вижу! – сказал немец решительно. – Он – убийца, а для меня человеческая жизнь священна. Что заставило вас сравнить меня с ним?» «И он, и вы одержимы одной Ролью, имя которой – Ненависть,» – отвечал я. – “Вы оба подчинились этой древнейшей из Страстей, родные сёстры которой – Страх и Саможаление. И финал этой пьесы предрешён, если только вы не сумеете выйти из этой Роли, изгнать из своей души этого нечистого духа, покинуть тот механизм всеобщего разрушения, в котором оказались. Вы можете выбрать верный путь, и Гамлет мог; сам Шекспир видел эту возможность выбора и показал её в своей великой трагедии. Но сделал он это не открыто, а тем способом, который доступен лишь мастерам драматургического искусства. Хотите узнать, каким образом познаются тайные мысли гениев?» «Говорите» – пробурчал Краузе, и я продолжил: «Ещё умница Борхес заметил и оценил со своей точки зрения особый художественный приём, который применён в “Гамлете”, – введение в постановку ещё одной постановки. Применяя принцип “нет ничего случайного”, задумаемся – в чём тайный смысл этого редкого приёма? Мой ответ таков: этим необычным способом Шекспир намекает нам, что в его трагедии присутствуют двойники. И узурпатор трона, и неверная королева, и убитый король зеркально отразились в инсценировке, разыгранной по предложению хитроумного принца. Нам остаётся только пойти дальше и поискать двойников среди действующих лиц основной пьесы. И они с лёгкостью находятся. Таковы Розенкранц и Гильденстерн, внутренне схожие, как близнецы. Вместо угодливого Полония появляется столь же угодливый Озрик – сравните их диалоги с Гамлетом, в которых последний испытывает придворных на верность собственному мнению, и вы убедитесь в этом. А как же сам принц датский, спросите вы, кто соответствует ему в этом театре двойных теней? По замыслу автора, двойника Гамлет создаёт себе сам, по ходу действия, ибо у убитого им Полония есть сын, который охвачен той же жадной мести, что и сам Гамлет. Это – Лаэрт, и имя это, полагаю, также выбрано не случайно. В авторской литературе это имя впервые появляется в “Илиаде”; Лаэртом величали отца Одиссея. Таким образом, давая гомеровское имя антагонисту принца датского, Шекспир как бы предлагает нам сравнить Гамлета с героями древнегреческой поэмы. Не знаю, как вам, а мне, читая Гомера, в первую очередь бросается в глаза потрясающая инфантильность в поведении его героев. Я бы назвал этот эпос “Повесть о детстве”. Судите сами. Жрец Хрис, скучая по дочке, пленённой армией иноземных захватчиков, идёт к вражескому стану и предлагает за неё богатый выкуп. Однако Агамемнону нравится его новая игрушка – Хрисаида. Он далёк от соображений стратегии, ему не приходит в голову, что деньги пригодились бы ему для содержания армии, что портить отношения со священством – не в его интересах, и тому подобное. Подобно младенцу, ухватившему погремушку с воплём “моё!”, предводитель ахейцев впадает в гнев и отправляет жреца, угрожая расправой. Жрец, обидевшись совершенно по-детски, прибегает к заступничеству своего бога, как ребёнок, бегущий со своими печалью к старшим.

И бог его, словно разгневанный папаша или старший брат, карает обидчиков своего любимого жреца, совершенно не задумываясь – как ковбой, который сначала стреляет, а потом размышляет. Какие-то высшие соображения также не приходят в божественную голову, как и в головы простых смертных. Читаем дальше. Военная группировка ахейцев теряет людей из-за эпидемии, и лидеры, подозревая неладное, собираются на совет, чтобы порасспросить пророка о причине мора. Тот знает, чьё рыльце в пушку, но сразу выкладывать правду не хочет, видимо, наученный горьким опытом: «Я бы сказал вам, откуда беда, да Агамемнон меня приберёт, если никто не заступится!» И только когда Ахиллес обещает ему защиту, пророк рассказывает о божьем наказании за глупое царское упрямство. Разумеется, вождь взбешён. Он бы выместил злость на пророке, да с Ахиллом-заступником драться нельзя, больно силён. И тогда он находит другой путь выместить злость: «Это что ж, все с игрушками (трофеями), а я без? Я же главный, и останусь без всего? Пусть жрец подавится своей дочкой, но тогда Ахиллес отдаст мне свою долю!» Сказано – сделано. Хрисаида возвращается к папочке, богу посвящается гекатомба, а ахиллесову Брисаиду отводят к Агамемнону. Теперь приходит черёд кусать губы воспетому поэтом супергерою. Вы думаете, Ахиллес хоть чем-то отличается от всех остальных? Нет, он абсолютно такой же взрослый младенец, как и другие, покрытый крепкими мускулами и вооружённый до зубов ребёнок. Скрипя зубами от обиды и чуть ли не плача, он бежит к морю, где обитает его мать – третьеразрядная богиня, и начинает горько жаловаться: так и так, маманя, обидели меня жестоко, защити и утешь. И мама его тоже, несмотря на божественный статус, далека от божественной мудрости; вместо того, чтобы поучить сынка уму-разуму да мужскому поведению, она, утерев ему соплю, мчит на Олимп, чтобы просить разобраться в этой пустячной склоке самого наиглавнейшего. Смешно сказать, но Зевс не только выслушивает её с самым серьёзным видом, но и принимает соответствующие меры. Создаётся ощущение, что наивысшая из инстанций древнегреческой сакральной иерархии готова вмешиваться в любые ребяческие раздоры, которыми морочат

голову и себе, и другим недоросли всех мастей. Я не осуждаю героев "Илиады" за инфантильность, и не упрекаю Гомера за то, что он изобразил своих персонажей такими, как они есть, – это было время детства человечества, и по-другому быть не могло. Но читать это не слишком увлекательно, ибо интересны лишь те герои, у которых можно научиться чему-то стоящему. Более того, читать "Илиаду" тягостно. В ней воспет Гнев, и не только Ахиллесов, как это заявлено в первой строке.

Эта поэма пронизана всецельной и всепроникающей Ненавистью, которая подобно эпидемии поражает всех персонажей.

А теперь вернёмся в мир шекспировских образов, и сравним двойников.

Лаэрт, словно вышедший из древнегреческого эпоса, простой парень благородных кровей, не обезображенный интеллектом, готовый без размышлений ринуться в бой за убитого отца – с одной стороны. А с другой – Гамлет, тоже обуреваемый жадой отомстить за любимого родителя. Но ведёт он себя при этом совершенно по-другому, не потрясает оружием в священном безумии берсерка, не организует народное восстание, не ищет возможности подсыпая яд узурпатору. Он начинает ДУМАТЬ» «Король тоже думает. И Полоний.» – сказал капитан, считая, вероятно, что ему следует приводить какие-то возражения. «Вы правы, – не стал спорить я. – Они думают. Но мысли их не похожи на мысли принца датского. Это мысли людей, всецело озабоченных своим положением, выгодой и дальнейшей судьбой. Гамлета же преследуют мысли о попорченной Справедливости, поруганном Добре и торжествующем Зле. Никто другой помимо него в этой пьесе не руководствуется подобного рода высшими соображениями; к несчастью, они не спасают от Ненависти. Но это ещё не все. Помимо мыслей в Гамлете пробуждено особое чутьё – "С тех пор как для меня законом стало сердце..." говорит он в дружеской беседе. И это чувство, идущее от сердца, подсказывает ему, что он в ловушке. "Мышеловка" – так принц назвал ту пьесу, которую заказал актёрам. То, что эта инсценировка должна уличить короля в братоубийстве – только первое значение этого символа. Другой, более глубокий смысл открывается, если вспомнить, что эта внутренняя пьеса – отражение внешней.

Таким образом, полное название трагедии могло бы звучать так: "Гамлет, или Мышеловка". Совершенно не случайно принц датский восклицает – "Весь мир – тюрьма, и Дания всех хуже". Ведь обстоятельства складываются так, что, на первый взгляд, свободы выбора у него нет. Он – сын злодейски убитого монарха, и месть – его удел. Но где-то в самой глубине своей взрослеющей души принц чувствует присутствие некоей Альтернативы. И именно это смутное предчувствие выхода заставляет его колебаться. "Так что ж я медлю?" – спрашивает он сам себя, но ответы на такие вопросы не приходят сразу. Мудрость ещё не раскрылась в датском принце. Разум ещё не в силах ему помочь, высшая этика ещё неведома ему, а то чутьё, что заставляет его воздерживаться от злодеяний, ещё слишком слабо и непостоянно, чтобы спасти от гибельных ошибок. Он, как ныряльщик, уже поднялся с самого дна пучины неведения, чтобы мир света начал открываться ему, но ещё не достиг того предела, за которым он стал бы недостижим для Ненависти. Самое трудное испытание застигло его в момент перехода. Осознай он, что Ненависть – это тот самый бес, которых "смирят или изгоняют", и всё обернулось бы иначе. Принц датский был на полпути к тому, чтобы понять: Ненависть способна использовать самые возвышенные идеи, – воздаяния за преступление, восстановления справедливости, защиты добра – чтобы заставить человека взяться за Роль Мстителя и запустить механизм разрушения, который, как это показано в пьесе, перемалывает всех, кто пляшет под её дудку. Чтобы зримо явить возможность иного исхода Шекспиру понадобился ещё один двойник Гамлета» «Третий?» – скептически осведомился капитан, и я подтвердил: «Именно. Я сознавал, что Лаэрт – неполный двойник принца, мальчишка рядом с почти достигшим взрослости мужчиной. Но чтобы отыскать ещё одного двойника центрального героя, понадобилось время и некоторое мыслительное усилие, напряжённая работа "маленьких серых клеточек". Подсказкой может послужить одна любопытная подробность. Помните ли вы, как звали отца Гамлета?» «Погодите-ка, – задумался Краузе. – Что-то насчёт этого было в тексте... Не Гамлет ли?» «Так сказал могильщик, – подтвердил я. – Его спросили, когда он стал работать на кладбище, ответ же был таков: с того самого дня, как покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса. И теперь вы сами легко найдёте персонажа, который тоже носит имя отца, и имеет повод для мести за убийство родителя» «Фортинбрас, сын Фортинбраса... – задумчиво молвил немец. – Действительно, нечто общее между ними есть» «Конечно, сын норвежского короля лишён возможности отомстить непосредственному обидчику, ибо убийца его отца уже оставил наш лучший из миров. Однако, как явствует из разговоров стражи, территориальные претензии у парня остались, а этого вполне достаточно для Ненависти. И принц Фортинбрас, подчиняясь её приказам, собирает войско "за хлеб готовых в бой головорезов", чтобы отбить земли, которые считает своими. Но благодаря усилиям датской дипломатии почему-то отказывается от своих намерений. Перед нами тот самый случай, когда отлаженный и, казалось бы, всецельный аппарат разрушения, движимый Ненавистью, даёт сбой. В результате этого Фортинбрас не только остаётся жив-здоров, но и

получает свои земли без всяких потерь и усилий. Датская трагедия для него оборачивается хэппи-эндом. А теперь предположим, что принёс бы Гамлету отказ от мести. Представьте, что по каким-то причинам принц датский прекращает все попытки учинить самосуд. В таком случае цепочка событий принимает следующий вид. Полоний остаётся жив, Офелия становится женой Гамлета-младшего, а Лаэрт – фактически братом. Дядя, несмотря на узурпацию трона, изначально не ищет его смерти, стремясь, скорее, к союзу, чем к вражде с таким сильным противником; королева-мать – верный защитник интересов сына. Остаётся только мутящий воду призрак отца, но принц не напрасно подозревает в нём “демона зла”. По сути, так и есть – кто другой стал бы подталкивать людей к интригам и злодеяниям, завершившимся финальной мясорубкой? Итак, отказавшись от мести и с помощью экзорцизма изгнав призрак, Гамлет кругом выигрывает, и даже трон с короной в перспективе светят принцу, а не потомкам преступного Клавдия. Что не хватает ему для того, чтобы дать отпор Ненависти? Он имеет хороший пример для подражания – “Всё выстрадав, ты сам не пострадал. Ты сносишь всё, и равно благодарен Судьбе за гнев и милости. Блажен, В ком кровь и ум такого же состава” И далее: “Кто выше страсти? Дай его сюда, Я в сердце заключу его с тобою, Нет, даже в сердце сердца” Стремясь стать “выше страсти”, и зная – “Повторность изменяет лик вещей” Гамлету недостаёт только одного – того оружия, с помощью которого душа побеждает Ненависть. Это оружие – прощение. Сумел бы Гамлет простить – и трагедия перестала бы быть трагедией, превратившись в повесть о величайшей победе души» Я подождал отклика, но капитан погрузился в думы, и молчал. Мне ничего не оставалось, как перейти к завершению: «Человек, видящий лишь тёмные стороны жизни, превращает свою жизнь в трагедию; весельчак – в комедию; глупец – в фарс; мудрец – в притчу. Вы, как и принц датский, в состоянии изменить финал той пьесы, которую предопределила для вас Ненависть, если сможете воспользоваться подсказками и предостережениями Шекспира. Пусть вам помогут ваш Разум и ваше Сердце» Сказав это, я оставил капитана наедине с его мыслями.

– Вы превзошли самого себя, друг мой, – с искренним восхищением высказал своё мнение Хигрум. – Вас посетила муза! Где вы взяли это высказывание о трагедии, комедии, фарсе и притче?

– Оно слишком хорошее, чтобы принадлежать мне, – сказал я с самоиронией. – Но авторов его мне найти пока не удалось, поэтому оно пока бесхозное, как выросший на воле мустанг. Иногда мне приходит в голову, что самые выразительные и запоминающиеся высказывания не принадлежат никому. Они свободны, как ветер, и попытки связать их с чьим-то именем похожи на обычай выжигания клейма на коже пленённых животных. Вероятно, это происходит от того, что мнение, не имеющее автора, не вызывает доверия. Похоже, что люди доверяют авторитетам больше, чем собственному чувству прекрасного, «закону сердца» или, допустим, «закону разума». Давно известно – привычка искать опору не в себе, а в других приводит к рабству.

С другой стороны, присмотритесь к знаменитостям внимательнее и задумайтесь – создатели ли они, как это принято считать, или, скорее, удачливые охотники за теми идеями, что носятся в воздухе? Я не против интеллектуальной собственности и авторского права, но есть вещи выше, чем коммерческие принципы. Например, китаец может написать придуманное им стихотворение водой на каменной плите. Такое поэтическое послание проявлено в письменной форме всего несколько минут, после чего уходит туда, откуда появилось, словно вестник из иных краёв, честно исполнивший свой долг. Эта свобода от привязанности к результатам своего вдохновения приводит меня в немой восторг.

– Не говорите на эту тему с издателями, они могут понять вас неправильно...– улыбаясь, посоветовал мне Хигрум и, подумав немного, добавил: – Желание людей знать об авторе идеи или высказывания имеет смысл потому, что истинность этой идеи зависит от личности автора больше, чем вам кажется. В Китае есть пословица: в устах плохого человека истинное учение становится ложным, в устах хорошего – ложное учение становится истинным.

– Мне вот что интересно – а как вы видите собственную жизнь? – спросил далее мой любознательный собеседник, не переводя дыхания. – Трагедия это, комедия или притча?

– Жизнь – это синтез жанров, синтез игр; моя жизнь – не исключение. В ней, как в симфонии, находят себе место различные мотивы и настроения, – ответил я после некоторого раздумья. – Полагаю, трагического, пугающего и безумного в ней становится всё меньше, и эта тенденция меня, конечно, радует.

– Хорошо. А как бы вы завершили ту историю, в которой мы сейчас принимаем участие – как трагедию, фарс, притчу, или в каком-то смешанном стиле? – неутомимо допытывался мой гость.

– Сложно сказать, – сказал я в некоторой озадаченности. – Я не думал об этом, но всё же попытаюсь, поскольку ситуация выглядит как вызов.

– Это правильное видение, – подбодрил меня Хигрум. – Импровизируйте.

– Трагический финал сразу отбрасываем, – произнёс я с уверенностью. – В искусстве было уже достаточно смертей. Смерть – это всегда результат ошибок, порождённых непреходящим

неведением. Время требует позитивного мышления и точных решений, а потому завершение нашей истории должно быть оптимистичным. Но и идиотский хэппи-энд со свадьбой, внезапным обогащением, или неожиданным спасением от неминуемой гибели тоже не подходит – оставив штампы масс-культуры любителям примитива. Есть большое искушение прибегнуть к комедийной стилистике, но её одной будет недостаточно. Для идеального финала нам понадобятся не просто вызывающие смех комические образы, а персонажи, у которых можно было бы научиться чему-нибудь полезному. Юмор ещё не показатель мудрости, хотя мудрость редко обходится без юмора. С другой стороны, притчевая назидательность в её привычной однозначности скучна и малоэстетична. Ничто так не украшает произведение искусства, как недосказанность. Взяв всё вышесказанное на заметку, перейдём к обзору персонажей.

Прежде всего, отрицательных героев, в обычном понимании, у нас нет. Есть враг, борьба с которым не прекращается, но враг этот – внутренний, скрытый; имя ему – неведение, или, в другой ипостаси, эго. Вы, Хигрум, в наибольшей степени свободны от его влияния, поэтому ваша роль – советчик и учитель. Моя роль – ученик, вставший на путь освобождения, но ещё далёкий от совершенства Мастера. Мариша Хит персонаж сложный и многозначный, в ней присутствует и разрушительное, и очистительное начало, шиваистская энергетика; она, с одной стороны, такая же, как все, с другой – воплощение Неизвестности. Появление её означает, что определённый спокойный период подходит к концу, а на смену ему приходит неведомое будущее. В такие переходные моменты всегда возможны катастрофы. Можно ли их избежать, или уменьшить? И вот здесь невольно возникает предположение о существовании какой-то могущественной тайной организации, которая могла бы взять на себя нелёгкий труд по урегулированию подобных проблем и сглаживанию неприятных последствий. И вы, Хигрум, как нельзя лучше подходите на роль представителя подобной организации, курирующего деятельность таких потенциально опасных существ, как драхманские подкидыши.

Я вопросительно посмотрел на собеседника, но тот хранил молчание, загадочно улыбаясь. – Допустим, что совершая инспекторскую поездку по местам обитания дикарёныша, вы натолкнулись на меня, человека, непохожего на остальных, и поняли, что моё присутствие в данном месте и в данное время неслучайно. Этим и объясняется ваша готовность завязать знакомство, чтобы узнать обо мне больше, и по ходу действия определить, в чём состоит моё предназначение в сложившихся обстоятельствах. Это вам выяснить удалось – мне предстоит спонсировать драхманессу энергией, необходимой ей для призыва дракона. Таким образом, время её пребывания в человеческом мире закончится, и проблема будет снята. Однако остаётся ещё ряд вопросов, которые можно назвать процедурными. Как организовать развязку так, чтобы никто не пострадал?

Чтобы справиться с этим мне придётся поразмышлять вслух, а вы поправьте меня, если это будет необходимо.

– Начинайте, – весело подбодрил меня Хигрум.

– Техника передачи энергии не выглядит сложной. Я визуализирую образ госпожи Хит и мысленно говорю: выражаю намерение отдать необходимое количество энергии. При соответствующей концентрации это должно сработать. Драхманесса мгновенно получает недостающий ей заряд и тут же издаёт свой пресловутый «драконий свист». Можно предположить, что все обитатели нашего лайнера просыпаются, взбудораженные этим звуком. – Если не с первого, то со второго раза проснутся все, – подтвердил мой гость. – Дракониий свист повторяется троекратно: первый – пробуждает дракона, второй – даёт направление движения, третий – позволяет определить окончательную точку встречи.

– Через несколько секунд после всеобщего пробуждения должен включиться сигнал тревоги и поступить приказ «всем покинуть корабль».

– Это я беру на себя, – невозмутимо заявил Хигрум.

– Прекрасно, – сказал я, немного волнуясь. Мой «план катастрофы» слишком быстро обрастал реалистичными деталями.

– Но я, разумеется, не погружусь в спасательные шлюпки вместе со всеми.

– Разумеется, – улыбнулся мой собеседник.

– По какой-то причине я поднимусь на палубу тогда, когда шлюпки уже отдалятся от лайнера на безопасное расстояние. Но что будет этой причиной?

– Ваши соседи, – подсказал Хигрум.

– Ах да! Они же плохо слышат. Мне придётся потратить время... вероятно, много времени, чтобы разбудить их и убедить в необходимости спасаться. Потом надо будет помочь им собрать вещи и проводить наверх. Но как мы покинем лайнер, если не останется ни одной шлюпки?

– Я позабочусь о лодке для вас, для стариков Чикенфишей и для капитана, – обнадёжил меня мой гость.

– А, так с нами будет ещё и капитан! Конечно, ведь у них, у капитанов, принято оставлять тонущий корабль последними...

Я замолк, какая-то отчётливая картина всплывала перед моими глазами; я опустил веки и сосредоточился.

– Вот как мне это представляется, – сказал я через некоторое время. – Я поднимаюсь на палубу, которая уже сильно накренилась к корме; что-то горит во внутренних помещениях лайнера и дым клубами вырывается из люков. Оглядевшись, я замечаю лодку, привязанную к леерам неподалёку и провожаю к ней испуганных Чикенфишей. Станный неземной звук заставляет меня повернуться; я окидываю взором окружающее и замечаю одинокую женскую фигуру, неподвижно стоящую на неестественно задранным носу нашего корабля. Светает, и в утреннем сумраке небес появляется нечто, чему трудно дать какое-то определённое описание.

Некий энергетический сгусток огромных размеров невероятно быстро приближается к лайнеру и через несколько секунд замирает в воздухе над застывшей в сосредоточенной неподвижности женщиной. В этот момент слышится звук открываемой металлической двери, и на палубе появляется ещё одно действующее лицо – капитан Отто Зигмунд Краузе. Он одет в парадную белую форму, в одной руке у него старинный ковровый саквояж, в другой – большая книга, вероятно, судовой журнал. С суровой мужской печалью он оглядывает свой погибающий корабль; но вот взгляд его устремляется на то, что происходит на носу «Сан-Элизарио», и выражение его глаз меняется. Я тоже смотрю туда и вижу, что женщина медленно – словно облако дыма – поднимается вверх, к клубку бурлящих энергий. В этот момент саквояж и судовой журнал с громким стуком падают на палубу, капитан разражается яростными криками на немецком, и, выхватив из ножен парадный кортик, с невероятной для калеки быстротой ковыляет курсом на нос. Я настолько погружён в созерцание происходящего, что даже мысли о том, что надо вмешаться, не возникает в моём сознании. Но, к счастью, знакомый голос подсказывает: **ОСТАНОВИ ЕГО ПОКА НЕ ПОЗДНО.**

И тогда я выхожу из состояния всепоглощающей созерцательности и бегу за впавшим в безумие тевтонцем. «Капитан!» – кричу я в надежде задержать его. – «Отто Зигмунд Краузе!» И даже: «Доктор!» Он оглядывается на миг, но, узнав меня, вновь разворачивается, чтобы продолжить бег к своей последней битве, однако в этот момент мне удаётся ухватить его за плечи, и мы валимся на палубу, которая с каждой минутой кренится всё круче. Капитан – крепкий малый, и удерживать его нелегко, поэтому происходящее на носу выходит из моего внимания. Внезапно немец прекращает попытки добраться до врага, я поднимаю глаза и вижу, что гигантское энергетическое облако с немыслимой скоростью удаляется от нас и скрывается за линией горизонта.

Несколько секунд, тяжело дыша, мы наблюдаем это фантастическое зрелище. Однако вскоре до нас доносятся истошные крики – это Чикенфиши пытаются привлечь наше внимание к тому, что времени у нас остаётся всё меньше. Мы в молчании поднимаемся, идём к лодке, подбирая по пути саквояж, судовой журнал, даже капитанскую фуражку, и переправляемся на наше небольшое спасательное средство, пытаюсь успокоить нервничающих стариков. Лодочный мотор оглашает своим рёвом морские просторы, и мы быстро удаляемся от погружающегося в океанские воды лайнера, с которым у всех нас было так много связано. Но теперь мы свободны от него, а он – от нас. «Вероятно, потери – это единственный путь к свободе» – приходит мне в голову мысль. Эта сентенция не отличается новизной, но в данных обстоятельствах она ощущается с необыкновенной остротой и яркостью.

Закончив это описание, я погрузился в безмолвие. Мне нужно было освоиться с увиденным.

– Это не фарс и не трагедия, не комедия и не притча, – тактично помолчав, высказался Хигрум. – Что же это? Как вы сами определили бы жанр того, что происходит с нами?

– Отчасти детектив, – ответил я с улыбкой. – Отчасти фэнтези, отчасти учебное пособие. Кто-то посчитает это безвкусной мешаниной, хаотичным конгломератом, другой назовёт это синтезом жанров.

Но так ли важна трактовка? Всем другим учителям я предпочитаю Жизнь, а она всегда выходит за рамки канонов; и мне не остаётся ничего другого, как следовать её примеру.

ЭПИЛОГ

– Хочу поговорить с вами, друг мой, пока наши спутники дремлют... Мне тяжело вспоминать о своём поражении. Тот дракон внутри, о котором вы, Ник, говорили, одержал победу. Как только я увидел это белое чудовище над Маришей, я забыл о всех ваших увещеваниях и впал в ярость. Ненависть овладела мною моментально, все благие намерения испарились бесследно, словно их и не было. Я проиграл без борьбы.

– Вы и не могли выиграть, кэп; никто не меняется сразу. Одних только благих намерений мало, помыслы должны переходить в поступки. Эти правильные поступки обладают удивительным и таинственным свойством – они накапливаются. Как только их сумма достигает определенной величины, происходит переход количества в качество, особого рода квантовый скачок; вот тогда человек и меняется.

– Долго ли мне придётся копить правильные поступки?

– Это зависит от разных причин. С одной стороны, есть врождённые предрасположенности, которые у всех нас различны, но важнее всё же другое. Думаю, что скорость изменения

зависит от того, сколько времени человек пребывал в состоянии неведения. Чем дольше он находится в этом болоте, тем глубже погружается и тем труднее ему оттуда выбраться. С каждым годом инерция неведения всё увеличивается, и, соответственно, преодолеть её становится сложнее. Поэтому чем моложе человек, тем проще ему что-то переменить в своей жизни. Бывают случаи, когда пробуждение происходит даже в детстве, для него не требуется высокий интеллект. Не случайно Иисус говорил о детях, что им принадлежит Царствие Небесное.

– Что вы имеете в виду? Царствие Небесное – это что-то из области религии.

– Царствие Небесное – это не просто старинная библейская метафора, это – многозначный и вдохновляющий образ, подаренный нашей культуре гениальным Учителем; этот образ вводит нас в мир его учения, и, если вам интересно, кэп, я могу рассказать о том, как я понимаю это выражение.

– Вы так непринуждённо философствуете, будто мы беседуем в кафе или на веранде загородного дома... С другой стороны, лучше говорить, чем изводиться от тревоги. Что ж, давайте побеседуем о Царствии Небесном.

– Для меня очевидно, что это выражение имеет несколько значений; каждое из них приходится определять по контексту. Скажем так, «Царствие Небесное» – не научный термин, а особого рода символ, в котором можно найти несколько смысловых уровней, или слоёв. Попробуем перечислить хотя бы некоторые. В России говорят, когда вспоминают умерших – «Царствие им Небесное».

Получается, что в народном сознании Царствие Небесное, или Божие – это рай, или загробный мир. Так это, или нет, судить не мне. Есть интересные гипотезы, касающиеся этой сферы, но эти гипотезы пока не имеют ни доказательств, ни опровержений, и, поскольку мой личный опыт не даёт мне оснований для каких-то выводов, то обсуждать этот аспект в данный момент я считаю преждевременным.

Другой смысл этого термина – будущее государство Христа, в котором воплотятся все мечты об идеальном общественно-политическом устройстве. Доказательством этой версии могут послужить, например, образы Апокалипсиса, видения апостола Иоанна.

Но слова самого Иисуса – «Царствие Небесное внутри вас есть» – указывают на существование ещё одного смыслового слоя.

Чтобы обнаружить его, необходимо отказаться от всякой предвзятости. То есть, надо поставить целью не доказательство уже готовой и полученной из вторых рук расшифровки, а поиск тех первичных значений, которые вкладывались в это выражение самим Учителем. При этом надо учесть, что во времена Христа люди не имели такой развитой культуры, как ныне, и Учителям приходилось самим изобретать и придумывать те образы и символы, которые служили бы прояснению истины. И поскольку язык науки ещё не был так развит, как сегодня, то приходилось использовать язык поэзии и мифов, который был уже достаточно распространён, чтобы быть понятным большинству.

Прежде всего стоит упомянуть, что Царствие и Царство – понятия не во всём совпадающие, хотя в некоторых переводах Писания встречается и то, и другое выражение. Царство – это страна, территория, населённая людьми, организованными в некую единую структуру. А Царствие – это процесс. Сравните – «шествие», «движение», «улучшение»; окончание «-ие» указывает на действие, имеющее некую протяжённость во времени. Если перевести на современный язык, то наилучшим эквивалентом для «царствия» будет, на мой взгляд, слово «правление», или «управление». У меня нет информации о том, имеются ли указанные смысловые особенности в оригинальных текстах. Тем не менее, данное обстоятельство показалось мне заслуживающим внимания. Итак, «внутри нас», то есть, в сознании, возможно некое особенное правление, которое коренным образом отличается от того, что мы обычно имеем. На этом этапе анализа уместно прибегнуть к противопоставлению и поискать антитезу этому гипотетическому «небесному правлению». Небесам обычно противопоставлена земля. Так мы приходим к понятию «царствие земное».

Что получается? В сознании человека возможно правление небесное, которого можно и нужно достигнуть, и земное, к которому человек приходит сам, в процессе обычной жизни. Фактически речь идёт о двух состояниях сознания, или о двух типах настройки сознания. Невольно вспоминаются восточные выражения – просветление и пробуждение, которые тоже ведут нас к противопоставлению – тёмному сознанию противостоит просветлённое и спящему сознанию – пробуждённое; так говорят нам Йога и Буддизм (думаю, что Иисуса Христа можно назвать иудейским коллегой Будды Шакьямуни, поскольку оба они – создатели эффективных систем совершенствования и развития духовных способностей человека). Далее, вернёмся к текстам Евангелий и прочтём их с учётом новой версии истолкования понятия Царствия Небесного. «Недалёко ты от Царствия Божия» – с одобрением говорит Учитель собеседнику, демонстрирующему правильный образ мыслей. Судя по контексту, речь тут идёт не о предполагаемом государстве будущего. Намёк на посмертное вознаграждение? Что-то не очень похоже. А вот если мы используем новую трактовку, то всё получается очень логично и понятно – «недалеко ты от просветления (пробуждения)». Идём дальше.

У Матфея встречается чрезвычайно многозначительное сочетание слов – «книжник, наученный Царствию Небесному». Получается, что Царствию Небесному можно научить. Эти слова наполняются смыслом, только если речь идёт об особой настройке сознания. Не буду утомлять вас многословным перечислением всех подтверждений, которые имеют место в текстах Нового Завета; скажу лишь, что они встречаются слишком часто, чтобы можно было говорить о случайности или единичном совпадении. Я предлагаю вам самому в этом удостовериться, перечитав как-нибудь при случае Новый Завет.

– Непременно. Если нам доведётся выбраться из этой передрыги, то будьте уверены – прошудирую всех евангелистов. А на что оно, по-вашему, похоже, это Царствие Небесное? Что вы чувствуете, когда в нём находитесь?

– Представьте, что вас оставил страх. Представьте, что вы больше не подвержены припадкам ненависти. Представьте, что сожаление больше не способно причинить вам боль. Можно ли передать словами это ощущение лёгкости и свободы? Вряд ли, это можно только переживать, как нечто необыкновенное, как чудо, изменяющее абсолютно всё. Могу вас заверить – ни с чем другим спутать это нельзя.

Однако я бы хотел вернуться к рассказу о своих исследованиях. Какое-то время мне казалось, что загадка прояснилась и можно успокоиться на достигнутом. Но чувство некоей незавершённости концепции оставалось, и мысль продолжала работать, как бы сама по себе. Посмотрим на проблему с позиции историософии. Царствие Небесное – многовековая мечта человечества. Неужели этот вдохновляющий образ – лишь инструмент манипуляции общественным сознанием, используемый корыстными пиар-деятелями прошлого? Неужели Иисус и его ученики говорили только об индивидуальном самосовершенствовании и ни о чём больше? Эти соображения подталкивали к дальнейшим размышлениям, пока, наконец, до меня не дошло: законы развития сознания человека и сознания общества идентичны. Есть индивидуальное царствие небесное – как просветление одного человека, и есть всеобщее Царствие Небесное – просветление и пробуждение всего человечества, единого сверхорганизма, состоящего из миллиардов клеток-людей. Если так, то этот символ указывает не на какое-то идеальное царство-государство под управлением некоего сверхсущества, он говорит о достижении человечеством особого состояния высокой духовности и чистоты, о восхождении на новый эволюционный уровень общественного сознания. Это и будет тем небесным правлением, к которому стремится вид Homo Sapiens, тем массовым квантовым скачком, который станет естественным результатом всех наших непрекращающихся усилий.

– Да вы мечтатель, Ник. Никаких предпосылок к такому повороту событий я не вижу.

– А мне представляется, что я прагматик из прагматиков, далёкий от мечтательности. Вы не видите того, что видно мне, по вполне объективной причине. Она заключается в том, что вы не обучены распознавать некоторые аспекты окружающего мира, но это поправимо. Как только вы научитесь воспринимать события не только как единичные факты, но и как следствия длительных, многоступенчатых процессов, то вы, кэп, придёте к такому же выводу. Эволюция в широком смысле – это нечто столь же очевидное, как и это море, эта лодка и это Солнце. Она похожа на путешествие по реке, или по течению, и мы, люди, в состоянии ускорить или замедлить своё движение, даже остановить и повернуть вспять.

А Царствие Небесное – это предстоящий этап путешествия, и человечество либо достигнет его, либо прекратит своё существование.

С другой стороны, войти в своё Царствие Небесное уже сейчас, при жизни, не запрещено никому. При этом вы не просто станете жить и чувствовать так, как будут жить и чувствовать люди светлого будущего, вы станете прогрессором, то есть, катализатором всеобщего процесса развития, агентом влияния будущего.

В связи с этим уместно привести следующую точку зрения. Предположите, что люди сгруппированы в три команды – одна прикладывает усилия к индивидуальному и всеобщему развитию, другая ограничивается тем, что поддерживает существующий уровень эволюции и традиционный порядок вещей, третья отдаётся во власть регрессивных сил и тенденций, приняв сторону тех, кто заинтересован в деградации. Тогда мы приходим к удивительной концепции Большой Игры, в которой участвуют все без исключения.

Свобода человека – это свобода выбора своей команды. За прогрессоров играть всего сложнее, но зато интереснее. Ведь в этой команде – самые яркие и талантливые игроки. Вы наверняка слышали выражение «он опередил своё время». Человек такого рода живёт не только в своём времени; дверь в будущее открыта для него и он прогуливается по садам грядущего мира так же свободно, как и по тропинкам настоящего или прошлого. И не просто прогуливается, а переносит в настоящее те трофеи, что нашёл в своих путешествиях.

– А как с этим сочетается ваша привязанность к вкусной пище? Не будет ли ваше будущее заселено обжорскими от обжорства толстяками?

– Лишние килограммы – это свидетельство отсутствия культуры пищи. Есть культура восприятия музыки, культура восприятия живописи, литературы, и так далее, а культура питания входит в этот ряд наравне с прочими. Человек, знающий толк в таких вещах, всегда чувствует, когда ДЕЯНИЕ должно смениться соответствующим НЕДЕЯНИЕМ.

Например, такому деянию, как питание, соответствует своё недеяние – голодание. Последнее не только очищает организм, но и обостряет восприятие пищи (стойки сознавали и использовали это). Люди, не знакомые с практиками голодания, фактически не имеют представления о подлинном вкусе блюд, поскольку их восприятие пищи «замылено» ежедневным поглощением еды. Кроме того, повышая культуру восприятия, человек естественным образом приходит к непривязанности. Она появляется, когда и деяние, и недеяние становятся равноценными, то есть, когда и музыка, и тишина, и слово, и молчание, и питание, и голодание вызывают одинаково позитивные эмоции.

– Мне это непонятно. Голодание – это страдание, как оно может приносить радость?

– Как вы перепрограммируете себя, кэп, так и будете чувствовать.

– Это перепрограммирование не очень-то привлекательно выглядит. Ещё околеешь с голодухи.

– Чувство меры подскажет вам, когда нужно завершать любое деяние, чтобы начать соответствующее недеяние, и наоборот. Подобно чувству равновесия, которое срывается, когда вы слишком далеко отклоняетесь в ту или иную сторону и теряете баланс. А перепрограммировать себя нужно хотя бы для того, чтобы ощутить подлинный вкус не только пищи, но и жизни в целом. Могу вас заверить, что вы его позабыли. Это чистое, ничем не замутнённое ощущение жизни бывает в детстве, но потом уходит, как кажется – безвозвратно. Однако более совершенному и естественному способу восприятия мира можно научиться заново.

– Эти ваши разговоры об обучении восприятию кажутся мне странными. Разве восприятие не дано нам с рождения в готовом виде? Разве мы воспринимаем не одно и то же? Разве вещи сами по себе не такие, как мы их видим?

– Возьмём свежий пример. Во время кораблекрушения вы видели, насколько я понял, белого дракона, о котором так часто думали. А вот я воспринимал этот объект иначе – как поле энергии, не имеющей формы. Я спросил у Чикенфиша, что видел он, и его ответ меня изумил. Оказалось, ему привиделось НЛО, похищающее очередную жертву для экспериментов. Потом, мадам Чикенфиш тоже видела нечто, но что именно, говорить не хочет – из опасения быть заподозренной в сумасшествии, вероятно. Она, чтобы отделаться от расспросов, заявила, что видела облако, низко стелившийся утренний туман, принявший причудливую форму. Но я чувствую, что это – просто компромиссная версия, не совпадающая с тем, что ей привиделось на самом деле.

Таким образом, мы, наблюдая один объект, воспринимали его по-разному. Вы думаете, это необычно? Ошибаетесь, это несовпадение – вполне распространённое явление. Следователи и уфологи, например, при опросе свидетелей с этим сталкиваются постоянно. Да и в других областях это не редкость. Вспомните стихотворение про трёх смелых звероловов – один видит оленя, другой – корову, третий – пень, хотя смотрят на одно и то же. Выражаясь научно, их системы идентификаций работают по-разному. Это различие становится ещё более явным, когда люди не просто иначе распознают что-то, а даже не воспринимают вовсе. Психология знает примеры удивительной «слепоты» и «глухоты» людей, которые сталкиваются с незнакомыми им явлениями. Вспомните слова, ставшие крылатыми, – «имеют уши – и не слышат, имеют глаза – и не видят». В наше сознание проникает только то, что мы научились воспринимать, а большая часть поступающей нам информации отсеивается, либо перерабатывается бессознательно, помимо разума.

Что это означает для нас? Только то, что мы живём в реальности, с которой, на самом деле, весьма мало знакомы. И если в вашем мире нет места неизвестности, нет места чудесам, это свидетельствует только о том, что развитие вашего восприятия остановилось.

– Другими словами, «в жизни всё совсем не так, как на самом деле». Приходило вам в голову, что сумасшедшие тоже чувствуют иначе, слышат голоса...У них что, развитое восприятие?

– Скажем так – расширенное. Или смещённое, относительно общепринятого диапазона. Если аппарат восприятия более развит чем аппарат мышления, то неадекватность поведения становится вполне реальной перспективой. Когда поток информации, воспринимаемый человеком, увеличивается, то увеличивается и нагрузка на аппарат анализа и обработки этой информации, то есть, на разум. Представьте, кэп, что количество поступающей информации превышает возможности обрабатывающей её системы, в данном случае, нашего аппарата мышления; в результате таких перегрузок последний может выйти из строя – временно или навсегда. Поэтому тренировка разума – первоочередная задача современного человека, ведь информационное давление постоянно увеличивается вне зависимости от того, занимаемся мы самосовершенствованием или нет. Если же смотреть в целом, то самосовершенствование предполагает комплексность, движение по нескольким направлениям.

Чтобы пояснить это, можно прибегнуть к аллегории, издавна применяемой наставниками самосовершенствования, и сравнить человека с колесницей, управляемой возничим – сознанием, и движимой конём – энергетикой; тело же играет роль повозки. Если ум-возничий плох, то и конь-энергетика слабеет и колесница-тело разрушается, если колесница несовершенна, то и возничему сложно править, и коню не разбежаться, если конь слишком норовист, или недостаточно силён, то и у возничего проблемы, и колесница недолго прослужит.

Есть хорошая поговорка – «в человеке должно быть всё прекрасно». То есть, и сознание, и энергия, и тело должны быть гармонично развиты. Это вполне может быть положено в основу самосовершенствования, ибо красота – атрибут гармонии, а значит, эффективности и практичности.

Но вернёмся к требованию комплексности в развитии. Забыв о ней, люди становятся односторонними, а односторонность эволюции вполне может привести к патологии, вроде дзенской болезни. Развитие не только тела, но и энергетики, и разума – это необходимость, а не пожелание, которым можно пренебречь.

Например, есть изумительная методика, «качающая мышцы» вашего интеллекта так же, как тяжелоатлет качает мускулатуру. Она называется «думание».

– Вы всё шутите.

– Смех – это практика, спасающая от чрезмерной озабоченности практиками. Иногда встречается мнение, что в спланированной и осознанной жизни нет места юмору, или спонтанности и неожиданности. Однако всё совсем наоборот – юмор, спонтанность и неожиданность становятся частью плана и частью стратегии осознанности, им рады и всегда к ним готовы, как готовы к приходу любимых гостей, которые имеют привычку появляться без предупреждения. Спланированность и стратегичность жизни не имеют ничего общего с автоматичностью и рутинной, как может показаться. Наоборот, именно правильная стратегия и приносит свободу от стандартизованного, механически повторяющегося поведения, от власти бесполезных привычек.

Для осознания этого предлагаю вам поразмыслить вот о чём. В жизни любого человека время от времени случаются моменты истины. Например, вспомним сцену, когда капитан Ахав в изумительной книге «Моби Дик, или Белый Кит» слышит фразу «Ахав, берегись Ахава». В этот момент он чувствует нечто странное, что заставляет его реагировать необычным образом. Вместо того, чтобы разозлиться, он неожиданно приходит к мнению, что сказавший эти слова старпом – хороший человек. Причиной этого заключения является, по-видимому, благодарность.

За что? За знание, которое бесценно. Может быть, впервые в жизни упрямый капитан обращает взгляд не на внешние угрозы, а внутрь, на тех монстров, что обосновались в его собственном разуме. И в этот миг тьма в его сознании озаряется светом, как от сверкнувшей молнии. Но этот момент истины так и остаётся моментом, единичным случаем, не способным изменить сложившиеся схемы поведения.

Другой момент истины капитана Ахава тоже весьма показателен. Причиной его стала успокаивающая безмятежность окружающей природы. Слушая ненавязчивые голоса океанских волн, всматриваясь в освещённые ласковым Солнцем небеса, вдыхая чудесный морской воздух, капитан помимо воли перешёл в иное измерение, иную систему координат, где ненависти, мести и исступлённому стремлению уничтожить просто не было места. Освободившись от человеческого видения, капитан ненадолго соприкоснулся с планетарным сознанием. «Один миг гармонии с природой стоит целой жизни» – свидетельствует великолепный суфий Хазрат Инайят Хан.

К какой мысли я хочу вас подвести? Человек, живущий осознанно, придерживающийся правильной стратегии, делает эти спонтанные моменты истины постоянным атрибутом своей жизни. Он ищет и находит их, как опытный таёжный собиратель ищет и находит грибы, полезные растения и прочие необходимые ему дары леса. Эти моменты истины, систематически переживаемые, бережно накапливаемые, в итоге сливаются в единое целое, превращаясь из моментов в минуты, часы и дни истины, и давая жизни такое изумительное качество, как ясность. И тогда уже неведение, заволакивающая сознание тьма непонимания, становятся эпизодическими, краткосрочными состояниями, всё более уменьшающимися по мере дальнейшей практики. В итоге, рабское подчинение каким-то жёстким стандартам поведения сменяется свободой импровизации.

– Вы так говорите, будто сами переживали это – просветление, пробуждение, ясность.

– Все мы способны переживать такие состояния. Я не призываю вас верить в мою просветлённость; напротив, я был бы рад, если бы решили проверить правдивость того, что слышите. Но лучший способ сделать это – не тестировать меня на полиграфе, а внести позитивные перемены в своё собственное существование, пользуясь теми рецептами, которые так эффективно служат и мне, и любому исследователю процесса, именуемого Жизнь.

– Я, кстати, читал ту книгу, о которой вы упоминали, «Моби Дик». Она показалась мне какой-то странной. Кусок о том, кусок о другом, разношёрстная, как лоскутное одеяло. Я такое не очень понимаю.

– Хотите узнать моё мнение о том, почему в этой книге столько разноплановых фрагментов? Это не случайность, а чётко обозначенная авторская позиция. Творческий метод Мелвилла, применённый в его лучшей книге, уникален; его главная отличительная черта – стремление к той самой комплексности, к широте и многосторонности в исследовании избранной темы – китобойного промысла, что и превращает книгу в особый образ организованный детализированный обзор, совмещённый с захватывающим сюжетом. «Я берусь за всё и достигаю, чего могу» – так автор выразил своё кредо. Обратите внимание, что текущая вокруг

нас Жизнь – процесс многоуровневый и многоаспектный. Участвуя в этом процессе, мы постоянно меняем не только направление своего внимания, но и уровень осмысления воспринятого – от предельно конкретного до тех высот абстрактности, которые нам доступны. Если вы займётесь самонаблюдением, то непременно отметите эту особенность. То же самое делает и Герман Мелвилл – он привлекает наше внимание то к одному аспекту происходящего, то к другому, рассматривает объект анализа то с одной точки зрения, то с другой. Принцип комплексности, даже тотальности, применённый в книге, необычен не только для своей эпохи, но и для нашего времени, когда по-прежнему преобладает узкая специализация. Тот, кто сам стремится к комплексному охвату, легко опознает это стремление в других. Вряд ли вы будете возражать против того, что творение Мелвилла сложно отнести к какому-то традиционному литературному жанру; скорее, это их сплав и соединение, на мой взгляд, удачное, хотя и не лишённое отдельных недостатков. Но мне интересней положительные стороны книги, её художественные удачи.

Образ Ахава, например, очень точно отражает такое явление, как фанатизм; демонстрируемая им абсолютная поглощённость своей ролью превращает человека в какой-то биологический механизм, в робота, подчинённого одной программе. В отличие от Гамлета, который сердцем чувствует разрушительный, тёмный характер роли, которую заставили его играть обстоятельства, капитан Ахав почти не подвержен проблескам иного, более продвинутого видения своего положения, текущих ситуаций, людей и их поступков. Такое прекрасное качество, как верность принципам и избранной линии поведения, становится у него непримиримостью, неумением и нежеланием воспринимать что-то качественно новое, неспособностью расти и развиваться. Так Ненависть берёт нас в плен и делает своими марионетками, пока не разрушит, наигравшись вволю. Таков итог и книги Мелвилла, и трагедии Шекспира.

– Кстати, насчёт «Гамлета»...Не все действующие лица там имеют двойников. Может быть, вы что-то напутали со своей схемой зеркальных отражений?

– То, что Офелия и, по-видимому, Горацио, не имеют двойников – очень многозначительное обстоятельство, не находите, кэп?

Если Офелии отдана роль Любимой, а Горацио – роль Друга, Советника, и, в определённой степени, Наставника, то отсутствие у этих персонажей аналогов-отражений наводит на интересную мысль. Не хотел ли этим Шекспир подчеркнуть уникальность Любви, Дружбы и Духовного Водительства? Думаю, именно на единственность и неповторимость каждого проявления этих высоких качеств указывал нам гениальный драматург, оставив некоторых персонажей, так сказать, без пары. С чем ещё можно сопоставить Офелию, как не с Любовью? И вот, столкнувшись с Ненавистью, Любовь-Офелия угасает и умирает, как придавленный ногой росток. И не остаётся никого, кто мог бы занять её место, как было занято место, например, Полония. Все сюжетные повороты трагедии – весьма красноречивы, если уметь прислушиваться.

Присмотримся к Горацио. О нём нельзя сказать почти ничего. Это кажется свойством посредственности, но посредственность-то как раз и любит громогласно заявлять о себе. А умение уйти в тень, стать незаметным, абстрактным существом – одно из главных отличий подлинной Мудрости. Часто ли она встречается в реальной жизни? Вот и в шекспировской трагедии, у этой роли нет других исполнителей, кроме Горацио. Стоит задуматься об этом, когда придёт в голову мысль ещё раз перечитать «Гамлета».

– Как ни пытался я поймать вас на противоречии – всё напрасно. И в этом я тоже проиграл...

– Проиграли? Вы считаете, что успех основан на чьём-то проигрыше, что победа одного оборачивается поражением другого? Это не всегда так, кэп. Я предлагаю вам подумать о следующем. Мы не просто коротаем время за разговором, а обмениваемся идеями; вы получили их целый пакет. А идеи – это те семена, о которых говорится в притчах Нового Завета. Если эти семена прорастут в вашем сознании, то оно получит возможность выйти на новый уровень, и это – настоящее, не придуманное чудо. Так о каком проигрыше вы говорите? Прислушайтесь к себе, кэп, и ваше чувство скажет, что вы не проиграли, а остались в выигрыше, более того, сорвали банк, обрели нечто значительное, о чём даже не предполагали. Это ли не победа? Вы баловень фортуны, кэп, и если научитесь укрощать безумие и прислушиваться к разуму, то сумеете распорядиться своим выигрышем правильно.

– Мне бы хотелось этого. Но то, что вы предлагаете, кажется мне невыполнимым. Разве под силам это обычному человеку? Ведь есть люди одарённые, которым всё даётся легко, и середняки, которым приходится напрягаться и потеть, чтобы хоть немного продвинуться.

– Представьте себе первоклассника. Малыш, который по меркам взрослых почти ничего не умеет и не знает, слабосильный во всех отношениях, нуждающийся в опеке и руководстве. А теперь представьте рядом с ним выпускника школы – уже выросшего, получившего достаточно знаний и умений, чтобы войти в общество взрослых и позаботиться о самом себе. Разница огромная, не так ли? Далее представьте, что может подумать первоклассник о выпускнике? «Я никогда не смогу стать таким, как он» – вот что приходит ему в голову, когда

он начинает сравнивать себя со старшеклассником. Но он ошибается, как ошибаетесь и вы, предполагая, что эволюция вам не под силу. И таланты, и люди средних, и даже низких способностей обладают возможностью развиваться и достигать высочайших вершин. Путь даёт силы продолжать путешествие. Вы встречались с мнением, что Жизнь – это школа? Так и есть. Даже бездари могут пройти весь курс обучения, доступный человеку.

– На словах всё замечательно. Однако реальная жизнь и разговоры об этой жизни – разные вещи. Вот мы сейчас мило беседуем, гадаем о будущем, а случись шторм – пойдём на дно со всеми своими замыслами и блестящими перспективами.

– Это вряд ли. Нет ничего случайного. Наша смерть, в большинстве случаев, есть итог той жизни, которую мы выбрали. Иначе говоря, выбирая сценарий жизни, мы выбираем сценарий и смерти. Случайности тут места быть не может. Всё, что происходит с нами и вокруг нас имеет цель и смысл, которые не всегда нам ясны, но искать и находить этот смысл – наша задача. На самом деле эти поиски – самое интересное из всех человеческих занятий. Ведь мы по своей природе – исследователи и путешественники. Попробуйте прочувствовать это. Отбросьте страхи и нарисуйте в уме картину благоприятного развития событий.

Оглянитесь вокруг и дайте безмятежности природы проникнуть в вас и наполнить энергией. Погода чудесная, океан спокоен, Солнце дарит нам свою любовь, щедро посылая свой свет. Прислушайтесь к звукам природы – это песня, которую мир напевает нам. Никуда не надо торопиться, не надо спешить и напрягаться, мы получили отпуск от всех забот, и этим подарком судьбы стоит воспользоваться. Могу вас уверить – у нас всего достаточно, чтобы в спокойствии и радости продолжить наше незапланированное путешествие.

Чувствуйте себя не жертвой обстоятельств, а частью этого большого и прекрасного мира. Этот мир – живой и растущий мегаорганизм. Пока вы живы и развиваетесь – ваши цели, и цели этого гигантского сверхсущества совпадают. Вы не противопоставлены миру. Вам по пути друг с другом. Сейчас почувствовать это легко, ибо мы остались наедине с высшим сознанием, которое говорит с нами посредством моря, неба и ветра. Нас не отвлекает пустая суета, человеческие иллюзии, мелкие страсти и крупные заблуждения, которые навязаны нам другими. Смотрите – даже наши пожилые спутники мирно дремлют, не мешая нам слышать окружающее. Общение с миром – это чудесный процесс, и научиться этому не так сложно. Для общения не обязательно нужны слова. Когда вы говорите с собакой, то не рассчитываете на то, что значение слов ей известно, не так ли? Вы стараетесь найти с ней эмоциональный контакт, донести до неё свои чувства. Но донести чувства можно и без слов. Если ваши эмоции достаточно сильны и длительны, они обязательно дойдут до того, на кого направлены. Если вы будете думать об окружающем мире с любовью, то ваша любовь наполнит его. И он ответит вам тем же. В этом и состоит главный секрет контакта с миром. В такие изумительные дни, как этот, с окружающим нас миром можно общаться часами. Почувствуйте, как хорошо относится к нам всё, что находится вокруг. Волны качают нашу лодку, как мать – колыбель любимого ребёнка. Ветерок приносит изумительные морские запахи и приятно холодит кожу, разогретую любящим нас светилом. Эти проявления любви достойны того, чтобы ответить на них любовью, не правда ли? В этом общении с миром есть особый смысл. Это не просто радость, это достижение гармонии, которая шаг за шагом изменяет нас и нашу жизнь. По-русски, гармония – это лад. Войдя в лад с миром, вы сможете вздохнуть с облегчением, когда на собственном опыте убедитесь – вам не надо бороться за выживание.

Разве клетки мозга заняты борьбой за существование? Нет, их задача – безупречное функционирование в аппарате высшей нервной деятельности. Это относится и к людям. Когда человек гармонично сонастроен, слажен с миром, его главным интересом становится достижение безупречности. Чем в таком случае будет наше плавание по водам безграничного океана? Битвой за жизнь? Или способом укрепить свою связь с природой, как уже было сказано?

Строго говоря, мнения возможны разные. В этом нет ничего страшного. Потому что, несмотря на разнообразие воззрений, есть некая истина, которая способна обобщить и объединить все мнения и взгляды, которая сможет включить в себя все остальные точки зрения. Мне кажется, что эта истина проста и может быть легко рассказана всем, кто в ней нуждается, но... готовое мнение, как известно, имеет небольшую ценность.

Если я выскажу его, то завеса незнания вряд ли спадёт с ваших глаз. И пока наше путешествие не закончено, я предлагаю вам, кэп, самому подумать об этом и поискать свой собственный ответ. Читайте этой игрой, которой часто развлекаются люди в совместных походах. Чтобы найти решение вы можете, если хотите, применить те рецепты, с которыми я вас познакомил, или воспользоваться собственными, или поискать что-то ещё. В конце концов, по-настоящему важным является лишь понимание того, что наши искания не бесполезны и на все наши вопросы есть достойные ответы. И пока мы находимся в поиске таких ответов, все возможности открыты перед нами, и мы можем быть уверены в том, что продолжение следует.